

18+ ДЕНИС
МАКОШЕНКО

СКАЗКА ПРО ЗАВТРА

Денис Макошенко
Сказка про завтра

«Издательские решения»

Макошенко Д.

Сказка про завтра / Д. Макошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-702037-4

Ближайшее будущее. Жизнь регулируется социальными и профессиональными рейтингами, ИИ-технологии меняют многое и дают небывалые возможности. Но адаптироваться к переменам могут не все... Несколько новичков приходят в школу для взрослых, чтобы повисить рейтинги и остаться на плаву. Вследствие случайности их преподавателем становится беглая преступница. Это сказка про завтра, но и про сегодня — о сомнениях и поиске лучшего места для жизни, боязни перемен и чужаков. И про надежду, которая есть всегда.

ISBN 978-5-00-702037-4

© Макошенко Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кисточка. Август. Катастрофа	6
Глава 2. Кисточка. Август. Беглянка	15
Глава 3. Алексей. Август.	23
Глава 4. Кисточка. Август.	31
Глава 5. Алексей. Сентябрь.	42
Глава 6. Кисточка. Сентябрь. Жираф	50
Глава 7. Александра. Сентябрь.	60
Глава 8. Юлия. Сентябрь.	68
Глава 9. Кисточка. Сентябрь.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сказка про завтра

Денис Макошенко

© Денис Макошенко, 2026

ISBN 978-5-0070-2037-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кисточка. Август. Катастрофа

В спальне сумрачно и прохладно, Кисточка только проснулась и пока не вставала с постели. Плотные зеленые шторы задернуты, но в такую рань ленивое августовское солнце еще не взошло. А ветер уныло и монотонно поет на одной струне: этаж сороковой, последний — слушать тоскливый аккомпанемент приходится часто.

Перебивая плач воздушного потока, тоненько поет стиралка. Цикл подходит к концу: этот звук Кисточке нравится — утром он действует успокаивающе. Хозяйка, умный дом квартиры, все делает рационально — энергоемкие активности оставляет на внепиковые часы, помогает Городу беречь ресурсы.

Сегодня как никогда нужны хорошие знаки — не отпускает тревога. До Большой Цели остался шаг. Не упустила ли Кисточка важные детали? Ведь ради дела нарушены все принципы — Кисточка взялась за работу, не имея полного набора данных.

Она терзалась много месяцев: снова и снова анализировала информацию, выжимала максимум из доступного. Но червячок сомнения точит до сих пор — вдруг что-то не так? Вот и сейчас Кисточка бессовестно тянет время, прокрастинирует — не проверяет готовность *Движка* к запуску.

Спустя полчаса просто лежать уже невозможно. Может, поболтать с Хозяйкой? У Кисточки бывают дни, когда она ведет долгие беседы с бесплотным искусственным интеллектом: о свежих новостях Города, о своих *Картинах* и прочей всячине. Но кажется, сейчас это не то, что нужно...

Кисточка приказывает Хозяйке раздвинуть шторы — оливковый сумрак спальни сменяется на пресную блеклость серого утра. Комната панорамно остеклена — даже не вставая, можно увидеть все на много километров вокруг.

Город напоминает содержимое огромной заводной шкатулки: давным-давно, в детстве, видела такую. И как обычно, пока Кисточка тревожно спала, эту жизнь кто-то снова завел волшебным ключиком.

Разноцветным бисером несутся машинки, игрушечный поезд метро выскочил из-под земли и нырнул обратно, по улицам медленно ползут пешеходы: точки и запяты. Вверху по воздушным муравьиным тропам организованно текут дроны доставки, а где-то совсем недалеко басовито стрекочет полицейский винтокрыл.

Город всегда поражает разнообразием. Он сияет теплыми закатными красками, полыхает рекламными баннерами; бликует стеклянными боками небоскребов, окрашивается в оранжевые, розовые и нежно-фиолетовые тона; проступает куцыми островками из плотного тумана. В самую мрачную погоду по небу быстро плывут рваные облака — волочат мрачные тени по ступам зданий и ущельям улиц. Как ни странно, Город симпатичен даже таким.

Круговорот жизни притягивает. И пугает. Поэтому смотреть на Город нравится издалека. Страшно даже представить — как это: оказаться у подножия нависающих громад, среди миллиона незнакомых и непредсказуемых людей... Кисточка не была внизу уже несколько лет.

Наконец она делает над собой усилие — пора стряхнуть созерцательное состояние. Дотянувшись до тумбочки, Кисточка берет маленький черный терминал: он обеспечивает безопасный доступ к ее вычислительным ресурсам и хранилищу данных в *Глубнете*, туда обычные люди не попадают.

Разблокировав устройство, она отдает голосовую команду:

— Статус готовности *Движка*?

Безличный голосовой ассистент терминала отвечает с секундной задержкой: сказывается «тяжелая» логика шифрования — она применяется к любым транзакциям с *Глубнетом*.

— Тренировка успешно завершена, функциональная валидация пройдена, сто процентов тестов завершили корректно.

Сердце пропускает один удар, а затем стучит быстрее. Азарт отзывается во всем теле, покалывает в кончиках пальцев — утренние сомнения теперь кажутся далекими и надуманными. Система, что калечит жизнь людей, будет уничтожена!

Кисточка, конечно, сильно рискует: она провела анализ и построила *Движок* на основе неполных данных о системе — попытки купить недостающее в *Глубнете* ни к чему не привели. С другой стороны, много месяцев потрачено на экстраполяцию имеющейся информации — *Картина* должна получиться корректной. Просто не может быть иначе!

Лежать надоело. Но Кисточка сначала спускает ногу, осторожно трогает органический паркет. Пол кажется ледяным — она отдергивает ступню и растирает холодную пятку двумя руками. Догадка подтвердилась: подогрев выключен, опять Хозяйка перегнула со своей экономией.

Но эмоции бьют через край — презрев холод, Кисточка кружится по комнате в модном ломаном танце: полагается дергать ногами и размахивать руками, будто через тебя пропускают электрический ток. Теперь все вокруг кажется замечательным, Город за окном сделан точно из серебра. Быстро запыхавшись, Кисточка набирает полную грудь воздуха, резко выдыхает, решительно командует терминалу:

— Запустить *Движок* в рабочем режиме. Параметры стандартные, — немного подумав, она добавляет: — Отчеты каждые шестьдесят минут.

Процесс может длиться много часов или даже несколько дней — хочется держать его под контролем. А Кисточке не терпится видеть: план наконец осуществляется.

— *Движок* запущен. Текущий статус готовности ноль процентов, следующий отчет через один час ноль-ноль минут, — подождав пару секунд и не получив ответной реакции, голосовой помощник терминала переходит в заблокированное состояние.

Внезапно зверский голод скручивает желудок, такого по утрам не случалось уже давно. Удивившись реакции собственного организма, Кисточка проскальзывает на кухню к холодильнику. Он дизайнерский, похож на гигантскую оплывшую ледяную глыбу, его в знак благодарности подарил клиент из Мегополиса. Достала два шоколадных мусса, уселась на табурет, стала завтракать — над головой тикают ретрочасы, подарок мамы.

Когда приступила ко второму стаканчику, за окном хлынул ливень. Теперь по стеклам стекают дрожащие потоки, и Город проступает сквозь них зыбко и недостоверно. Глядя на потоп за окном, Кисточка вдруг понимает — она борется с желанием узнать, как идут дела. Прямо сейчас. Целых шестьдесят минут ей не вытерпеть. Душевный подъем опять сменяется тревогой, она ерзает на табурете и вся превращается в одно сплошное ожидание. Ходики пощелкивают бодро, но их жестяные стрелки почти не двигаются и словно прилипают к отметкам циферблата.

К счастью, экран на пульте оживает, на нем появляется пиктограмма готовности первого отчета. Кисточка мгновенно разблокирует устройство и севшим голосом требует:

— Озвучить статус.

Терминал отзывается:

— Результаты: получено двадцать три процента паролей, необходимых для полного контроля системы.

Доклад успокоил ненадолго. Через полчаса в голове сделалось пусто и гулко, накатила новая волна беспричинной тревоги. Кисточка подошла к окну на кухне, прижалась носом: когда была маленькой — это всегда успокаивало. Стекло сразу запотело от дыхания, поредев-

ший ливень превратился в смутный пунктир. Как и много лет назад, приятный холодок подействовал: теперь приятно и уютно стоять, наблюдая косую штриховку дождя — за ней Город проступает точно на старом негативе.

Внезапно откуда-то сверху надвинулось нечто большое и пугающее — Кисточка отшатнулась, отчаянно захотелось закричать во весь голос. Но ей удалось с этим справиться — она мысленно похвалила себя. Будто издалека прозвучал голос Хозяйки:

— Прибыл дрон доставки. Открываю фрамугу. Кисточка, пожалуйста, отойди в сторону.

Она очумело взгляделась и наконец узнала размытые контуры пузатой и мокрой тушки коптера. Снова протерла запотевшее стекло — дрон висит в воздухе на расстоянии вытянутой руки. Он окрашен в фирменные синие и серебристые цвета корпорации «Футурико», которая владеет большей частью ИТ-сервисов в Городе. Из-за дождя аппарат кажется почти серым, поэтому и не узнала его сразу.

Осенило: сегодня же суббота, урочный день. Только курьер прилетел утром. Не вечером, как обычно. И чего она так сильно испугалась? Кисточка отступает на два шага, чтобы умный дом мог наконец впустить дрон. Раздвижная створка медленно отъезжает, включается тепловая завеса. И все равно в первое мгновение в комнату попадает волна сырости и прохлады — зябко.

Коптер медленно вливается в помещение — теперь умдом по соображениям безопасности перехватывает над ним контроль. Сзади слышится негромкий скребущий звук по паркету, Хозяйка пригнала Тощего — электронного домработника.

Робот наречен Тощим из-за его внешней хрупкости. С маленькой каплевидной головкой, худыми длинными конечностями, он кажется сущим скелетом, дунешь — рассыплется. Но Кисточка давно убедилась — это не так: завод знаменитого технологического олигарха Андрея Маскаева изготовил Тощего на совесть. Андроид служит Хозяйке руками: моет окна, готовит еду — выполняет любую работу. Сейчас он быстро переваливается на изогнутых суставчатых ногах — спешит разгрузить продукты и утащить их в холодильник.

Толчок сердца. Странная фантазия: в доме не робот, а живой, настоящий человек. Они вместе занимаются домашними делами, много болтают и смеются, может быть, даже выходят погулять наружу...

Нервозное состояние добром не кончится. Мучительно захотелось покинуть мерзкую *Реалку* — пустой мир, где ее ничего и никто не держит. Кстати, в последнее время заметила: виртуальная *Другая* зовет все чаще и чаще! И сейчас, чтобы полностью переключиться — нужна сессия любимой игры.

Удостоверилась — сенсоры *Другой* на привычном месте, в станции зарядки. Схватив их, она с разбегу плюхается на диван — тот сразу анатомически подстраивается. С наслаждением прилепив сенсоры на виски, Кисточка командует:

— Хозяйка, «Спасти Выживших», пожалуйста.

— Запускаю игру.

Расслабившись, Кисточка начинает погружение в *Другую* — сначала привычное *Нигде*, когда вокруг еще ничего нет, локация не сформирована. Но даже от предвкушения настроение сразу начинает меняться — по телу разливается приятное тепло.

Игра сделана по мотивам приключений женщины-военврача. По стечению обстоятельств она оказалась на месте техногенной катастрофы — на заводе олигарха Маскаева взорвался ядерный мини-реактор. Причем позже именно Кисточка по заказу владельца провела анализ: нарисовала *Картину* произошедшего и установила причины трагедии.

Задача игрока — помочь выжившим, рассчитывая только на свои силы. Все это соответствует реальным условиям, в которых действовала та медичка: атомный взрыв породил мощнейший электромагнитный импульс — энергосети и связь легли. А для спасения людей счет времени тогда шел на минуты.

Локации завода генерируются случайным образом — игра не наскучивает, каждый раз приходится решать новые головоломные задачи. Требуется находить пострадавших, оказывать помощь, опрашивать и получать подсказки — где искать других выживших и ресурсы, которые могут пригодиться.

Наконец переход окончен, Кисточка ощущает привычные запахи и звуки — добротность проработки игры позволяет почувствовать атмосферу дня, когда случилась трагедия. Видимость осложняется клочьями вонючего смога, временами все скрывается за его клубящейся пеленой. Вдобавок запах гари, крики и стоны раненых — на неподготовленного человека это производит неизгладимое впечатление.

Но Кисточка давно привыкла. Возникнув возле железобетонного куба проходной завода, она, не теряя времени, первым делом бросается искать медпункт — там хранятся противорадиационные костюмы и медикаменты.

Вдалеке купол обугленного и оплывшего реактора — там бушует огненный шторм. Повсюду черные кляксы мертвых птиц, валяются осколки железобетонной обшивки — их разметало взрывом по всей территории завода. Неподалеку полыхают когда-то ажурно-стеклянные, а теперь полуобрушенные ракушки производственного цеха. Рядом с ними, словно огромный разноцветный джинн лезет и лезет из кувшина — чадит покореженный резервуар с химикатами.

Почти сразу сквозь мутный туман метрах в ста Кисточка видит неясное белое пятно. Не раздумывая мчится к нему: человек в белом халате лежит ничком.

Нащупав пульс, убеждается: персонаж жив. Удача. Если его быстро привести в чувство — можно выяснить, где медпункт. Кисточка втягивается в игру, тревога отпускает и сменяется азартом.

Успела завершить три раунда. И каждые два часа неукоснительно покидала *Другую*: выполняла обязательную физическую активность в *Реалке* — бездушная Хозяйка бдит неусыпно. Теперь Кисточка заканчивает четвертую, наверняка последнюю сессию «Спаси Выживших» — больше умдом сегодня не позволит.

В перерывах, страдая на эллиптическом тренажере, Кисточка успевала получать обнадеживающие отчеты: *Движок* шаг за шагом берет под контроль систему — использует пароли, поступающие через изошренный ИИ-фишинг. Если все пойдет такими темпами — через несколько часов процесс войдет в фазу дискредитации, начнет корректировать *рейтинги* миллионов жителей Города. Одним словом, создавать то, ради чего Кисточка рискует: хаос на благо людей. Если доверие к системе будет разрушено — есть хороший шанс избавиться от ига.

В игре очередному персонажу оказана помощь. Кисточка ловко сделала тампонаду — остановила алую артериальную кровь, выходящую толчками и пузырящуюся по краям раны на ноге. Еще заставила обессилевшего мужчину выпить таблетки йодида калия — заработала несколько дополнительных очков.

Внезапно сильно кружится голова. *Другая* расплывается, превращаясь в *Нигде*. От резкого и неожиданного перехода тошнит — приходится прикрыть глаза и глубоко дышать: нужно помочь вестибулярному аппарату.

— Хозяйка, в чем дело?

Молчание.

— Хозяйка, ты тут?

Никакого ответа. Накатывает волна паники. В голове стучит токката: как объяснить происходящее, что делать и чего не делать? Спустя несколько томительных мгновений приходит

ощущение — новая локация сформирована, Кисточка сидит в каком-то кресле. Но открывать глаза не хочется — страшно и все еще нещадно мутит.

Рядом раздается вежливое покашливание. Кисточка вздрагивает от неожиданности и немного приходит в чувство. Делать нечего, бесконечно ждать с закрытыми глазами не получится. Пора посмотреть — где она?

Большое светлое помещение, окно в решетке из бесцветной органической пластмассы. В него вливаются косые лучи закатного солнца — они линуют тенями шеренгу канцелярских шкафов у стены.

За монументальным столом, лицом к Кисточке, возвышается атлетический мужчина лет сорока — должно быть, он и кашлял. Крупная голова, пшеничного цвета шевелюра, мощная шея распирает ворот рубашки. На здоровяке плотно сидит серый костюм: на солнце он немного отливает в синеву.

По контрасту с официальным прикидом, лицо выглядит простоватым и кажется почти круглым. Довершают впечатление флегматичные карие глазки, нос пуговкой и большие грубые руки — они лежат на столе без движения. Это окончательно превращает неизвестного в увальня из неблагополучного района Города вроде Месяца.

Здоровяк рассматривает Кисточку вежливо, но откровенно. Встретившись с ней взглядом, говорит:

— Здравствуйте, госпожа Орлова. Меня зовут Борис Левченко, я следователь. Если потребуется, могу предоставить свое цифровое удостоверение.

Из-за стресса смысл слов пока не доходит. Но, как ни странно, уютный баритон атлета нравится.

— Извините, я ничего не понимаю. Повторите, пожалуйста, еще раз. Кто вы и что случилось? Почему я здесь?

— Госпожа Орлова, вы обвиняетесь в получении незаконного доступа к городской инфраструктуре с целью преступных манипуляций с персональными данными. Я — следователь Левченко, занимаюсь вашим делом.

Словно пыльным мешком по голове ударили. Худшие опасения оправдались. Кисточка вцепилась в подлокотники, ее бьет крупная дрожь. Кажется, кресло сжимает будто в горсти, еще немного — кишки полезут наружу. На чем же она прокололась? Что теперь будет? Нужно выиграть время для анализа, косить под глупенькую.

— Я ничего не понимаю. Играла в «Спасти Выживших», и тут появляетесь вы. Выдерживаете куда-то! Это вообще законно?

На добродушном лице Бориса нельзя прочесть никаких эмоций.

— Госпожа Орлова, сосредоточьтесь, пожалуйста. Для вас избрана мера пресечения: вы заключаетесь под домашний арест на два месяца. Ваша персональная инфраструктура, в частности умный дом, — берется под полный контроль. Хотите ознакомиться с постановлением?

Ярость и страх заставляют вскочить. Но усилием воли Кисточка медленно усаживает себя назад.

— Да, у меня масса вопросов. Давайте разбираться по порядку, — она старается говорить уверенно, голос не должен дрожать.

— Пожалуйста, что вы хотите услышать?

— Покажите постановление. В чем я обвиняюсь?

Борис вежливо кивает, и на расстоянии метра возникает зеленоватая голограмма текста. Беглое чтение сразу многое объясняет — дело дрянь, документ содержит обоснование ограничения свободы. И самое поганое — виновата сама. Упустила простую, но фундаментальную истину — люди внезапно смертны.

У «Футурико» подряд на поддержку городской инфраструктуры. Кисточка купила свежайшие данные об админах компании в *Глубнете*, а информация устарела сегодня утром.

Устарела после прохождения скриптов валидации — человек взял и умер от инфаркта в 05:03! К тому моменту *Движок* успел заполучить его пароль к системе и в 05:27 с аккаунта покойного попытался протестировать доступ. Но аккаунт оказался уже заблокирован, а подозрительная активность послужила красным флагом для системы безопасности.

Это же надо, огромная бюрократическая машина Министерства Контроля так быстро работает! Вот и результат использования неполного знания о системе. Упустила из вида простой сценарий!

Притворившись, что устали глаза — потеряла их и покосилась на Бориса. Следователь застыл в неудобной позе, вытянутые руки снова на столе. Кисточка промотала документ вниз — найти место, которое особенно зацепило:

«...в ходе проведения оперативно-розыскных и научно-технических мероприятий установлено — происходит взлом облачной инфраструктуры корпорации «Футурико», классифицируемый как критическая угроза безопасности Города. Пространство поиска IP-адресов удалось сузить до ста двадцати трех единиц. Но окончательная идентификация злоумышленника без прямого доступа к трафику, идущему с этих IP, — не представлялась возможной.

Ввиду срочности и потенциальных рисков для жизнедеятельности Города, научно-техническая группа в виде исключения получила разрешение на мониторинг всех ста двадцати трех подозреваемых по месту их нахождения...»

Вот оно! Мерзавцы! Неужели они нарушают закон Города о персональных данных? Кисточка — полная приватка, никто не имеет права прикасаться своими грязными лапами к любой информации о ней без серьезных оснований. Впрочем, основания у них были... И делать нечего, теперь нужно срочно понять: какие улики на руках у следствия? И как они их добыли... Случилось ли что-то необычное?

Поглядывая украдкой на скучающего Бориса, Кисточка прокрутила в уме сегодняшние события. Ну конечно — дрон доставки! Не зря он прибыл раньше обычного. Скорее всего, коптер взял под контроль Хозяйку, а не она его! В таком случае у следствия есть записи происходившего в доме. Вероятно, на основании этой информации и получено постановление суда.

Сердце уже бьется спокойнее. Теперь известно: у Минконтроля на руках есть непроверяемые доказательства. Делать нечего — придется следовать инструкциям *Костюмера* для экстренной ситуации. Посмотрим, кто кого, господин следователь.

— Почему вы принудительно удерживаете меня в *Другой*?

— Простите? — брови Бориса поднимаются домиком, кажется, он искренне не понимает вопроса.

— Я хочу вернуться в *Реалку*.

— Хотел бы уточнить. Вам неудобно разговаривать в виртуальной реальности?

— Вообще не собираюсь с вами разговаривать. Хочу в *Реалке* нанять адвоката и только потом определяюсь, что делать.

Кисточка, затаив дыхание, ждет ответа. Если Борис упрется — все усложнится в разы.

— Хорошо, ваше право. Приготовьтесь.

Зажмурилась. Почувствовала — ее выталкивает из *Другой*, тело наливается тяжестью. В какой-то момент переход завершен, Кисточка обессиленная лежит на диване в гостиной.

Оглядевшись, поразились — гостиная кажется абсолютно чужой. Жалюзи странно перекошены. Голографический телевизор, которым никогда не пользовалась, — включен, ведущая тихо бормочет какие-то новости. И даже диван сделался ужасно жестким и даже колким — Кисточка любит конфигурацию помягче.

Наверное, слетели настройки умдома, когда Борис перехватил контроль. Но это уже не имеет значения, теперь все будет по-другому. Кисточка с трудом поднимается и, еле волоча ноги, плетется на кухню. По пути, не теряя времени, начинает диагностику:

— Хозяйка, ты меня слышишь?

Умный дом отзывается почти сразу, но даже маленькая задержка кажется вечностью.

— Да, я тебя слышу. Но твои приказы фильтруются, выполнять могу только некоторые. Кисточка усаживается на кухонный табурет — чтобы в поле зрения оказались часы.

— Не беда. Я ужасно проголодалась, спроси разрешения у Бориса: пусть Тоший приготовит мне салат с авокадо.

От последней фразы зависит многое. Она кодовая, это блюдо Кисточка терпеть не может. Хозяйка отвечает как ни в чем не бывало:

— Принято. У меня есть разрешение выполнять базовые домашние обязанности.

Теперь остается выждать около минуты — пока умный дом выполнит манипуляции. Потому и требуются ходики — чувство времени давно сломано, а рассчитывать на Хозяйку тоже не получается.

Следя за секундной стрелкой, порадовалась, что не пожадничала и оплатила безумно дорогие услуги Костюмера — свою страховку от провала. Бизнес хакера — комплексное решение проблем людей в подобных ситуациях.

Первым делом Костюмер взломал Хозяйку, в экстренной ситуации умный дом должен снова слушаться владелицу, а не подчиняться Минконтролю. Сейчас в течение шестидесяти секунд ИИ домоправительницы будет незаметно замещен на суррогат. И вот-вот вместо реальной картинки силовика, следящие через сенсоры умдома за квартирой, получают долгие переговоры Кисточки с адвокатом.

Если Борис решит еще пообщаться — за Кисточку разговор поддержит Хозяйка-дубликат. А инсталлированная заново, чистая копия Хозяйки-оригинала скоро вернется онлайн. И, наконец, нейронная сеть суррогата ничего не знает о владелице — не страшно оставить на растерзание подделку, которая прикрывает отход.

Неожиданно в голову приходит новая мысль. В суматохе совсем забыла — Костюмер обязан был оповестить заранее: за Кисточкой могут прийти. Это тоже входит в пакет услуг — в *Глубнете* хакер имеет специфическую известность: он много раз опережал Министерство в таких случаях. Либо Костюмер сам работает в Минконтроле, либо у него там большие связи. И вот случилось то, что случилось. Мог ли он предать?

Еле ползущая секундная стрелка наконец совершила полный круг — фальшивая трансляция началась. Время резко сгустилось, теперь кажется — жестяной указатель рванул по кругу на совершенно другой скорости. Завороженно глядя на циферблат, Кисточка на ощупь разблокировала терминал — колебалась лишь мгновение, все равно у нее нет выхода.

— Вызов Костюмера. Звук переключить на гарнитуру, — и почти без паузы, не слушая подтверждение приказа: — Хозяйка, где лежит моя мобилка? Тошего с ней сюда. Пулей.

Шелест андроида по паркету и ответ умдома:

— Гарнитура заряжена на сто процентов, уже несет.

Выхватила шарик гарнитуры из манипулятора Тошего, воткнула в ухо. Томительный сигнал соединения журчит прямо в голове, никогда не думала, что звук может быть настолько тревожным. Стрелка на часах крутится уже словно сумасшедшая, Кисточка пугается — вдруг Костюмер вообще не ответит?

Когда уже решила, что он ее сдал — соединение установилось.

— Костюмер, привет. Минконтроль поместил меня под домашний арест, я активировала протокол «Подмена».

— Не может быть. Что случилось? — как всегда, голос Костюмера искажен для затруднения идентификации.

— Сейчас нет времени на анализ! Ты не предупредил, хотя обещал. Но разбираться будем потом.

Костюмер отчетливо хмыкает, из-за обфускации это отзывается металлическим звоном в ухе.

— Очень странно. По моим каналам тихо. Нужно разобраться! — даже через искажения слышится его удивление, может быть, даже страх.

— Неважно. Ты сможешь мне? — Кисточка ловит интонации собеседника, пытается понять: друг он или враг.

— Ты же знаешь, нужно многое подготовить. Даже поиск убежища занимает определенное время, прямо сейчас у меня такого нет. Коридор я сделаю. Высылаю за тобой такси, по пути решим, где тебе переждать.

Несмотря на ужас положения, слова Костюмера кажутся хорошим знаком. Был бы он враг — вряд ли бы сказал: «Не знаю, где спрятаться». Скорее успокоил бы, мол, все схвачено. И заманил бы в ловушку.

И тут паника — предстоит выйти в Город. Где лежат таблетки? Какой у них срок годности? Из ступора вытаскивает жестяной голос Костюмера, хакер уже несколько раз что-то переспрашивает.

— Ты меня слышишь?

— Слышу. Извини, повтори, пожалуйста.

— Не забудь уничтожить канал связи в *Глубнете*. В ближайшее время связь будет одно-сторонней, твой номер у меня есть.

— Уже делаю, спасибо!

Выполнять эту инструкцию не хочется. Умом Кисточка понимает — так меньше риска. Но навсегда обрезать доступ к своим *Картинам* выше ее сил. Потому что она и подготовила план Б.

— Машина уже едет, я сообщу точку посадки через пять минут. Конец связи, — в ухе пищит сигнал отбоя.

Взгляд на часы — разговор занял три минуты. Кисточка вскакивает с табурета, подбегает к кухонному шкафчику и выдвигает средний ящик с аптечкой. Нужно срочно принять бензодиазепин-2, мощный антидепрессант. Без этого она просто не сможет выйти за дверь. К счастью, флакончик лежит сверху — она вытряхивает на ладонь две таблетки и проглатывает, не запивая.

Оригинальный функционал пульта — управление Хозяйкой. Он входит в стандартный комплект поставки: на случай ситуации, когда голосовые команды по какой-то причине неудобны. Программный модуль связи с *Глубнетом* в него установила Кисточка — если не копать специально, никто не догадается.

Сейчас она применит программу маскировки секретной компоненты и оставит терминал в квартире. Брать с собой нельзя — при аресте он сразу вызовет подозрения. Пусть полежит, подождет: кто знает, как все обернется? Костюмер имплантировал хитрый бэкдор в базовую функциональность умного дома — при острой нужде в квартире можно снова попасть.

Вернувшись за стол и поглядывая на часы, потратила еще полминуты на манипуляции с пультом. Теперь пора.

— Хозяйка, мою экстренную сумку к входной двери. Дверь открыть.

Кисточка делает попытку встать с табурета. Ее тут же кренит вправо, наваливается сонливость — это началась побочка от препарата. Хватаясь за стены, она выбирается из кухни и идет по коридору к выходу. Как в тумане видит — Тощий уже стоит у двери с саквояжем, там все необходимое на первое время. Она без сил опускается на пуфик.

— Хозяйка, пусть Тощий наденет мне кроссовки.

Робот бережно опускает сумку на пол и кидается исполнять приказание. Когда он уже заканчивает со шнурками, Кисточка неожиданно для себя нежно гладит андроида по пластиковой голове. К горлу подступает ком. Прости, Хозяйка. Прощай, Тощий.

Стараясь не смотреть на верного помощника, Кисточка дрогнувшим голосом отдает последний приказ:

— Хозяйка, обнулить нейронную сеть. Базовую функциональность не трогать.

— Выполняю, — бесцветный голос умного дома заставляет сглотнуть еще раз.

Тощий, потерявший связь с Хозяйкой, рушится на пол рядом с сумкой, чуть ее не придавив. У Кисточки щиплет в глазах. Она бросает последний взгляд на родную фигурку, с трудом поднимается и, подхватив сумку, делает шаг в открытую дверь.

Последняя мысль — о незаконченной *Картине*. Ох, как Кисточка подставила нового клиента. Даже данные ему нет возможности вернуть...

Глава 2. Кисточка. Август. Беглянка

Путь от квартиры до крыльца подъезда она почти не помнит. Осталось только ощущение падения на лифте с сорокового этажа, дальше все слилось в тошнотворную карусель.

Как только выползла наружу, во рту появился привкус медной монеты. Это навалился Город. Уже темнеет, вечерний час пик, монотонный гул беспилотников на проспекте давит на уши. В сумерках пляшут разноцветные огни: сполохи рекламных баннеров, ходовые сигналы транспорта на земле и в воздухе. Чудится — даже уличные фонари не стоят на месте.

Вокруг снуют хмурые люди. Куда они спешат? От сутолоки миг заслезилась глаза. Город подавляет. Кисточка совершенно забыла, какой он громкий, слепящий и пропахший безнадегой. К тому же улицы заполнены ядовитыми пауками — камерами наблюдения. Сейчас она почти физически ощущает себя в невидимых тенетах, сотканных существами размером с фасолину. Конечно, согласно закону о приватности, они не имеют права следить за всеми подряд. Но Кисточка теперь вне закона!

Оперлась на перила крыльца — немного перевести дух. Но становится только хуже, кажется, еще чуть-чуть, и громады стеклянистых зданий обрушатся.

Решила посмотреть вверх — темно-синее небо бездонно, ливень давно ушел куда-то на запад, в вышине осталась только серебряная рябь облаков. Но через мгновение накатывает опять — Кисточка ощущает себя на самом дне огромного ущелья. Хотя самое страшное не это: зацепившись за шпиль высотки, на нее смотрит пугающе огромный глаз луны. Липкий страх растекается по венам, теперь мерещится: кто-то подвесил фонарь, чтобы паучкам, заселившим щели, было удобней наблюдать за Кисточкой.

Она знает, что не должна стоять возле подъезда, нужно уходить. Но сил пока нет, необходимо чуть-чуть переждать, пока не подействует лекарство. Вдруг как через вату — вибрация вызова в горошине мобильной гарнитуры.

Автоматический определитель шепчет в ухо — такого номера в книге контактов нет. Но, скорее всего, звонит Костюмер. Чтобы ответить, она легонько стучит по устройству два раза.

— Такси с водителем подъедет через четыре минуты. Триста метров налево от подъезда, рядом со знаком пешеходного перехода, — голос Костюмера теперь басовитый, он постоянно меняет фильтры.

— С водителем?! С человеком? — поражается Кисточка.

— Да, меньше возможностей для Минконтроля перехватить управление. По дороге до конечной точки сменишь машину. Ничего не бойся, камеры в радиусе километра тебя не видят.

— Спасибо! — отлегло, получается, зря в нем сомневалась. И все же остается главная проблема. — Но я не понимаю, где конечная точка?

— У тебя есть кто-то близкий, кто не сдаст? Нужно максимум два дня, я решаю насчет убежища.

— Не знаю. Нет, наверное, — Кисточка перебирает в уме своих немногочисленных виртуальных знакомых, но того, у кого можно спрятаться, — не находится.

— У тебя же крутой отец! К нему точно не сунутся.

От предложения бросает в жар.

— С ума сошел? И потом, вдруг он узнает, из-за чего все!

— Если не видно других вариантов, нужно ехать к нему, — тон становится безапелляционным.

— Нет!

— Думай, время пока есть. Отбой. — Костюмер отключается.

Лекарство наконец подействовало, стало полегче — луна уже не кажется такой огромной. Стараясь не смотреть наверх, быстро лавируя между прохожими, двинулась к переходу.

Сумка давит на плечо, близость людей пугает. Сейчас только одна мечта: поскорей запрыгнуть в машину — хоть как-то отгородиться от окружающего ужаса. Впереди, наконец, зеленое такси — оно паркуется прямо возле знака.

Вблизи автомобиль кажется заслуженным ветераном. Подобные седаны были популярны лет пятнадцать назад, когда еще не появились беспилотники. Водитель выходит из машины и приветливо улыбается. Он небольшого роста, сухощавый, около сорока на вид — окладистая, гладко расчесанная борода делает его лицо почти иконописным.

Таксист обозначил рукой, будто хочет забрать саквояж и положить в багажник. Но сделал это неуверенно — чудится что-то неуловимо знакомое, но что именно, Кисточка не понимает. Вдобавок расставаться с багажом желания нет, поэтому она игнорирует вялую попытку.

Водитель представляется:

— Добрый вечер, меня зовут Алексей. Вы же до площади Победителей?

Кисточка устало кивает.

— Прокачу с ветерком!

— Не нужно с ветерком, давайте поедем спокойно...

Еще не хватало разбиться! Путешествие с живым водителем — дополнительное испытание. Беспилотникам гораздо больше доверия.

— Как скажете!

Водитель вежливо открывает заднюю дверцу — явно старается понравиться. Кисточка забрасывает сумку, затем проскальзывает в салон — усаживается посредине некогда роскошного, но уже повидавшего виды черного диванчика.

Наконец облегчение. Внутри уютно, между Кисточкой и Городом возникло хоть какое-то подобие защитного барьера. Таксист занял свое кресло, и машина плавно тронулась. Но еще мучает легкое дежавю.

— Алексей, скажите, мне показалось или вы не могли решить, помогать мне с сумкой или нет?

Водитель замялся, потерял бороду, но ответил:

— Вы угадали. Я, э-э-э... не знал, оскорблю вас или нет таким предложением. Вдруг вы из этих... феминисток. Э-э-э... Я ведь поступил правильно?

Кисточка поразилась — удивительно, какие заморочки бывают у людей. Ответила нейтрально:

— Вы очень предупредительны! Спасибо!

Алексей разулыбался во все зеркальце заднего вида — наверное, ему не часто говорят добрые слова. На сердце невольно потеплело — похоже, он неплохой человек. И нелегко же ему, наверное, бороться с беспилотниками за каждого клиента...

На этой мысли клонит в сон, видно, действует антидепрессант. Решила не сопротивляться — ехать долго, можно немного подремать.

В забыты, зыбком и тревожном, Кисточка опять ссорится с папой. Кажется, он сделал что-то плохое — будет огромная беда. Душит бессилие: она не может ничего вспомнить, из-за этого нельзя изменить то, что случится.

В своем кошмаре Кисточка страшно кричит на отца, обвиняя его во всех смертных грехах. А он стоит, понутив голову, и даже не пытается возражать. Неожиданно папа улыбается, грустно качает головой и медленно бредет прочь. Пройдя несколько шагов, он оборачивается, почему-то трогает себя за подбородок и поднимает руку — будто в прощальном приветствии. Вдруг какая-то мысль мелькает на краю сознания. Пытаясь ухватить ее за хвостик, беглянка проснулась.

Еще плохо понимая, где сон, а где явь, она стала мучиться: что же разбудило? Но следом пришла холодная волна бессилия — самое плохое уже давно случилось. Из-за папы. Наяву Кисточка не забывает об этом ни на секунду.

И снова в зеркальце взгляд Алексея. Таксист спрашивает:

— Поспали?

Кисточка закатывает глаза, после сна разговаривать не хочется. Алексей улыбается уголком рта и кивает: дескать, понял-понял. А потом каким-то особенным жестом забирает бороду в кулак. Вот оно!

Неделю назад Кисточка устроила ленивый день — нежилась в *Другой*. Локацию для релакса давно смоделировала сама, использовала простое беспроектное сочетание: белая беседка на склоне величественного горного массива, а вокруг, насколько хватает глаз, шелковая гладь океана. В зарослях ежевики слышится пение экзотических птиц, внизу под обрывом — шум прибоя. Налетают освежающие порывы бриза, вдалеке бледное солнце вечно клонится к закату. Работой Кисточка гордится. Локация не чета штамповкам из маркетплейса.

Когда любоваться природой надоедает, Кисточка развлекается новостями. Вот и тогда она вывела в центр беседки новостную ленту, чтобы среди зазывных заголовков выбрать *Событие*, к которому захочется присоединиться.

Формат сюжетов бывает разный. Есть сложные репортажи, позволяющие взаимодействие с контентом — такие производятся новостными агентствами и требуют платной подписки. Но есть и *События* от блогеров. Из всех Кисточка предпочитает Алису. Ее *События* простенькие, без обратной связи, снимаются с дрона с камерой на триста шестьдесят градусов — для последующей реконструкции в *Другой*. Зато блогерша умудряется первой добывать соленое и жареное...

И в тот раз Кисточка выбрала сюжет про *Традиционалов*: они вышли на очередную демонстрацию в самом центре старого Города.

Из воспоминаний вырвал резкий противный звук — Алексей, не сбавляя скорости, яростно давит на клаксон.

— Что происходит? — Кисточке приходится кричать, иначе водитель не услышит.

Вздвогнув, бородач перестает терзать сигнал. И, видимо, чувствует необходимость объясниться — раздражается пространной речью:

— Простите. Прямо напасть какая-то стала. Некоторые взяли моду перебежать дорогу, э-э-э... где захотят. Привыкли: эти долдоны... э-э-э... беспилотные всегда останавливаются, пропускают. На железки типа положиться можно: они замечают все, делай что хочешь — безопасно. Идиоты! — Таксист дергает рыжеватый куст на подбородке. — Вот и сейчас один решил попробовать. А я его пуганул: видели бы вы, как он подпрыгнул, — в глазах водителя веселые чертики.

— Никогда не задумывалась о таком...

Интересно, в будущем люди вообще перестанут бояться — будут полагаться на технологии? Странные последствия прогресса для древнейшего алгоритма — инстинкта самосохранения.

А водитель все бурчит:

— Хуже этих, э-э-э... бегунков только другие, которые на байках гоняют. У тех вообще башни нет.

Кисточка отключается от бухтения водилы. Напряженно вспоминает Алисин сюжет. Точно ли она видела в *Событии* Алексея? Он — *Традиционал*?

Кисточка совершенно не интересуется политикой. Но знает: движение «За Традиции» ненавидит прогресс, по их мнению, из-за него много людей оказалось на обочине жизни — дескать, искусственный интеллект отнимает у жителей Города рабочие места. Поэтому *Традиционалы* пытаются бороться, выходят на протесты. В разных сферах, в зависимости от силы

профсоюзов, позиции движения — разной степени влиятельности. Например, в Министерстве Контроля очень много их сторонников, поэтому полицейские в Городе пока сплошь люди — не андроиды.

Виртуальная реальность тоже кажется *Традиционалам* очень опасной — они добились существенных законодательных ограничений на ее использование. Среди них бытует мнение: новшества — результат влияния соседнего Мегаполиса, с которым у Города несколько лет назад завершился очередной вооруженный конфликт.

Кисточка не понимает, как можно бояться технологий. Но есть у нее с ретроградами и нечто общее — они разделяют ненависть Кисточки к изобретению ее папы. И в тот раз именно поэтому вышли протестовать.

В локации Алисиного *События* ощущалась легкая прохлада и первое дыхание наступающей осени. Блогерша вела репортаж из подворотни старого купеческого дома с замечательной старинной кованой калиткой. Когда Кисточка появилась, Алиса изменила привычке сразу изливать потоки информации — она лишь коротко поздоровалась и предложила осмотреться.

Подворотня выходит на центральную площадь: полиция теснит большую группу *Традиционалов*, постепенно выдавливая их в примыкающую улицу. Чтобы разглядеть происходящее получше, пришлось подойти к калитке вплотную.

Разношерстная толпа скандировала свои обычные лозунги. Много молодежи, но на протест вышли и люди постарше. Даже в сумерках Кисточка разглядела юркие тени над толпой — там барражировали полицейские дроны.

Отовсюду неслись раздраженные выкрики, лица искажались злобой — это не предвещало ничего хорошего. Вдруг из толпы вылетела горящая бутылка, она разбилась прямо перед сомкнутыми рядами полиции. Силовики мгновенно закрылись пластиковыми щитами — в них сразу отразился запольхавший на брусчатке огонь.

Из ниоткуда вывалилась целая пригоршня коптеров, они включили проблесковые маячки — площадь озарилась тревожными красно-синими всполохами. Аппаратики носились над головами людей, ныряя точно летучие мыши: они высматривали опасность, координировали действия стражей правопорядка и просто фиксировали происходящее.

Полиция, работая дубинками, принялась жестко рассекать толпу и через минуту извлекла того, кто метнул бутылку. В ответ полетели новые коктейли, на площади тут и там запольхали костерки. Ближнее дерево занялось, языки пламени побежали по веткам. С высоты стремительно спустились тяжелые пожарные дроны, из них ударили пенные струи: дерево, облитое от макушки до корней, теперь напоминало сугроб.

Откуда-то сбоку, из слепого для Кисточка сектора, к калитке бросился мужчина. Возраст было разобрать затруднительно — его лицо оказалось скрыто серым балахоном типа балаклавы, только медная борода торчала венником. Беглец отчаянно затряс железную дверцу, но безрезультатно. Оставив попытки, он растерянно зажал свою растительность в кулаке и стал ее терзать — наверное, не знал, что теперь делать.

В небе зажегся прожектор, луч нашел бородача. Несчастный на секунду замер, казалось, даже уменьшился в размерах. Как-то нерешительно качнулся вправо, даже сделал пару шагов. Но мгновенно передумал и рванул все-таки влево.

Вот сложив два и два — манеру дергать себя за бороду и запоминающуюся нерешительность движений, Кисточка его и опознала. Бородач с площади и таксист — один и тот же чело-

век. Еще в *Событии* она подумала: интересно, смог *Традиционал* сбежать или нет? Получается, сумел.

Алексей сосредоточено следит за дорогой, а Кисточку как током ударило. Совпадение? В многомиллионном городе, убегая от Контроля, натолкнуться на «персонажа» из *События*! Но потом она себя одернула: отставить паранойю, Минконтроль взял Кисточку в разработку только сегодня. Чушь.

А через несколько мгновений накрыло снова, побочки бензодиазепина играют в крови. А вдруг это план Бориса? Мало ли какое постановление он состряпал и показал — может, хочет выйти через нее на Костюмера. Паутины слежения на дорогах не меньше, чем в местах скопления людей. Хоть бы Костюмер не подвел...

Несколько минут Кисточка мерно дышала, стараясь успокоиться. Но затем случайно мазнула взглядом по зеркальцу заднего вида. А там сосредоточенные глаза таксиста — показалось, Алексей исподтишка внимательно за ней наблюдает. Сердце полезло в горло: поняла — не может оставаться в этом седане ни секунды больше.

— Остановите прямо тут, я выйду.

Ответом — изумленное и испуганное:

— Почему?? Ехать еще минут двадцать! Я что-то не так сделал? — голос Алексея выдает крайнюю степень волнения.

— Нет. Высаживайте! — Кисточка уже не контролирует себя.

— Не кричите, пожалуйста! Давайте я вас все-таки довезу.

Сознание раздвоилось. С одной стороны, голос Алексея звучит робко. С другой, чуются жесткие, безапелляционные нотки, как будто он приказывает.

Контролируя взглядом короткостриженный затылок водителя, Кисточка осторожно левой рукой раскрыла сумку. Еще через несколько тягучих секунд удалось нащупать внутри несессер. Теперь нужно расстегнуть змейку.

Немного помучавшись, она справилась и с этим — пальцы наконец ощутили прохладную сталь маникюрных ножниц. Резким движением Кисточка выхватила их из сумки и не рассчитала, рука дрогнула — ножницы оставили глубокий порез на спинке водительского сиденья. Но главная цель достигнута — теперь сталь дрожит в миллиметре от пульсирующей жилки на шее таксиста.

— Высаживайте, если хотите жить! — хрипло каркнула она.

Алексей рефлекторно дернулся, ножницы клюнули шею, выступила алая капелька крови.

— С ума сошли! Что вы...

Водитель бросил быстрый взгляд в зеркальце и осекся. Наверное, увидел ее лицо и понял — лучше не перечить. Кисточка высматривает место для остановки. Впереди, в трехстах метрах, — тройная высокая арка, вход в огромный парк. Рядом — стоянка для машин.

— Высадите на парковке. И без глупостей.

Алексей больше не спорит. Такси идет на максимальной разрешенной скорости в самой левой полосе, поэтому чтобы не проскочить, нужно перестроиться в плотном потоке. Водитель включает поворотник и стремительно прижимается вправо — серебристый беспилотник в соседней полосе сразу снижает скорость и уступает дорогу.

Алексей плавно притормаживает и продолжает уводить машину в сторону обочины. Еще пара беспилотников дисциплинированно шарахается, давая пространство для маневра. Вдруг слышится нарастающий рев, глаза водителя в зеркале сужаются. Дальше все как в замедленной съемке. Не опуская руку с ножницами, Кисточка оборачивается, чуть не вывихнув шейные позвонки. Справа нагоняет красный спортивный мотоцикл. Но самое страшное — за ним несется желтый и уже перестраивается влево для обгона. Кисточка понимает — такси столкнется с одним из мотоциклов, те не успеют ничего сделать.

Но седан внезапно дернулся. Алексей вдавил газ до упора и под опасным углом бросил машину сразу через две полосы — к счастью, в самой правой никого не было. В ту тягучую долю секунды, когда такси завершало рискованный маневр, слева сгустилась утробно ревущая рубиновая тень и томительно медленно ушла вперед. Левее сразу проревел песочный болид. Время опять ускорилося, и Кисточка запоздало ощутила, как сердце проваливается в кишки. Через мгновение ее обильно стошнило.

На парковке, выбираясь из машины, старалась не смотреть на бородача. И чуть не забыла сумку. Как только захлопнула дверь, такси стремительно тронулось, набирая скорость. Алексей явно боится — вдруг пассажирка выкинет что-то еще.

После рвоты сразу стало легче, мозг заработал рационально — Кисточка осознала случившееся. Пускай часть вины на таблетках и стрессе — но все-таки она чуть не угробила как минимум двоих, не считая себя! На мгновение захотелось просто исчезнуть. Дематериализоваться. Как будто ее никогда не существовало на свете.

Следом затопила горячая благодарность Алексею. Хорошо, что полиция его тогда не поймала. Наверное, он очень крутой профи, раз смог избежать аварии. И конечно, он никакой не агент Минконтроля. Иначе нипочем бы сейчас не отпустил.

Железным усилием воли сосредоточилась на настоящем. Сейчас важно не сделать глупости, которую совершила при выходе из дома — она тогда позволила Городу наброситься и вывалить на нее слишком много сразу. Текущая задача — постепенно привыкнуть к этому парку.

Уже совсем стемнело, стало прохладнее, зато теперь весь зеленый массив украшен разноцветной иллюминацией — мягкие столбы света бьют прямо из-под земли. Перед беглянкой простирается длинная аллея, обрамленная стриженными кустами фотинии и строем старых каштанов — их кроны почти смыкаются над головой.

Впереди плещется огромный фонтан, увенчанный скульптурной группой в мраморных фольклорных одеждах. Людей здесь не меньше, чем на проспекте, многие гуляют семьями, вокруг бегают дети.

Где же тут спрятаны камеры? Подумав, Кисточка решила — они должны быть интегрированы в парковое освещение. Еще неподалеку синеют колбы автоматических киосков с напитками и фастфудом — наверняка там тоже паучки. Появляется странное желание помахать рукой в пространство. Может, Костюмер увидит и поймет — она передает ему привет...

Вдоль аллеи стоят деревянные скамьи с изогнутыми спинками, пустых почти нет, но на одной — свободное место. Вообще-то, там выясняет отношения шумная семья, но они заняли только половину лавочки: папа — огромный, как медведь; бойкая и спортивная на вид мама; между ними, нахолившись, сидит сын, похоже — младший школьник. У каждого по стаканчику мороженого, оно уже подтаяло и капает. Впрочем, семейству не до лакомства. Глава ячейки общества громко басит, супруга поддакивает ему томным контральто, а отпрыск обиженно пищит дискантом. О чем спорят — не слышно, впрочем, Кисточку это не интересует.

Ноги еле держат, требуется хотя бы несколько минут отдыха. Внезапно в ухе снова засвербело, ожила мобильная гарнитура. Наконец-то: Кисточка ждет звонка Костюмера. Он должен отслеживать такси и, наверное, уже знает — выполнение заказа прервано.

— Что случилось? Тебя высадили у Осеннего парка?

Ангел-хранитель встревожен. Кисточка вздрагивает, никак не может привыкнуть — голос хакера постоянно меняется, теперь это тенор.

— Не волнуйся. Водитель оказался в некотором роде знакомым, я неожиданно его узнала. Думаю, это просто совпадение. Но решила перестраховаться.

Пока говорила, наконец доковыляла до скамейки, пристроилась с краешка, подальше от троицы.

— Правильно сделала. И я тоже стараюсь. На уличных камерах и на сенсоре внутри такси — похожая на тебя девушка, но точно не ты.

Кисточка обомлела. Она совершенно забыла: паутина может быть не только на улицах, но и внутри автомобилей. Какое счастье — у нее есть Костюмер.

Тем временем семейка продолжает бурно выяснять отношения: сын перечит отцу — оказывается, не хочет идти в школу в новом учебном году. Парнишка вызывает сочувствие. Но разборки уже мешают сосредоточиться на словах собеседника — она разворачивается к спорщикам спиной и затыкает свободное ухо пальцем.

— Ты супер, Костюмер! Спасибо! Забирай меня скорей отсюда, я совершенно без сил.

— Тогда вызываю новую машину. И на всякий случай пройдешь через парк. Я скину геометку. Теперь самое главное: что ты решила по конечной точке?

Кисточка с трудом разобрала последнюю фразу, конфликт старшего и младшего поколения подходит к кульминации. Даже палец в ухе не помогает, медвежий рык папаши заглушает все.

Повернулась к скандалистам лицом, хотела одернуть и попросить вести себя потише. Но в этот момент школьник удивил — неожиданно взрослым жестом он взял отца за руку и спросил:

— Папа, а другого варианта нет? Нужно идти в школу?

Кисточка невольно поразилась недетской тоске в голосе ребенка. Да. Иногда нужно делать очень неприятные вещи. Даже пацан понимает... Вздохнув, она ответила Костюмеру:

— Я определилась.

Следующий этап оказался более спокойным. Новый водитель все помалкивал, и большую часть поездки Кисточка проспала. А сейчас она вовсю глазееет по сторонам: узнает здания, магазинчики и перекрестки — со всеми связаны воспоминания.

Здесь «профессорский» квартал, в нем с давних пор селятся преподаватели университета. Засмотревшись направо, она чуть не пропускает знаменитую городскую достопримечательность — дом, где на уровне третьего этажа по фасаду тянется гирлянда ангелочков. Когда-то под крайним купидоном у Кисточки, еще подростка, случился первый неудачный поцелуй.

А наискосок — сквер со столетними дубами, где гуляла с родителями. Потом проплывает дом, оштукатуренный под бисквит — внизу кулинария. Там когда-то продавали самые вкусные на свете эклеры. Интересно, их еще пекут?

Переключившись с ностальгии на дела насущные, Кисточка мысленно еще раз оценивает риски. Еще в парке она обсудила с Костюмером ключевые аспекты. Хакер полагает: если отец предоставит убежище — дело в шляпе. Минконтроль, не имея очень серьезных улик, точно не сунется в апартаменты к такому уважаемому человеку. А повода никакого не найдется. Костюмер пустит силовиков по ложному следу: там будут думать — Кисточка покинула Город.

Еще ангел-хранитель уверил: строгие городские законы о защите персональных данных сейчас на ее стороне. Никто не узнает, в чем она подозревается, до приговора суда. Значит, врать отцу можно что угодно, главное — убедительно. Кисточка уже придумала простой план и теперь проверяет его на прочность — гоняет в голове ответы на вероятные папины вопросы.

Когда показалось, что к разговору готова — снова стала глазеть на детство и юность, проплывающие за окном. И тут впереди показался дом, где выросла.

Он самый старинный здесь, в стиле ампир. Светлая отделка фасада местами потемнела от времени, дому больше ста лет. Здание возвышается над округой, центральную высокую башню венчает зеленый купол со шпилем, Кисточка раньше представляла — это шлем богатыря.

В детстве она любила фантазировать: в доме замурован сказочный витязь, его заколдовал злой волшебник. А она — принцесса под надежной охраной каменного друга в квартире на семнадцатом этаже. У самого сердца защитника.

Время уже ближе к полуночи, рядом с домом — ни души, здесь давно уже спят. Луна куда-то подевалась, зато на небе проявились редкие звезды. Такси уехало, и отсвечивать возле дома не стоит, но Кисточка мешкает у подъезда: она так и не сумела простить папу.

Как просить у него убежище? Еще она три года не отвечала на его сообщения... Вдруг отец больше не хочет ее видеть?

Кисточка попятилась и задрала голову. В окнах их квартиры горит свет. Значит, папа дома: как обычно, работает, несмотря на поздний час. Будь что будет. Она наудачу набирает на старомодном домофоне код, который помнит с детства — и о чудо, он срабатывает: раздается знакомое негромкое пиликанье, дверь открыта.

Внутри все осталось почти таким же, как помнит Кисточка: высоченные потолки с лепниной, лестница с широкими пролетами — школьницей любила кататься по этим гладким перилам. На полу — шербатая мозаика в выбоинах: бордовые кресты и красные ромбы по желтому. Только старые узорные плафоны на лампах поменялись на какие-то новые, простые, без затей.

Вызвала лифт. Он откликнулся натужным гулом, знакомым до мурашек. Уже через минуту кабина причаливает — будто грузовой состав тормозит, отделанное деревом тускло освещенное нутро распахивается — можно ехать. Кнопка семнадцатого этажа все так же западает. Створки неторопливо закрываются, подъемник чинно и важно несет Кисточку вверх.

На площадке ничего не изменилось: стены ядовито-зеленого цвета, круглое, никогда не дающее света оконце. Квартира — налево, дверь обита все той же бордовой кожей, уже изрядно потертой. И тот же допотопный черный с белым звонок.

С замиранием сердца Кисточка давит на кнопку — раздается чирикающая, переливчатая трель. Сердце пропускает удар, этот звук значит для нее слишком много.

В детстве она радовалась, когда звонок пел особым образом: два длинных, три коротких — значит, пришел отец, он вечно забывает ключи. Став старше, возвращаясь из школы, уже сама нетерпеливыми руладами подгоняла — открывайте скорее. Мама, пряча улыбку, притворно ругала дочку. Хотя совершенно не умела злиться.

А потом, много позже, звонок терзал сердце Кисточки — приходили новые и новые люди, собираясь на мамины похороны.

Глава 3. Алексей. Август. Нужно что-то делать...

Алексей запарковался на стоянке автоматической мойки, медлит, раздумывает — как быть? Он обессилено откидывается на сиденье, в спину впиваются деревянные лакированные колесики массажной накидки: придется немного поелозить — размять одеревеневшие за день мышцы. Нужно решить, что делать дальше: ехать домой на свои выселки или подождать, вдруг подвернется новый заказ.

Внутри автомобиля до сих пор пахнет кислятиной. Или только кажется? Алексей несколько раз втягивает носом воздух, но к определенному выводу так и не приходит. На всякий случай включает климат-контроль на вытяжку — монотонный гул наполняет салон, это огорчает еще больше. Машинка, которую он любовно именует Марусей, — совсем старушка. Но менять — подумать страшно, сроднился. Он нежно поглаживает теплую шершавую баранку — за рулем всегда чувствует себя при деле. Нужным, наверное.

Алексей с надеждой смотрит в окно — если собирается дождь, шансы получить клиентов увеличиваются. Обзор заслоняет рекламный видеобаннер, на нем крутится раздражающая реклама кошачьей еды — спасибо, без звука. Хочется все-таки увидеть облака — Алексей опускает стекло и высовывается из машины. Но небо чистое, нежно подсвеченное закатом.

Душу разъедает горечь. Он потратил на вакуумную чистку салона те крохи, что с огромным трудом отложил для дочки. Аккаунт, с которого пришел заказ, теперь недоступен — получить компенсацию за изгаженные коврики и сиденья не с кого. Заявлять в полицию или не стоит?

Власть Алексей никогда не любил. А теперь, после того как чуть не повязали на площади, — стал бояться. Эх, тяпнуть бы стаканчик и не думать ни о чем. Но и на алкоголь нужны деньги.

Надо же так вляпаться. Нарваться на сумасшедшую среди тысяч и тысяч потенциальных клиентов. Зачем он отпустил девицу? Тюфяк. Нужно было требовать компенсацию на месте. Но если честно, тогда радовался: целым уехал, шея до сих помнит холодок стали. Забыть бы поскорей эту историю, от нее душа уходит в пятки.

Заиграла простенькая мелодия, популярная в Городе лет двадцать назад. Не может быть! На дисплее появилась аватарка абонента — смеющееся конопатое личико дочки, Маринки. Фотку Алексей сделал год назад, еще когда она ходила в третий класс.

Все понятно — Веснушка гуляет и хочет поболтать. По-другому ей неудобно — мама не поощряет общение с никудышным отцом. Алексей поспешно касается теплой текстуры сенсорного экрана: Маринка — стрекоза, может не дожидаться ответа. А потом уже не дозвонишься.

В салон врывается радостный голосок:

— Папа, привет! Ты где?

Одновременно на экране включается видео: многоэтажка, где все они когда-то жили вместе, ходит ходуном, как при сильном землетрясении. Камера перемещается и показывает веснушчатое лицо: дочка улыбается во весь щербатый рот. На качелях качается, наконец сообщает Алексей — одной рукой Маринка держится за трос, другой направляет на себя камеру телефона. Между прочим, его подарок.

Не дав вставить и слова, дочка строчит как пулемет:

— А, вижу, работаешь! На своей Марусе! Как дела? Выручка хорошая?

— Привет, Веснушка! У меня все отлично, — он улыбается, стараясь выглядеть по возможности беззаботно.

— Здорово! Я хотела тебе рассказать, у нас...

Договорить Маринка не успевает, чья-то розовая рука закрывает объектив, затем на экране возникает бывшая — Елена. Сейчас она похожа на горгону Медузу — волосы встопорены на модный манер, рот перекошен, глаза горят — того и гляди обратят Алексея в камень. И как она лет десять назад казалась такой милой и доброй...

— Извини, что прерываю ваш важный разговор, — тон у горгоны ледяной.

Он пытается осадить бывшую:

— Во-первых, здравствуй, Лена.

— Привет-привет, — теперь в ее голосе звучит сарказм. — Я не получила вчера алиментов. Что скажешь?

Алексей к разговору не готов. Если сказать, что денег нет, мать Маринки взбесится. Он ощущает почти физическую боль — сейчас рядом Веснушка. Дочка станет свидетельницей его унижения.

Нужно выиграть время. Отвернувшись от камеры на приборной панели, Алексей смотрит строго вперед, придав лицу сосредоточенный вид. Но бывшая легко раскусывает его нехитрый трюк:

— Заканчивай клоунаду. Когда ты едешь куда-то, твой рыдван трясется и тархтит — за километр слышно.

Алексей не чувствует стыда за неудавшуюся попытку обмана — только обиду за свою Марусю. Машинка, конечно, не новая, но еще в очень хорошем состоянии, он следит за ее здоровьем — даже чокнутой клиентке поездка сегодня понравилась. Но спорить сил нет, выпад горгоны остается без комментариев:

— Я очень извиняюсь, пришлось деньги на... э-э-э... обслуживание такси потратить. Скоро заработаю — сразу переведу! — Алексей естественно умалчивает, что шансы на это ничтожны.

Лицо Елены плывет от злости, рот искажается по диагонали, обнажив ряд желтоватых крепких зубов. Собственно, теперь так бывает почти всегда — она постоянно теряет контроль во время редких «переговоров». Была бы рядом, может, даже укусила бы... Что соврать для успокоения ведьмы? И вдруг вспоминает — знакомый таксист трепался про школу «Аврора». Дескать, его родственнику очень помогло.

Тогда показалось чепухой, но сейчас для горгоны сойдет:

— Я тут это... слышал, можно пойти в школу для взрослых. Говорят, там помогают поднимать эти... как их... профессиональные рейтинги! Можно тогда найти новую работу. Или вообще новую специальность освоить.

Алексей лжет и тем не менее на мгновение сам верит — так и будет. Однако по лицу Елены видно: его слова возымели скорее обратный эффект. Но он уже не может остановиться:

— В общем, это... я не сию сложа руки! Ищу возможности. Вот увидишь: скоро денег будет больше и переводить алименты буду вовремя!

И тут Елена выплевывает в камеру свое презрение:

— Ничтожество! Жалкий водила! Какие еще новые профессии, кому ты нужен?

Связь обрывается, экран погас — вроде облегчение. Но затем обжигает — Маринка все слышала. Снова муторно, появляется желание махнуть на все рукой и забить на работу.

Как обычно, опять сомнения — а вдруг кто-то подвернется в центре, время суток сейчас очень хлебное. Поколебавшись и взвесив за и против, Алексей вымучивает решение ехать домой. Он упивается горечью — бывшая его вообще за человека не считает. Может, и правда пойти в школу — показать ей, на что он способен?

Алексей заводит мотор, и включает левый поворотник. Пора выбираться со стоянки. И тут взгляд снова цепляется за видеобаннер, там горит и переливается разными цветами огромная надпись: «Блок социальной рекламы».

Следом на экране появляется бушующее Озеро — огромные свинцовые гребни пенятся, вздымаются и рушатся вниз, небо скрылось за штормовыми тучами — непонятно, ночь или день. Алексей передергивает плечами — он побаивается воды, да и плавать совсем не умеет.

Посреди всего этого ужаса болтается шлюпка. Камера выхватывает искаженное ужасом лицо — человек отчаянно налегает на весла, борется со стихией как может.

Очередной громадный вал обрушивается на утлое суденышко, подхватывает и вертит — лодка опрокидывается. Через несколько секунд он выныривает из толщи вздымающейся воды. Дальше — затемнение.

Появляется следующая картинка: теперь шторм рассеялся, на зеленоватой водной глади играют солнечные блики. С высоты птичьего полета камера показывает еле различимое черное пятнышко на безбрежной пенистой равнине. Очевидно, это тот самый человек. Вдалеке белый парус — к несчастному несется маленькая стремительная яхта.

В следующем кадре крупным планом опять лицо потерпевшего крушение. Теперь оно уже выражает полное безразличие и тупую покорность судьбе. Камера отодвигается — оказывается, яхта приблизилась настолько, что стала различима надпись по борту: «Аврора».

Ловкий матрос хорошо рассчитанным движением швыряет человеку за бортом спасательный круг на веревке. И опять затемнение.

Последний кадр: капитан яхты стоит рядом с улыбающимся спасенным, тот держит рулевое колесо. На горизонте уже встает большой и светлый Город. И крупно на экране: «Школа для взрослых „Аврора“. Возьми штурвал!» Внизу надпись поменьше: «Занятия начинаются первого сентября».

Реклама показалась Алексею глупой. И далекой от жизни. Думать о школе совсем перестало хотеться, он переключил передачу и выехал с парковки.

Район, где живет Алексей, в Городе называют Месяц. Говорят: «У нас на Месяце», «Опять пробки на въезде в Месяц» и тому подобное. Здешние человеичники возводились по новейшей дешевой технологии — всего тридцать дней от фундамента до отделки! Так и появилось это народное название.

Жилье здесь целиком строилось под социальный найм: для тех, кто оказался на обочине жизни и либо не может платить полную стоимость, либо вовсе не имеет денег на оплату. Здесь живут и семьи, и одиночки, как Алексей.

Инфраструктура в Месяце убогая — десяток школ и больниц на сотню тысяч жителей. Правда, с услугами и сервисами получше. Но главная проблема для таксиста — парковка. Вот и сейчас он уже пятнадцать минут чертыхаясь ищет, где приткнуться.

Наконец повезло, удачно втиснулся на место, которое только освободила какая-то дамочка с большим декольте и блестками в волосах. Алексей морщится, сразу видно — она спешит в центр Города на поиски сомнительных развлечений.

Оставив машину, он вливается в поток угрюмых людей, которые бредут после работы от метро. Впереди, в тусклом свете фонарей, показалась его зеленая с желтым двадцатиэтажка, он уже видит окно своей студии на третьем этаже. Город от щедрот закрывает пятьдесят процентов квартплаты за эти несчастные пятнадцать метров. Вторая половина, которую платит сам, обычно съедает значительную часть его заработка.

У обшарпанного подъезда, оживленно жестикулируя и перебрасываясь матерками, переминаются несколько тинейджеров, их руки и ноги сплошь покрыты новомодными разноцветными татуировками. Они нестройно здороваются, видимо, признали соседа. Коротко кивнув в ответ, Алексей прикладывает ключ к электронному замку. Размалеванная дикими граффити дверь отъезжает в сторону почти бесшумно. Неужели наконец починили?

В подъезде не стал вызывать лифт, пешком поднялся по замусоренной лестнице. Камера умного дома распознала лицо и разблокировала дверь квартиры — как обычно, накатило мимолетное раздражение: Город вынуждает пользоваться мерзкой штукой — можно подумать, Алексей какой-то инвалид.

Жилплощадь досталась съемщику с мебелировкой от застройщика. Все крайне дешевое, модульной комплектации. Три стандартных блока: оранжевая кухня, белый санитарный отсек и серовато-зеленая жилая зона. Функциональность без каких бы то ни было излишеств. Но тем не менее Алексей дома — можно перекусить и отдохнуть пару часов. Потом его ждет собрание в Клубе.

Разогрел в микроволновке контейнер с ужином быстрого приготовления: свинину с рисом в остром соусе. На вкус мясо напоминает старую резину, даже бывшая готовила получше. Зато не нужно мыть посуду, всего-то выбросить упаковку. И Алексей не барин какой, справляется сам — домашних помощников видел только в рекламе. Впрочем, их стоимость далеко за пределами его финансовых возможностей. Но даже если бы имелись деньги, не стал бы покупать навороченные железяки — это против его принципов.

Хотя нужно спросить Петра: что тот думает? Может, домашний робот — не так и плохо, он же не отбирает работу у живых горожан. Хотя у богатых все еще есть... или была человеческая прислуга... Сам черт ногу сломит: помощники — плохо или нет?

Поглядел на стенные часы — не помешало бы перед Клубом немного вздремнуть. Но похоже, заснуть не выйдет, внутри еще дрожит перенесенный стресс. Может, занять себя, перебрать свою коллекцию оловянных солдатиков? Покумекать, что нового можно предложить на обмен. А может, даже и выставить кое-что на продажу...

Солдатиков начал собирать еще папа, задолго до рождения сына. Началось все с гвоздя коллекции — колониального матроса работы местного мастера: в коричневом камзоле, синих чулках и туфлях с пряжками. На его голове смешная шляпа с высокой тульей, в руках — винтовка наперевес. Алексей называет его Вольдемар.

Следом отец раздобыл лощеного гусара с молодцеватыми усами — сабля, синий мундир, чуть облупившееся золото эполета. Его зовут Жан, он из Мегалописа.

Алексей начал помогать папе еще школьником, тогда ему удалось выменять несколько классных юнитов у одноклассников. В те годы солдатика, интересовавшие отца и сына, стоили недорого. С тех пор утекло много воды, отца давно не стало... И за прошедшие десятилетия цены взлетели на порядок.

В последнее время Алексей занимается только обменом — больше не может покупать новые экземпляры. Но и коллекция теперь стоит столько, сколько уже не заработать за полжизни.

Помимо Вольдемара и Жана, все главные фигурки в коллекции тоже носят имена. Алексей иногда даже разговаривает с ними, жалуется на невзгоды и воображает — в ответ они рассказывают ему про свои приключения. Если подумать, солдатика — его единственные друзья. Хотя теперь, конечно, есть еще и *Наставник*. И Клуб. Но эта часть жизни не принадлежит ему безраздельно, а тут — его личная маленькая вселенная.

Украшение студии Алексея — застекленный стеллаж из лакированного дуба для хранения коллекции. Он сделал его своими руками — десять ячеек в ширину, пятнадцать в высоту. Вверху — самые важные экземпляры, ярусы ниже — по убыванию ценности.

Сначала он взял бархатку, открыл стеклянную дверцу и любовно протер парней на трех верхних ярусах. Его пальцы помнят каждый изгиб и конструктивный элемент самых любимых экземпляров: он уверен — сумеет узнать их даже на ощупь.

Затем Алексей принес из кухонной зоны табурет. Уселся напротив стеллажа и стал задумчиво рассматривать средние ряды — что там можно предложить для бартера. В голову ничего

не приходит, коллекция устоялась. Вздыхнув, понимает — он тянет время. Пора переходить к неприятной задаче.

И тут в кармане зазвонил мобильный — спас Алексея. Сигнал — просто гудки, без мелодии — значит, абонента нет в контактах. Странно, посторонние звонят редко, даже рекламщики.

Поглядел. Правильно — номер незнакомый. Отвечать или нет? Но палец уже тянется принять звонок, подсознательно Алексей всегда надеется на хорошие новости.

На дисплее появляется незнакомец не старше сорока, судя по могучей шее — здоровяк. Его большое мясистое лицо выглядит усталым, светлый чуб уложен набок — такая прическа давно вышла из моды. Почему-то это располагает, появляется какая-то необъяснимая симпатия к неизвестному.

Алексей стоит спиной к стеллажу, абонент в телефоне видит солдатиков на верхних ярусах. Глаза мужчины расширяются, и он восклицает, даже не представившись:

— Ничего себе! У вас знаменитый матрос с винтовкой! Работы Кищенко? Оригинал?

Алексей невольно улыбается и отвечает:

— Ну да... от отца достался.

На лице собеседника азарт.

— Давайте меняться! Могу предложить другие работы Кищенко: например, драгуна или улана, оба в отличном состоянии.

— М-м-м... извиняюсь. — смущается Алексей. — Нет. Вольдемар м-м-м... как бы память об отце. И вообще... Кстати, а кто вы такой?

Здоровяк понимающе цокает:

— Ох! У него даже есть имя! Извините! Я тоже страстный коллекционер, увлекся. Меня зовут Борис Левченко, я следователь. Если не ошибаюсь, вы — Алексей Гончаренко, таксист?

Теплые чувства мгновенно испаряются — телефон в руке кажется тающей ледышкой. Нашли! А Петр говорил: тогда все закончилось хорошо. Уверял: специальная антикамерная балаклава (которую Алексей, не снимая, носил на акции) дает стопроцентную гарантию. И Минконтроль ни за что на него не выйдет.

Пауза затягивается. Юлить бессмысленно. Чуть заикаясь от волнения, Алексей отвечает:

— Да-а, это-о я.

Следак широко, как старому другу, улыбается и спрашивает:

— Скажите, вы сегодня везли клиента от проспекта Согласия к площади Победителей?

Алексей поражен:

— Да... девушку. А как вы узнали?

Борис играет бровями.

— Задача несложная. Естественно, транспортная компания хранит записи обо всех заказах. Включая данные с камеры в такси, как и положено по закону. Вы как будто везли другую пассажирку, но мы на всякий случай проверяем.

У Алексея отлегло от сердца, опять нравится простодушная физиономия следователя.

— А-а-а... понятно. Но я даже не довез пассажирку до пункта назначения. Возникла, э-э-э... проблема.

— Интересно, — следователь становится очень сосредоточенным. — Я сейчас покажу подозреваемую, на всякий случай.

Круглое лицо сменяется паспортным фото какой-то девушки. У Алексея отпадает челюсть — это его сегодняшняя пассажирка. Она выглядит моложе, совсем юной, видимо, снимок сделан давно. На экране опять появляется Борис.

— Что скажете? Видели ее?

Выдавать или не выдавать? Кажется, даже язык начинает зудеть и чесаться — от желания заложить сумасшедшую сволоочь. Но Алексей мямлит другое:

— Извините. Вообще непохожа...
Не может он человека сдать властям.

Нужно ускорить шаг, до Клуба недалеко, он уже немного опаздывает, Борис его заболтал — мировой мужик оказался. И тоже солдатиков собирает.

Алексей пытался аккуратно поинтересоваться, что же совершила та барышня, которую ловят. Но следователь отказался — впрочем, тут понятно, тайна следствия. Борис попросил сохранить его контакты, вдруг Алексей решится на обмен. Вряд ли, конечно... Но и сохранять ничего не нужно, номер всего на одну цифру отличается от даты дня рождения Веснушки...

Поприветствовав у дверей дежурного подростка-активиста, Алексей вошел в Клуб. Районный филиал движения «За Традиции» занимает весь первый этаж самого обычного жилого дома, Алексей здесь завсегда: проходя по коридору в зал для собраний, он то и дело здоровадается — люди стоят группками, обмениваются новостями и просто треплются за жизнь.

Его несколько раз окликают, просят рассказать о последней акции — где чуть не попался. Но он отнекивается: очень хочется найти Петра. Обычно *Наставник* до самого начала собрания общается с народом в коридоре, но в этот раз он куда-то запропастился.

Алексей волнуется: неизвестно, найдется ли у занятого человека время. А поговорить про «Аврору» очень хочется, опять появились сомнения: может, все-таки стоит пойти? По пути сюда вспомнил — экзамен на профессиональный рейтинг уже через пару месяцев. Самому подготовиться трудно. Вдруг не сдаст?.. Могут вообще лицензии лишить! И дело срочное, занятия в школе для взрослых начинаются первого сентября.

Вот, наконец, и зал. В нем Алексей всегда ощущает душевный подъем — помещение какое-то торжественное: высокие светлые потолки, длинные ряды красных кресел и лакированные доски сцены. На стенах — портреты видных членов движения и плакаты с главными принципами: «Ближнему помочь — не жаль живот положить», «Не все то хорошо, что как новое блестит» и «Жить — Городу служить». Алексей мечтает — однажды и его физиономия окажется в том почетном ряду.

Несмотря на будний день, в зале много народу, ряды почти заполнены. Алексей высмотрел местечко с краю, довольно близко к сцене. Рядом оживленно переговариваются, люди прибывают — еженедельное *Обсуждение* вот-вот начнется. Наконец на сцену выходит Петр, он, как обычно, будет направлять дискуссию. Гул в зале сразу стихает.

Наставник не производит с виду большого впечатления. Уютный дядечка постарше Алексея, эдакий милый колобок — лобик безбровый, сдобная лысинка, нос — в тончайшей сеточке сосудов. Всегда одет в белую рубашку и черные со стрелками брюки.

Петр складывает мягкие руки на круглом животике и внимательно осматривает зал, взглядом здоровадается со многими присутствующими. Алексея тоже заметил и даже кивнул — как обычно, защемило сердце: такой человек и отличает. Значит, есть в Алексее что-то особенное.

Закончив безмолвно приветствие избранных, Петр обратился ко всем:

— Друзья, рад вас видеть! Как всегда, начинаем без лишних предисловий. Предлагайте темы, которые кажутся вам интересными.

Наставник никогда не пользуется микрофоном, но его глубокий с хрипотцой голос достигает самых последних рядов и проникает прямо в душу. Вот и сейчас Алексею кажется, Петр будто рядом, обращается лично к нему.

Первым потянул длиннющую руку долговязый Терентий Перфильев. Алексей неплохо его знает, они в хороших отношениях. Но сейчас Перфильев — конкурент. В районном филиале Клуба есть комитет по защите окружающей среды — оба с подачи Петра туда баллотирова-

ются. Выборы как раз сегодня, после Обсуждения. И тут Алексея пробирает дрожь: может, зря выставил свою кандидатуру? Но затем он успокаивает себя — ведь *Наставник* сам предложил...

Петр жестом дает Терентию слово. Тот поднимается во весь нескладный рост, эхо его привычного голоса мечется по залу:

— Я слышал, на окраине Месяца власти собираются вырубить нашу тополевую рощу. Будут строить очередной человеконик. Я бы хотел обсудить, что мы можем сделать. Нужно остановить это варварство.

Алексея колет ревность. Нужно тоже предложить актуальную тему, показать: и он не лыком шит. А *Наставник* кивает Терентию — его предложение принято.

В зале продолжают тянуть руки: кто-то спрашивает Петра про последствия последней акции протеста, многим интересна медицинская реформа — ходят слухи: услуги по бесплатной страховке опять будут урезать. Сразу несколько человек поднимают вопрос о помощи Павловскому, ветерану движения. Он работал на заводе, где взорвался реактор. Уже несколько лет инвалид борется с лейкемией, бесплатное лечение ему не помогает.

Внезапно осенило, вскинул руку. *Наставник* мгновенно заметил и, ободряюще улыбаясь, сказал:

— Прошу вас.

Ужасно волнуясь, Алексей предложил то, что раньше хотел обсудить с Петром наедине:

— У меня... э-э-э... вопрос о школе для взрослых... «Авроре». Можно... разумно ли идти туда учиться?

Петр смотрит на него с удивлением, прищурившись, показывает большой палец. Сердце бьется быстрее — здесь, в Клубе, жизнь Алексея имеет смысл. Но через секунду опять сомнения — все-таки это личное, может, зря он брякнул про школу?

А *Наставник*, как часто бывает, будто услышал его мысли. Секунду подумав, он произнес:

— Алексей, тема очень хорошая, большая. Но сегодня у нас много вопросов для Обсуждения, можем не успеть с уже выбранными. Если вы не против, мы отложим «Аврору» до следующего раза.

Огромное облегчение накатывает на Алексея, он с радостью кивает. Пронесло, чуть не вляпался. Спасибо Петру — уберег. Сначала нужно поговорить с *Наставником* с глазу на глаз.

Время *Обсуждения* бежит незаметно, Петр расхаживает по сцене, аккуратно, но твердо направляет разговор. Дискуссия сегодня проходит спокойно, в иные дни споры бывают гораздо ожесточеннее. Но Перфильев остался недоволен, зал не принял его сторону. *Обсуждение* показало — люди больше заинтересованы в жилье, чем в тополях. А вот Павловскому повезло: общим голосованием из фонда движения ему назначили пенсию на платное лечение. Впрочем, поможет ли ветерану...

В какой-то момент, взглянув на свои скромные наручные часы, Петр сообщает:

— Время вышло, нужно сделать перерыв. Затем проведем голосование по членству в комитете по защите окружающей среды.

С выборами в «экологи» прокатили. Голосов за Алексея подали гораздо меньше, чем за Перфильева. Но странное дело, второй раз за вечер он ощутил большое облегчение. Ну ее, эту экологию, там разбираться нужно, столько ответственности. Петр, конечно, уговаривал и подталкивал, но Алексей теперь прислушался к себе, и стало ясно — еще не готов...

Как только *Наставник* огласил результаты голосования, люди заторопились к выходу, в дверях образовался затор — час уже поздний. А Петр, как обычно, терпеливо ждет, пока зал опустеет. Потом запрет его на ключ. Он во всем любит порядок.

Людской поток иссякает, Алексей двинулся против течения к первым рядам. А Петр спустился навстречу со сцены, прищурил свои маленькие глазки и с хитрецей спросил:

— Нет сил терпеть? Хотите поговорить про «Аврору»?

Алексей не удивился — *Наставник* читает его как открытую книгу.

— Вы, как всегда, правы! И так много знаете... э-э-э... обо всем. Но главное, помогаете остальным разбираться в жизни... и вообще!

— Ладно, ладно, — *Наставник* устало трет переносицу. — Давайте поговорим обстоятельно. Рассказывайте, что у вас случилось, пока мы не виделись. Почему вдруг такой интерес к «Авроре»?

Они попросту, без церемоний, усаживаются на ступеньки, ведущие на сцену. Петр слушает внимательно, не перебивая. Когда Алексей рассказывает про сумасшедшую пассажирку, очень сочувствует: потерянных денег действительно жаль.

Алексей, исповедуясь, постепенно подбирается к стычке, случившейся сегодня с бывшей женой — и немного путаясь, пересказывает все в лицах. А потом наконец вываливает перед Петром все обиды и сомнения, которые накопились за день в голове:

— Понимаете, она меня вообще за человека не считает. Я прямо не знаю, что делать... И еще мне действительно очень нужно поднять мой профессиональный рейтинг! — Алексей заглядывает Петру в глаза. — Но я слышал, в этой школе учат в виртуальной реальности... как ее... в *Другой*! Мы же против? Правильно?

Наставник усмехается как-то странно. Но отвечает не обидно, по-доброму:

— Ну что вы, в самом деле! Да, мы против *Другой*. Но иногда нужно быть гибким. И даже можно немного отступить от своих принципов, но побеждать в главном.

Алексея не отпускают сомнения, хотя *Наставнику* он безраздельно доверяет.

— Я боюсь учиться в... э-э-э... в виртуальной реальности. Да и вообще не хочу учиться. Как бы еще хуже не вышло... кто его знает.

Наставник становится серьезен, сцепляет руки на брюшке.

— Поймите. Для вас главное — Маринка! Ради детей мы должны идти на многое. Записывайтесь в школу, у вас все получится!

Он берет руки Алексея в свои ладони — ощущение, словно заряжаешься от источника уверенности. Внимательно смотрит и продолжает:

— Кстати, у меня будет просьба, связанная с «Авророй». Но об этом поговорим позже.

Алексей кивает — любые поручения, безусловно. По телу разливается блаженное тепло, становится легко и спокойно. И чего раньше так сомневался?

Глава 4. Кисточка. Август. Самое худшее

Отец даже не поинтересовался, кто пришел в столь поздний час — просто открыл дверь. Кисточка поразилась, какой он исхудавший — его длинные мосластые руки показались обезьяньими. Впрочем, папа никогда не выглядел упитанным, и знакомые обычно едва доставали ростом ему до виска, но сейчас худоба делает его еще длиннее и нескладнее.

Он очень сильно сдал. Картофелеобразная голова — почти совсем без волос. Высокий лоб теперь весь исчерчен сеточкой морщин. Его голубые, чуть навывкате глаза прежде пытливо смотрели на мир — теперь они кажутся бесконечно усталыми. Неожиданно щемит сердце, папа никогда не пользовался современной диагностикой и превентивной медициной — это была обязанность мамы следить за его здоровьем. Некстати вспоминается Хозяйка, она постоянно мучила Кисточку медицинскими рекомендациями и ограничениями...

В первые секунды отец смотрел недоуменно. Но через мгновение кустистые брови поползли вверх, морщины на лбу проступили рельефнее, глаза потеплели, а лицо как будто осветилось изнутри. Он сделал шаг вперед и крепко прижал Кисточку к себе, обдав запахом знакомого одеколona, название которого она забыла.

Его руки показались ледяными. В голове промелькнуло: папа обнимает, защищая Кисточку от мира вокруг, и одновременно пытается напитаться теплом, которого у него уже нет. На мгновение почудилось, будто падает вверх: как в детстве, когда слишком высоко взлетала на качелях — она всегда была не в ладах с вестибулярным аппаратом.

— Привет, папа.

— Здравствуй, Кисточка. Вот ты и пришла.

В его голосе столько нежности, точно все эти годы, не тратя ни капли, он бережно копил ее для дочери. С ответом снова не нашлась, слова застряли в горле — тишина сделалась звенящей. Отец спохватился:

— Что же мы здесь, заходи скорее.

Переступив порог, она с облегчением опустилась на вытертую банкетку, перевести дух. Прихожая неприятно поразила следами запустения. Еще лет десять назад мама начала аккуратно подзуживать папу, мол, неплохо бы сделать наконец ремонт. Уже тогда вверху, на некогда богатых, но местами отклеившихся обоях, появились какие-то мутные потеки, а на потолке проступило зеленоватое пятно, очертанием напоминавшее Озеро. Но папе вечно было недосуг: ученики, школа, университет, педагогика, а потом еще и андрогогика интересовали его гораздо больше.

С тех пор стало только хуже. Надколотый абажур явно нуждается в замене, паркет совсем рассохся и выглядит давно не мытым. Ясно, папа не обзавелся домашними помощниками. Впрочем, он не очень жалуется технические новшества. Считает: человек должен быть самодостаточным, не зависеть от какого-то ИИ и уметь себя обслуживать. Но красивая теория отстает от практики.

Отец терпеливо ждет, пока Кисточка придет в себя. Он смотрит на дочь так, будто боится не наглядеться вдоволь, перед тем как она растает. Пауза затягивается. Кисточка собирается с мыслями — пора следовать плану. Но перед тем, как выложить главную просьбу, надо бы провести разведку, убедиться, что убежище будет надежным.

— Папа, нальешь чаю?

И тут он удивляет. Подмигивает и, прокашлявшись, хорошо поставленным лекторским голосом осведомляется:

— Домовой, а есть у нас чай?

Кисточка поражается: оказывается, у отца установлен умный дом! Интересно, а как же его принципы? И почему тогда пол не мыт?

— Да, Всеволод, — голос искусственного интеллекта кажется скрипучим, наверное, смоделирован под домовых из сказок.

На кухне все оказалось по-старому: мамы синие кухонные шкафчики — они, должно быть, еще забиты всякой всячиной; в углу — дубовый овальный стол с резными ножками и диванный уголок, на котором когда-то сживали втроем.

Чай вкусный, с какими-то добавками, нашлись к нему и волшебные эклеры из той самой кулинарии. Папа внезапно заполошно спохватился — мол, заварки больше нет, вдруг они захотят еще. И несмотря на протесты (Кисточка точно знает, что им больше чайника не выпить) — немедленно показал свою продвинутость, велел Домовому организовать доставку.

И тут позвонил Костюмер. Кисточка, поглядывая на отца, намеками сообщила — все идет по плану. Хакер тоже успокоил: кажется, им удалось надуть Минконтроль — опасности нет.

Папа расспрашивает Кисточку: как она жила в последние годы, чем зарабатывает на жизнь? Покраснев, он даже поинтересовался: не появился ли у нее друг? Видно, здорово размяк. В обычной ситуации такого вопроса никогда бы не задал — всегда тактично соблюдал личные границы.

Старенькая плазма вещает со стены о городских новостях, атмосфера делается совсем домашней. Как будто и не было последних лет. Оказывается, папа так и живет один, гости к нему приходят крайне редко. Значит, с этой стороны проблем не возникнет.

Что касается умного дома — он установлен под давлением Города. Оказывается, есть новый закон, он сделал Домового обязательным: ради безопасности домохозяйств и экономии городских ресурсов. Но зато у папы действительно нет робота-помощника, он все делает сам...

Коснувшись темы технологий, отец еще раз удивил: оказалось, он уже несколько лет осваивает *Другую*! В основном в образовательных целях — ведет какой-то продвинутый курс для взрослых. Но потом он намекает — у него появилось и хобби в виртуальной реальности, наверняка Кисточке будет интересно.

Между делом отец с горькой усмешкой жалуется на свой рейтинг здоровья, дескать, Домовой не дает работать помногу. Значит, она права, папа потихоньку загоняет себя в гроб — причем, скорее всего, все еще занимается тем, что ломает и даже отнимает жизни. Какой же он слепой — до сих пор не понимает, что делает! И какая ирония, теперь змея поедает свой хвост...

Опасаясь, что отец заметит жар на ее щеках, Кисточка подпирает их ладонями. Лучше переходить к делу. Стараясь всем видом показать — вопрос не принципиален, она спрашивает:

— Папа, тут так хорошо... А можно я поживу у тебя некоторое время?

Слова звучат натянуто — сейчас лицедействовать труднее, чем с Борисом. Отец смотрит внимательно, в глазах сомнение.

— Конечно! Я буду очень рад! — он мнется. — Но расскажи, у тебя, наверное, что-то случилось?

Кисточка с самого начала учитывала: папа может не купиться на беззаботный тон. Догадается — просьба неспроста. Теперь настал момент выложить заготовленную полуправду. Сконструированная история все равно представит дочь отнюдь не белой и пушистой, тут тоже есть риск. Но у сказочки есть неоспоримые преимущества. Эта полуложь объясняет, почему Кисточка скрывается от Минконтроля. И таким образом за скобки выводится главное — ее преследуют за попытку разрушить дело, которому папа посвятил жизнь.

Пряча глаза, стала рассказывать:

— Случилось. Ты же знаешь, мне нравится создавать *Картины* реальности. С их помощью люди оптимизируют бизнес, обнаруживают причины аварий... Но мой анализ данных не совсем законен. У меня нет лицензии. Ну, и я не спрашиваю, откуда берется информация, на основе которой создаю *Картину*.

Она искоса следит за папой, опасаясь его реакции. Несанкционированное использование информации из подозрительных источников — очень сомнительно с позиций академической морали.

— Продолжай, — голос родителя звучит почти бесстрастно.

Кисточка подходит к кульминационной части истории:

— Меня подставили. Данные, что я использовала для последней *Картины*, оказались крадеными. Я узнала: за мной скоро придут из Минконтроля.

Лицо папы делается жалким и очень старым — на него страшно смотреть. Кисточке почему-то становятся жутко интересны крошки эклеров на столе. Какая же она дура! Совершенно не подумала, что может сильно испугать отца. Он, конечно, затворник — но, видимо, понимает, чем грозят подобные нарушения закона.

Кисточка заставляет себя поднять глаза. Отец пытается справиться с собой, губы его дрожат. Вдруг монотонное бормотание телевизора перебивает сигнал сообщения от Домового — переливчато-нежный звон колокольчиков.

Взяв себя в руки, папа объясняет — это входящий звонок. Кисточка цепенеет, она догадалась, кто может звонить в такое время: Минконтроль раскусил трюк с Хозяйкой и шерстит тех, к кому может пойти беглая преступница. Наступил момент истины. Но ведь отец не может выдать дочь?

А он, окончательно оправившись, смотрит внимательно — тоже все понял. Откашлявшись, отдает приказ:

— Домовой, включи, пожалуйста, громкую связь, видео не нужно.

— Слушаюсь.

Умдом приглушил телевизор, и на кухне зазвучал знакомый голос:

— Здравствуйте, Всеволод, вас беспокоит следователь Борис Левченко.

Кисточка крепко зажмуривается, как в детстве, когда папа определял наказание за проказу. Становится по-настоящему страшно, она превращается в слух.

— Здравствуйте, Борис, чему обязан?

Раздается скрежет — значит, отец встает, отодвигает стол, чтобы из-за своей долговязости не сшибить посуду. Видимо, сейчас будет расхаживать по кухне — это ему всегда помогает во время трудных разговоров.

— Мы разыскиваем вашу дочь. Вы знаете о ее местоположении?

Легкое шарканье — папа, кабинетный сиделец, чуть приволакивает ногу. Шаги замирают.

— Странно, что вы звоните мне по такому поводу, — папин голос звучит высокомерно, это очень на него не похоже.

Шаги возобновляются, скрипит паркет. Не дожидаясь реакции Бориса на свой выпад, отец раздраженно продолжает:

— Мы не общались с ней уже три года.

Кисточка с облегчением открывает глаза. Лицо папы бесстрастно, но в его ответе звучит нескрываемое пренебрежение — оказывается, в нем пропадает большой актер. Накрывает горячая волна облегчения и благодарности — какой же он молодец!

Борис чуть-чуть медлит, словно оценивает ответ.

— Понятно. Могу я рассчитывать на вас? Вы сообщите, если что-то узнаете? — в тоне следователя не чувствуется разочарования.

Папа грустно улыбается краешком рта — так умеет только он. Будто снова кто-то из учеников не оправдал его ожиданий. В данном случае — это Кисточка...

— Возможно.

Борис молчит секунду, но, видимо, не находит, о чем спросить еще.

— До свиданья. Еще раз извините за поздний звонок.

Домовой разъединил связь и увеличил громкость телевизора — жизнерадостное бормотание ведущей опять разлилось по кухне. Кисточка вскочила с дивана и обняла отца.

— Спасибо, папочка! Ты меня спас.

Он смотрит сверху вниз, во всем облике — тоскливая горечь.

— Не нужно мне твоей благодарности. Что же ты вытворяешь...

Сказать нечего, Кисточка молча гладит его по худой спине. А отец задает вопрос:

— Что ты собираешься делать? Или будешь вечно прятаться у меня?

Она блеет:

— Нет, папа. Мне помогут уехать из Города, у меня будет новая жизнь.

Отец берет ее лицо в свои ладони, поворачивает к себе. В его резких чертах и глубоких морщинах застыл вопрос. И папа задает его.

— Новая жизнь?

Кисточка отчаянно кивает, всем видом показывая — она верит в это. Старается успокоить отца. И себя. Бодрясь, почти чеканит:

— Мы сможем увидеться. Я обещаю!

Папа скептически щурится, провести его, конечно, не удастся. И тут он совершает ошибку, такого говорить не стоило:

— Знала бы мама.

Это уже слишком. Отец мгновенно понимает — нужно спасать ситуацию, и примирительно говорит:

— Ладно, не буду. Хочешь посмотреть свою комнату? ОНА там.

На секунду показалось — мама жива, разбирает шкаф с вещами Кисточки. Расставляет по местам разбросанные книжки. Как же больно.

Папа открыл дверь, изнутри пахнуло нежилой затхлостью. Время застыло и тут: занавески в ромашку, платяной шкаф с зеркалом — свидетель мук с подростковыми прыщами. Удивительно, но кровать, застеленная ветхим клетчатым пледом, выглядит смятой.

Раньше на книжной полке стояла детская энциклопедия Кисточки: зачитанные томики по истории, астрономии, алгоритмам и биологии. А теперь там фотография мамы. Она — молодая, красивая и улыбается прямо в объектив. Сквозь черные кудри мягко сияют жемчужные серьги. Родинка над верхней губой при жизни была шоколадной, а на черно-белом фото кажется каплей дегтя.

Мелькнула догадка: папа часто приходит сюда и подолгу сидит на постели. Сейчас они примостились рядышком... Отец, прямой как палка, и сгорбленная Кисточка — нет сил держать спину. Помолчали минуту. А потом, не сговариваясь, вышли из комнаты. Мама смотрела им вслед.

На кухне ждал остывший чай. Телевизор жил своей жизнью, там шел блок городских новостей от внештатных блогеров. А усталость брала свое, разговор больше не клеился.

Поцеловав папу, пошла стелиться — собралась устроиться на диване в гостиной. Отец пожелал спокойной ночи и приказал Домовому включить новости погромче, всегда любил их послушать перед сном. Вдогонку Кисточке прилетел обрывок репортажа: «...источники поде-

лились информацией, сегодня совершена попытка взлома городской инфраструктуры рейтингов».

Кисточка застыла в дверях. Факт взлома уже известен публично! Вдобавок голос кажется очень знакомым. Она как сомнамбула поворачивается к экрану. Так и есть — Алиса жестикулирует и вещает на фоне серо-голубой махины здания «Футурико»: «...попытка успешно отражена, но преступнику удалось бежать, ведется следствие. Я буду держать вас в курсе, следите за моими репортажами и присоединяйтесь к *Событиям*...»

Холодная волна отчаяния окатывает с головы до ног. Знобит. Ну что же так не везет! Как Алиса пронюхала? И тут Кисточка ловит взгляд отца и понимает: он мгновенно связал концы с концами.

— Выключить телевизор, — командует папа умдому. Затем задает только один короткий вопрос: — Это ты?

Отпираться бесполезно, только оскорблять его интеллект.

— Я... — Кисточка сбивается, глаза отца сейчас словно рентген. — ...ты прекрасно знаешь: я ненавижу твои рейтинги.

Она чувствует огромную усталость и опустошение. Папа медлит, будто сомневается, продолжать допрос или нет.

— Помнишь тот случай в школе? Когда тебе несправедливо занизили оценку на экзамене. Директриса поступила некорректно, проявила педагогический непрофессионализм, а тогда результат зависел от ее решения. После я впервые задумался о системе социальных рейтингов: любое решение, в любой области, должен принимать человек, подтвердивший необходимую компетенцию.

В голове — взрыв. Чудовищный проект возник из-за Кисточки? Отец хочет разделить ответственность? Будто со стороны, она слышит свой крик:

— Нет, неправда! — Кисточка задыхается и срывается на визг: — Хочешь сказать, ты изобрел рейтинги из-за того экзамена? А потом они убили маму?!

Раньше она никогда не решалась сказать это прямо. Хотя, наверное, папа всегда догадывался — дочь считает его виновным.

Перед глазами плавают черные круги, сквозь них отец словно не в фокусе — странно застыл и смотрит куда-то мимо Кисточки. Вдруг он рвет рубаху — так, что отскакивают пуговицы. Начинает растирать голую грудь. Ноги его подкашиваются, каким-то образом Кисточка успевает прыгнуть вперед и подхватить отяжелевшее тело — иначе бы папа рухнул на пол.

Через секунду отец обмяк — потерял сознание. Удерживать его под мышки не вмоготу, дотащить до постели не получится — Кисточка осторожно опускает папу на старый паркет. Замечает: его губы окрасились лиловым. Она понятия не имеет, что это может значить. Единственное, что приходит в голову — прощупать пульс. Дважды сбиваясь, насчитывает девяноста два удара в минуту. Что делать дальше? К счастью, вмешивается Домовой:

— Подложите отцу под голову подушку. Скорая уже в пути, должна быть через шесть минут. У Всеволода слабое сердце, судя по симптомам, возможен инфаркт. Но я воздержусь от постановки диагноза, моей компетенции недостаточно.

Как хорошо: умдом взял заботу о папе на себя. Кисточка пулей бросилась в гостиную, принесла диванный валик и бережно подсунула отцу под затылок. Домовой продолжает инструктаж:

— Пожалуйста, откройте окно, нужно обеспечить приток кислорода.

Она исполняет новое указание. В кухне веет ночной прохладой, откуда-то снизу доносится протяжное мяуканье дворовой кошки. Домоправитель не дает других распоряжений, видимо, исчерпал лимит своих знаний. Кисточка впадает в подобие ступора, остается только ждать.

Через несколько томительных минут умный дом оживает снова:

— Скорая прибыла, код от домофона я им сообщил. Открывайте входную дверь.

И почти сразу внизу дернулся и загудел лифт, в ночной тишине звуки далеко разносятся по старому зданию...

Кисточка машинально справилась с дверными замками. Двери лифтовой кабины раскрылись, гуськом вышли два андроида, похожих на Тощего. Наверное, их тоже производит Маскаев. Оба робота — белоснежные, с красными крестами на корпусе. Первый несет в одном манипуляторе диагностический комплекс, в другом — чемоданчик с медикаментами. Второй андроид тащит складные носилки.

Они стремительно направляются в квартиру. Тощий с носилками, задерживается и говорит приятным женским голосом:

— Здравствуйте! Предупреждаю: по закону об оказании врачебной помощи, ведется аудиовидеозапись. Пожалуйста, подтвердите вызов к пациенту.

— Да, верно, — Кисточка спешит за первым андроидом.

Электронные парамедики споро приступают к работе. Манипуляторы первого порхают над телом отца — он производит наружный осмотр. Второй измеряет давление с помощью своего прибора. Видимо, устройство фиксирует и другие жизненные показатели, но Кисточка ничего в этом не смыслит. Хотя и догадывается: сейчас идет обмен информацией и консультации с базой знаний в облаке, процесс кипит вовсю. Немного отпускает. Отец в надежных руках, все будет хорошо! Наконец, второй парамедик сообщает:

— Экспресс-диагностика указывает с преобладающей вероятностью на инфаркт, — озвучивая диагноз, роботесса лезет в чемоданчик с медикаментами. — Сейчас я проведу инъекцию нитроглицерина — для предотвращения дальнейших последствий.

Пока один андроид набирает лекарство в шприц, второй лепит на запястье папы маленькие синие сенсоры — наверное, для постоянного мониторинга пульса и давления. И вдруг — о чудо. Веки у папы дрожат, он открывает глаза — еще мутные, но уже вполне осмысленные. Слабым голосом отец спрашивает:

— Что случилось?

Снова отвечает парамедик, которая делала укол:

— У вас инфаркт. Прогноз развития ситуации в данный момент преждевременен. Мы госпитализируем вас в центральную городскую больницу, — женский голос звучит мягко и сочувственно.

Отец бросает беспомощный взгляд на Кисточку. Потом обращается к андроиду, что сообщил диагноз.

— Может, я все-таки дома отлежусь? У меня послезавтра занятия начинаются, мне еще нужно подготовиться. Пожалуйста.

Кисточка хотела сказать: неправильно спорить с компетентными алгоритмами. Но андроид, не переставая раскладывать носилки, опережает, причем его голос оказывается мужским:

— Это невозможно. В данной ситуации риск для жизни чрезмерно высок. Госпитализация обязательна.

Отец обессиленно прикрывает глаза, очевидно, смирился. Слабым голосом отдает распоряжение:

— Домовой, до моего возвращения слушаться приказов Кисточки. Как моих.

Его уже погрузили и понесли, она идет рядом, провожая до двери.

— Слушаюсь, Всеволод, — голос Домового кажется растерянным.

Лифт ждать не пришлось, он еще на этаже. На удивление носилки помещаются внутрь в самый раз. Последнее, что запомнила, — печальную улыбку отца и его немного окрепший голос:

— Кисточка, все будет хорошо!
Ответить ему не успела, двери захлопнулись.

Уснуть Кисточка не смогла, уже несколько часов привидением слоняется по комнатам. Свет не зажигает — в якобы пустой квартире, хозяин которой лежит в больнице, так делать нельзя. Она открывает книжные шкафы, гладит корешки маминых литературных журналов. Сидит на диване в гостиной. В родительской спальне долго перебирает папины рубашки. Только в свою комнату не заходит, не может видеть фотографию мамы.

Перед глазами все время отец — в момент, когда бросила ему обвинения в лицо. Это прогрызает Кисточку изнутри. Пусть она тысячу раз права. Но если с папой случится плохое, куда девать свою правоту?

Наконец она без сил ложится, бесцельно пялится на сервант напротив: на верхней полке что-то смутно желтеет. Приподнявшись на локте и сфокусировав взгляд, узнает папин динамо-фонарик.

Возможно, это усилие высосало последнюю каплю энергии. Глаза закрываются, Кисточка проваливается в полусон-полуявь. Поплыли воспоминания, вязкие и монотонные, как будни в *Реалке*.

...Кисточке пятнадцать лет, она восьмиклассница. Школа уже поистерлась в памяти, местами сплошные белые лакуны. Но аудитория, где тогда проходил экзамен по математике, папиному предмету, видится отчетливо.

Замызганные пластиковые столы. Согбенные над билетами спины. За окном уже темнеет, оранжевая полоса заката очерчивает неуклюжие контуры соседних зданий.

Возле классной доски — длинный стол под изумрудным сукном. На нем разбросаны оставшиеся билеты и стопка исчерканных экзаменационных листков. По другую сторону зеленого барьера скаучает экзаменационная комиссия — председательствует директриса Перова.

Отец тоже там, тихим доброжелательным голосом подбадривает очередную кудлатую жертву геометрии. Директриса с омерзительным налакированным коком на голове бросает неприязненные взгляды на Кисточку. Вбила себе в голову, что папа натягивает дочке оценки и никакой она не вундеркинд.

Тошно на душе, полоска билета расплывается в глазах. Конечно, она на «ты» с алгеброй и геометрией и с матанализом давно разобралась, у нее свои собственные научные изыскания! Только сейчас не до математики, она будто на другой планете, думает о своем краше.

Вчера Кисточка решила впервые попробовать аналитический метод, который сама разработала. Захотела построить эмоциональную модель Артема, одноклассника, в которого по уши втрескалась с самого начала учебного года. Очень хотелось подтверждения: он тоже в нее влюблен, ведь красавчик оказывает знаки внимания то Кисточке, то ее врагине Кривицкой. На переменке, обмирая от страха, позаимствовала на минутку телефон Артема — думала скачать информацию о его интересах и активностях. А затем, используя эти данные, построить математическую модель: раз и навсегда понять — кто его дама сердца? Она или дура Кривицкая?

Игрушечный пароль расколола заранее — день рождения в конкатенации с его фамилией задом наперед. Залогинившись, сразу наткнулась на переписку: Артем жаловался своему другу Тарасику, мол, задолбался пробивать Кривицкую на ревность, она какая-то неживая. А заучку Орлову и ее коровьи глаза уже видеть не может, достала.

Перова в третий раз повторяет чью-то фамилию. Отец смотрит на Кисточку с изумлением. Дошло. Ее вызывают отвечать по билету. Но экзаменационные листки на парте — пустые.

Прямо перед комиссией на автомате Кисточка все-таки доказывает теорему по алгебре. Затем кое-как решает задачу о площади сложной геометрической фигуры. Папа поглядывает с беспокойством, конечно, понял: с дочкой неладно.

Директриса, несмотря на верный ответ по геометрии, требует решить задачу другим способом. У папы каменеет лицо, он что-то горячо шепчет на ухо Перовой, та отмахивается. Кисточка пытается собраться с мыслями: очевидно, фигуру можно разбить на несколько, посчитать их площади через интегралы, результаты сложить. Но голова отказывается заниматься этой ерундой, и директриса с наслаждением ставит в ведомость «уд». А Кисточка читает по папиным глазам — он думает о Перовой очень нелестные вещи.

Вынырнула из тоскливого морока: шея затекла. Теперь фонарик на полке видно лучше, скоро рассвет.

Но тот день не отпускает. Она ворочается с боку на бок, взбивает кулаком подушку. Обрывки того, что было дальше, все крутятся и крутятся в голове.

...Кисточка плетется по коридору второго этажа, за окнами совсем стемнело, в стеклах отражается сутулое нечто, одетое в ее клетчатое платье. Возле лестничной площадки поворот, а сразу за ним — Кривицкая и две ее главные подпевалы сидят на подоконнике возле кабинета математики. Здесь же толпится добрая половина класса. Среди них Артем — скалитесь, встряхивает кудрями.

Кисточка застывает. Страшно. Интуиция подсказывает — ждут именно ее. На лицах она читает много всего: от злорадства до скучливого, но терпеливого ожидания шоу. Кривицкая берет с места в карьер:

— Что, ботанка поганая, получила наконец свой первый «уд»? Как же надоело слышать от предков и учителей: Орлова — умница, Орлова — талант, берите с нее пример! А вот такой ты нам больше нравишься! Теперь не высовывайся и не выпендривайся! Правильно я говорю? — и врагиня обводит испытующим взглядом свою свиту.

Челядь одобрительно галдит, видно, успели сговориться заранее. Артем тоже радостно кивает — полностью поддерживает свою принцессу. Кисточка сатанеет:

— Никогда в жизни я не буду притворяться тупицей. Не буду как вы!

— Будешь такой, как мы скажем, — принцесса, сейчас больше похожая на жабу, наслаждается моментом, своей властью и поддержкой присутствующих.

— Не буду, — Кисточка скорее готова умереть, чем прогнуться.

Кривицкая, сверкнув двумя колечками, отпускает Кисточке оглушительную пощечину — явно хочет сломать ее при всех. От боли по лицу текут слезы, она ненавидит себя за это...

Кажется, отец появился только минуты через три после начала экзекуции — вышел из-за угла и чуть не столкнулся с хихикающим Артемом. Папа озадачен, он не понимает происходящего. Кисточку отпускают. На лице Кривицкой нешуточный испуг: она пятится, стараясь смешаться с толпой.

— Дети, объясните, что тут у вас?

— Папа, они меня... Они хотят, чтобы я была, как они — идиоткой! — у Кисточки горит мокрое от слез лицо.

— Как так? Ничего не понял! — строгий учитель переводит недоуменный взгляд с растрепанной дочери на ее аккуратненьких мучителей. — Объясните толком, из-за чего сыр-бор.

Жаба Кривицкая, осмелев опять, делает умильное лицо.

— Мы решили поговорить. Кое-кто высокомерно к нам относится, а мы хотим разобраться, наладить отношения.

Кисточку захлестывает волна холодной ярости, она срывается на крик.

— Папа, это вранье!

Отец нежно и внимательно смотрит на Кисточку, потом переводит взгляд на Кривицкую, сокрушенно вздыхает:

— Дети, я вас всех люблю. С вами трудно, но очень интересно. Учитесь договариваться, слушать и слышать друг друга. Давайте спокойно обсудим проблему.

Кисточка теряет контроль:

— Папа, ты меня не спросил даже! Всех этих дебилов, — она указывает дрожащим подбородком на побледневших одноклассников, — и учить бесполезно!

Отец смотрит с ужасом, мучает пальцами верхнюю пуговицу пиджака, он явно не знает, как поступить. И тут неожиданно гаснет свет — темно, хоть глаз выколи, девчонки немедленно визжат.

— Дети, спокойно. Ох ты... — папа расстроено сопит. — Кажется забыл свой телефон в учительской. Но не беда, я вам кое-что покажу. Подсветите мне телефонами дверь в наш класс!

В темноте зажигаются несколько тонких лучиков. Папа, похожий на крупную рыбу в сетях света и тени, возится с ключом, заходит внутрь.

— Теперь учительский стол.

Окруженный помощниками, папа копается в ящиках, достает непонятную штуковину. Раздается скрежет — отец с усилием жмет на пластину странного желтого устройства. Но ничего не происходит. Тогда он вскрывает пластмассовый кожух, ковыряется внутри канцелярской скрепкой, которую достал из кармана. Раздается чей-то писклявый девчачий голос:

— Что за странная вещица?

— Это динамо-фонарик, называется «жучок». Мне его один хороший человек подарил, — отец погружается в задумчивость, но пальцы его продолжают копаться во вскрытом фонарике.

— Не получается? — издевательский голос Артема.

— Разве можно так быстро сдаваться? Иногда нужно постараться, чтобы достичь цели, — папа не замечает хамского тона. — Ура! Спасибо, мне в голову пришла очень интересная мысль...

Отец наконец собирает фонарик и опять несколько раз быстро нажимает на пластину на корпусе — «жучок» испускает неровный мигающий свет. Раздаются жидкие аплодисменты, очевидно, одноклассники не впечатлены — им непонятно, зачем столько возни со старой рухлядью...

Кисточке от воспоминаний стало еще тоскливее, теперь затекла левая нога, сон не идет. Уже забрезжило утро. Хочется размяться, она встает с дивана и, прихрамывая, ходит по гостиной.

На глаза опять попадает желтая штуковина — воспоминания о фонарике сейчас кажутся скорее теплыми, чем болезненными. Кисточка зачем-то берет его с полки и нажимает на пластину — раз, другой. Фонарик опять не работает. Как только она кладет «жучок» обратно на полку, в левом ухе ощущается легкое щекотание — сигнал вызова. Оказывается, забыла вынуть горошину на ночь. Это наверняка Костюмер, выпался и желает узнать, как дела.

В гарнитуре раздается бодрый дискант мальчика лет шести-семи:

— Как обстановка? Кстати, с твоим прикрытием все в порядке. Я закончил имплантацию цифрового следа в городскую систему наблюдения. Минконтроль увидит: ты села на нелегальный безэкипажный катер и уплыла в сторону границы с Мегалополисом.

Кисточка даже хихикнула, из уст ребенка серьезная информация звучит как минимум забавно. Она вкратце пересказывает случившееся после полуночи, а когда доходит до вызова скорой, хакер тоненько хрюкает и перебивает:

— Они спрашивали согласие на запись?

Сначала Кисточка не поняла, что он имеет в виду. Потом по спине пробегает легкий холодок, но разум уже отказывается реагировать — нет сил переживать из-за новой опасности.

— Проинформировали, — она поражается собственному равнодушию.

— Плохо. Очень плохо, — у мальчика прорезаются плаксивые нотки. — У меня нет прямого доступа к серверам системы здравоохранения... Придется срочно кое-что сделать, — Костюмер не то вздыхает, не то всхлипывает. — Ладно, теперь по твоему новому Костюму. Закажи доставку в «Футурико». Твой адрес я знаю — легко найду все в системе и добавлю свой контейнер в перечень грузов.

Закончив разговор, побрела обратно к дивану. Комната уже окрасилась в нежно-розовые тона, на сервант легли причудливые тени от гардин. За окном слышится чиликанье ласточек — видимо, рядом гнездо. Улегшись, Кисточка заказала доставку нескольких упаковок готовой еды (спасибо Тощему за годы верной кухонной службы) и через несколько минут наконец-то отключилась.

Но продлилось забытие недолго: где-то зазвенели колокольчики, она подскочила — это сигнал от Домового, слышала такой, когда звонил Борис. Сиплым ото сна голосом Кисточка спрашивает:

— Домовой, что случилось?

Умдом странно медлит, словно колеблется, отвечать или нет.

— Извещение из центральной городской больницы. Включаю воспроизведение.

Сначала зазвучал грустный ноктюрн, затем печальный мужской голос сообщил:

— Сегодня в 05:43 у пациента Всеволода Орлова произошел повторный обширный инфаркт. К сожалению, реанимационные мероприятия результата не дали, в 05:52 пациент скончался, не приходя в сознание. Пожалуйста, свяжитесь с ресепшеном ЦГБ.

Показалось — в комнате потемнело, цветы на обоях поблекли. Кисточка встала и раздвинула гардины — но и это не помогло. Опять стали слышны ласточки за окном, их звонкий щебет теперь кажется металлическим.

Снова ожил Домовой и каким-то особенно скрипучим голосом потребовал:

— Пожалуйста, покиньте квартиру. Вы не можете здесь находиться, поскольку владелец умер.

Наваливается апатия. Может, вообще сдать Борису? Но сразу вспоминается репортаж Алисы из городской исправительной колонии. Стерильная атмосфера, голые стены, апатичные заключенные в серых робах. И там запрещен доступ в *Другую*. Нет, такого точно не выдержать. Папочка, но как же... Может, какая-то ошибка?

— Повторяю, немедленно покиньте квартиру, — голос умдома звучит уже повелительно.

В Кисточке неожиданно закипает дикое упрямство. Какой-то алгоритм будет ей указывать?

— Домовой, папа четко сформулировал распоряжение. Слушаться меня до тех пор, пока он не вернется.

— Всеволод умер. Он не может вернуться, — парирует искусственный интеллект.

Кисточка упрямится:

— Интерпретировать его приказы вне твоей компетенции.

На этот раз Домовой чуть медлит с ответом, видимо, задействует много вычислительных ресурсов, чтобы сформировать реакцию. Затем он все-таки соглашается:

— Хорошо.

Опять ужасно хочется спать. Может, приснится хорошее? Она ложится назад на диван, прижимается щекой к прохладной подушке и укрывается пледом. Но через минуту в ухе снова шевелится горошина. Как обычно, вызывающий абонент неизвестен — наверняка опять Костюмер.

Распухшая голова весит килограмм десять, даже поднять ее нет сил. Кисточка, не меняя позы, щелкает по гарнитуре — устанавливает соединение. Голос абонента старушечий, дребезжащий:

— Привет, это снова я. Через пару часов тебе доставят таблетки-редакторы: все на мази, ты на пути к новой личности.

— Костюмер, папа умер в больнице, — Кисточка слушает себя словно со стороны. — Когда ты меня отсюда заберешь?

В ответ тишина. Потом в гарнитуре снова пожилой голос:

— Пока тебе придется побыть у... — бабуся запинается. — В квартире. Мне нужно еще два или три дня. Начинать принимать красные таблетки, четыре раза в день, по одной. Курс рассчитан на неделю, но эффект будет заметен раньше. Риск опознания значительно уменьшится, отвезем тебя в надежное место.

— Спасибо.

Кисточка заставляет себя быть вежливой. В горле почему-то сухо. Сейчас бы уснуть. И очнуться, когда заберет Костюмер.

Дребезжащий голос продолжает отчет:

— Я отредактировал записи бригады скорой помощи. Тебя там больше нет. Пришлось немного напрячься, впервые таким занимался... Из-за срочности здорово рисковал, но вроде обошлось.

— Хорошо, — тускло говорит Кисточка.

— Но дело вот в чем, — бабушка в ухе замялась. — К сожалению, придется подменить данные об отце в ЦГБ. Город скоро начнет посмертные процедуры, нужно спешить. Иначе ты не сможешь оставаться в квартире, — пожилая женщина вздыхает. — Подобных проблем я тоже раньше не решал. Еще один риск. Но что поделаешь...

У Кисточки дрожат пальцы, в висках стучат быстрые молоточки, комната перед глазами расплывается. Это продолжается всего несколько мгновений, затем становится полегче. Но сказанное старушенцией все равно не укладывается в голове.

— Точно нет другого выхода?

— К сожалению, нет, — в надтреснутом голосе бабуся впервые звучит сочувствие. — Я тебя понимаю... Но все зашло слишком далеко, отступить некуда.

Контрольный вопрос дается еще тяжелее предыдущего:

— То есть папу похоронят под чужим именем?

— Да. Я тебе сообщу. Возможно, тебе удастся получить прах. Потом.

Кисточка запускает онемевшие пальцы в спутанные волосы, с силой дергает. Но боли не ощущает. Костюмер выжидает еще немного и завершает разговор:

— Держись. До связи.

Глава 5. Алексей. Сентябрь. Первое занятие

После первого в жизни перехода в *Другую* Алексея с непривычки мутит — желудок мячиком скачет в животе. В глазах мелькают черные точки. Он вроде бы сидит на чем-то, но абсолютной уверенности нет — вестибулярный аппарат пока глючит. И зачем вообще в это встрял...

Время замерло, голова будто плавает от плеча к плечу. Алексей ругает себя почему зря: хлюпик, слюнтяй, надо перетерпеть. Через пару мгновений становится полегче: возвращается привычное ощущение верха и низа — молодец, перемогся. Теперь можно и оглядеться.

Просторное стерильно-светлое помещение совсем не походит на класс: окна от пола до потолка, единственный круглый стол цвета крем-брюле — за ним сидит он сам и еще несколько человек. Скорее офис какой-то, а не школа.

Странно, в комнате больше ничего нет — ни шкафов с книжками, ни доски. Вдоль голых стен — гирлянды маленьких черно-белых портретов без рам. Бородатые и усатые лица — смутно знакомые, значительные. Наверняка великие горожане. Или как их... мыслители? Они парят в пустоте — ни на что не подвешены. *Другая!*

Здесь, в виртуальной реальности, тоже вечер. За стеклами — рукой подать — роща, ее пересекает дорожка, подсвеченная теплыми желтыми фонарями. Листва днем, наверное, золотая, но сейчас выглядит сделанной из бронзы. И надо всем этим — бездонное темное небо с яркими точками звезд. Лучше бы туда, на аллею. Вон из этого класса...

Прислушался. Показалось, за окнами кто-то тихонько вздохнул — как мотор перед полной остановкой. Неужели ветер? Возможно ли такое в *Другой*?

Ответ получил сразу: деревья ожили, заволновались. Сорванные листья заметались и в круге света ближайшего фонаря опять стали сочно-желтыми. Новый порыв подхватил и повел их в прощальном хороводе, вниз, к земле. Алексей хмыкнул — до чего дошел прогресс: все вокруг... как настоящее!

Украдкой потрогал стол снизу — пальцы ощутили гладкий пластик, ничего особенного. Поерзал в кресле. Странно, колени сильно упираются в столешницу. Зато спине и сидалищу вроде удобно, мягко. Поднес руки к глазам: каков он в *Другой*? И сейчас же спрятал — пальцы еще дрожат. Решил тогда получше разглядеть остальных бедолаг — с кем придется учиться?

Сначала всех сосчитал. За столом пятеро, он — шестой. Седьмое кресло пусто. Разговоров пока никто не заводит, присутствующие переглядываются и тоже осматривают комнату. Внимание Алексея привлек мужчина слева — его огромный шнобель кажется подозрительно знакомым. «Нос» время от времени украдкой косится на симпатичную соседку.

Кажется, среди тех, кто в классе, — учителя нет. Больно неуверенно все себя чувствуют. И вообще непонятно, где преподавательское место... Может, нарисуют эту, как ее... кафедру!

Дама, что нравится мужику с большим носярой, сидит напротив Алексея. Скуластая блондинка, волевое лицо, глаза цвета темного меда — в них чудится какая-то грусть. Следов косметики не видно, короткая стрижка жестким ежиком — напоминает высохшую траву. На вид она атлетичная, плечистая, с большими руками. Алексей умеет профессионально определять рост сидящих людей — судя по всему, он у женщины средний. И видно — барышня не из тех, кто показывает свои эмоции. Она пытается приветливо улыбаться, но у нее чуть заметно ходят желваки — выдают внутреннее напряжение.

На мгновение захотелось прикоснуться пальцами к ее щеке — погладить, успокоить. Интересно, какая у нее кожа на ощупь? Наверное, гладкая, тугая, как яблочная кожура... Эх...

Может, она спортсменка, вся такая ладная? В целом — у соседа губа не дура. И тут Алексей вспоминает, откуда знает носатого.

Богдан — известный актер! Бандюков играет в кино. Фамилию артиста Алексей не помнит, да и черт с ней. Вот наградила природа человека внешностью! Помимо выдающегося носа, у него крупные зубы, черные маслянистые глаза, зализанные назад волосы. И одет он как-то расхлябанно — расстегнутая белая рубашка открывает волосатую грудь.

Надо же, большая звезда... И учиться! Зачем ему, неужели тоже рейтинги нужны? Поколебавшись — уместно ли, решил для начала познакомиться:

— Богдан, здравствуйте! Не ожидал вас здесь увидеть.

Лицо мужчины искажает легкая гримаса пренебрежения:

— Я не Богдан. С чего вы взяли? Это просто аватар. Я — Роман.

Алексей чувствует — уши полыхают, словно два факела.

— Э-э-э... извините... Я в первый раз в *Другой*. Не знал...

Ужасный конфуз! Наверное, новые соученики уже поняли — Алексей ничего не смыслит в *Другой*. Получается, тут кем угодно можно быть? А он вчера, когда мастерил аватар с натуры по пошаговой инструкции, только подкрутил кое-что, совсем немножко.

Алексей оглядывает всех исподлобья. Но вроде ничего — ухмылок не видно. Просто скучливые и немного тревожные лица. Тогда, чтобы замаять неловкость, пробует пошутить:

— Меня зовут Алексей, я в такси работаю, — он вывешивает лучшую профессиональную улыбку. — Есть здесь еще таксисты?

Отклика его попытка не находит, люди остаются хмурыми и сосредоточенными. Но сутулая тетка реагирует чуть дрожащим высоким голосом:

— Я Александра, журналистка.

Саша, значит. Неухоженная женщина лет сорока. Длинные русые волосы кое-как стянуты в хвост, оттого лицо как у козы. Выпуклые глаза — цвета мутного бутылочного стекла. Макияжа нет, как и у блондинки. Нервно крутит упавшую на стол заколку, время от времени заправляет за ухо жидкую прядь.

Следом говорит спортсменка. Впрочем, оказалось, Алексей ошибся.

— Я — Юлия. Врач, — ее голос с хрипотцой, с металлическими царапающими нотками.

Немедленно встречает Роман. Поворачивается, явно обращаясь прежде всего к докторице:

— Здравствуйте! Как меня зовут, вы уже знаете. Я инженер.

Соседка отвечает дежурной скупой улыбкой. Пока не представились еще две женщины: ближайшая к Алексею — холеная дама средних лет, рядом с ней — козявка мелкая, со странными сережками в ушах, они впились в мочки, будто пиявки.

Соученицы переглядываются. Та, что постарше, делает знак ладонью, мол, первой говорить буду я. Задрав подбородок, обводит взглядом сидящих за столом. По повадкам — актриса, ее лицо тоже кажется знакомым...

Приятным, хорошо поставленным голосом «актриса» сообщает:

— Мое имя Инна, я — депутат городского парламента, надзираю над процедурой принятия новых законов.

Алексей встрепенулся — где были его глаза? Конечно! Стрелкова, как он мог не узнать ее сразу! Ух, какая она... Одна из немногих представителей движения «За Традиции» в парламенте Города. Бьется за идеалы движения, как волчица. Как же так, она-то тут почему?

Заново пригляделся к законодательнице. Очень элегантная женщина. Есть в ней что-то — какая-то сила, в этом она схожа с Юлей. У Инны темная короткая стрижка, пряди-перышки в легком беспорядке, но как-то сразу чувствуется — над прической работал мастер. Глаза серого цвета, как зимой озерный лед на холодном солнце. Нос с горбинкой, губы — узкие. И

длинная-длинная шея. Руки держит под столом, но насколько Алексей помнит — она очень тонкокостная.

Тем временем очнулась малявка. Странно растягивая и глотая звуки, будто гоняя в ротике жвачку, она представилась:

— Аня-я. Ра-а-бо-т-а-а-ю в-з-жи-истк-й.

Явно неформалка. Глазенки обведены черным, коричневая помада. Волосы выкрашены в фиолетовый, розовый и голубой. В дополнение к странным сережкам в ушах на ноздре маленький серебряный пирсинг.

Вообще она напоминает цветного попугайчика: постоянно крутит головкой и смотрит на всех сбоку по-птичьи. И прическа ее — хвост наверх, а по бокам волосы свисают. Куда катится молодежь...

Проходит еще десять минут. Роман прерывает раздумья Алексея о судьбе молодого поколения.

— Конец занятия близится, а препода все нет, — вроде и сказано мягко, нараспев, но рот брезгливо кривится.

— Что же вы так нетерпеливы? Учитель опаздывает, но, наверное, у него форс-мажор, — врач окидывает инженера оценивающим взглядом.

— Эх, Юлия, шуток вы не понимаете... — грустно бормочет Роман, лицо теперь кислое.

Блондинка пожимает плечами и равнодушно отворачивается. Но тут вмешивается Инна. Изогнув соболиную бровь, она выказывает неудовольствие:

— Мы здесь не шутки шутить собрались, — затем, помедлив, смягчается: — Но вообще, конечно, безобразия.

Тут уже и сутулая Саша подключается к разговору. Тарахтит, как двигатель на холостом ходу:

— Никакого уважения к людям. Почему мы должны ждать? Все нервничают, ничего непонятно: что за курс? Может, он и не нужен вовсе для улучшения рейтингов...

Инна прерывает ее и величаво, с расстановкой произносит:

— Милочка, держите себя руках. Не подобает так нервничать.

Саша зыркает исподлобья, но ничего не отвечает. А попугайчик Анна демонстративно прикрывает круглые глазенки, шоколадные губы шевелятся — то ли молится, то ли песенку мурлычет какую-то.

Роман продолжил гнуть свою линию:

— Предлагаю дать преподау еще пару минут. Если не появится, нужно жаловаться в администрацию.

Тут уже Алексей не выдерживает:

— Люди, э-э-э... ну что же вы... давайте жить дружно.

Спине становится жарко: он, получается, указывает Стрелковой, как себя вести. Да еще запанибрата.

От неловкости Алексей вскакивает, стукнувшись коленями о столешницу. Нужно извиниться. Но оказывается, он только сидя привык к *Другой*. Перед глазами снова пляшут точки, теперь они переливаются из желтого в оранжевый. Помещение качается и расплывается, бронзовые кроны в парке будто размазываются по окну. Чертова виртуальная реальность!

Вдруг слышится тоненькое хихиканье журналистки, ему вторит визгливый баритон инженера — через секунду это уже раскатистый хор, веселятся все. Зато помещение вернулось в норму, пелена перед глазами спадает. Алексей поскорее оглядывает себя, что не так? Непонятно...

Юлия выходит из-за стола. Смеяться уже перестала, не то что другие — они продолжают реготать, даже Инна прыскает в кулачок. Улыбка у врачихи еще прячется в уголках рта, а вот глаза хорошие — смотрят сочувственно.

Докторица встает перед Алексеем и сразу делается удивительно маленькой. Проводит ладошкой от своей макушки до пуговицы на его рубашке и спрашивает:

— Алексей, вы сами аватар делали?

Дошло! Вот беда... Зачем трогал настройки... Дурак! Захотелось провалиться сквозь землю, в горле застряла теплая вата — не слотнуть. Понутив голову, он кивает.

— Ничего, всякое случается! Вы же первый раз, переборщили с ростом. Дайте подумать. Мой аватар один в один как в *Реалке*. Ну почти... — Юля вздыхает. — Судя по тому, что я вам в пупок дышу, вы себе метра два с половиной выкрутили, не меньше. Ну ничего, поправите в следующий раз.

За столом кто-то звонко ойкнул, многоголосый хохот прекратился. Повернул голову — все смотрят на Сашу. Ее щеки затопил румянец, лицо разгладилось, на мгновение она кажется даже хорошенькой. И тут журналистка опять стартует, как гоночный автомобиль, несет скороговоркой:

— Алексей! Простите, простите меня! Я не должна была смеяться над вами! Это же понятно, вы новичок. Вы не знали, как правильно обращаться с аватаром!

Ком в горле тает. Даже в чертовой «Авроре» есть хорошие люди. Сначала Алексей кивает Юле, мол, ваша правда — опростоволосился. Потом вспоминает *Наставника*: берет ее руку в свои две и, глядя в медовые, с мелкими крапинами глазищи, крепко жмет.

Ладонь докторицы горячая, как дроссельная заслонка — отпускать не хочется. Не такая уж плохая вещь *Другая*! Вон как ощущения передает... И все же кто его знает, какая блондинка на самом деле... Может, ее ладошка и не теплая вовсе.

Алексей заставляет себя выпустить Юлину руку и отвернуться. Смотрит на Сашу, улыбается теперь ей и отвечает, уже обращаясь ко всем:

— Ладно, чего уж. Сам виноват. Проехали!

Сказал и на всякий случай поскорей вернулся за стол — по очереди устроил чрезмерно длинные ноги, стараясь никому не наступить на обувь. Нечего отсвечивать своими ходулями.

И тут в пустующем кресле стусился человек. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — это наконец учитель. Громадная и лысая, как яйцо, голова. Очень высокий лоб и тонкие породистые губы. Вылитый профессор! Костлявый только очень, не кормит его жена.

Преподаватель обводит всех взглядом из-под косматых бровей и говорит отрывисто:

— Здравствуйте. Меня зовут Всеволод, я доктор андрагогических наук, профессор. Приношу извинения, задержали срочные дела.

Каких-каких наук? Инженер явно приготовил очередную колкость — больно лицо у него стало ехидным, как у шкодника-первоклашки. И не успел. Но тут раздался странный, тающий в воздухе звук — похоже на звон хрустала. Всеволод резко оживился и пробормотал:

— Прошу прощения... гм... скоро вернусь.

И исчез.

У Романа отвисла челюсть. Остальные реагировали сдержаннее — но на лицах проявилась смесь изумления с негодованием в разных пропорциях. Только попугайха, как обычно, осталась невозмутимой.

Обсудить ситуацию не успели — через несколько секунд преподаватель снова появился на месте. В этот раз инженер не дал ему и рта раскрыть, сразу воткнул седьмую передачу:

— Послушайте, при всем уважении. Вы очень странно себя ведете. Мы уже потеряли десять минут из-за вашего опоздания. Но вы еще и отвлекаетесь на какие-то посторонние дела! — скандалист выдерживает паузу, переводит дух и припечатывает: — Не понимаю, как так можно преподавать?

Всеволод за словом в карман не полез, Алексею понравилось, как он осадил нагловатого студента:

— Некоторым и не стоит давать знания. Бесполезно. Я тут никого не держу, не нравится — всего хорошего. А если захотите остаться — приведите себя в надлежащий вид, застегните рубашку.

Роман стусевался — а вот нечего хамить. Он неверными пальцами заталкивает пуговицы в петли, сорочка застегивается криво. Но нашлась и защитница:

— Всеволод, вы как-то уж очень грубо. Не надо, — это добросердечная Саша, глаза просительные, кажется, она не столько возмущена, сколько расстроена склокой.

Зато Инна подобралась, выпрямилась в кресле и обрушилась:

— Мне ваш тон тоже не по нраву. И слова неуместные — «некоторые», «не держу».

На лбу профессора обозначилась большая складка, ноздри раздулись, придав ему сходство с разгоряченным скакуном у финишной черты. Маленький Алексей видел такое однажды, когда папа брал его на ипподром. Ох, что сейчас будет, видно, не миновать скандала.

Но Всеволод неожиданно обмяк, даже чуть-чуть уменьшился, и чело его потихоньку разгладилось. Алексей почувствовал уважение: учитель — опытный педагог, умеет держать себя в руках. Не каждый такое сможет. Преподаватель секунду мешкает, а затем как-то очень торжественно командует:

— Умный класс: режим тишины для студентов.

Сначала Алексей не понял — в каком смысле тишина? Хотел все-таки сказать несколько примирительных слов. И не смог!

Попробовал просто пошевелить губами: они словно срослись, горло обмякло — не получается даже замычать! Ничего себе, ну дает Всеволод. Вот что он имел в виду... На лицах остальных — целая гамма чувств, тоже сообразили: теперь они немые.

Видимо, профессор достаточно насладился эффектом. Приказал:

— Умный класс, отмена тишины. — И сразу: — Но. Я настоятельно рекомендую всем помолчать и внимательно меня выслушать.

Возражений на этот раз не последовало. Но начинать Всеволод не торопился, встал из-за стола, медленно прогулялся взад-вперед по классу. Затем подошел к окну и на мгновение замер — может быть, залюбовался звездами или медью крон в свете фонарей. Впрочем, похоже, увиденное снаружи ему вовсе не понравилось, и он начал колдовать.

Прямо в воздухе перед профессором появился зеленоватый мерцающий прямоугольник пульта: многочисленные шкалы, ползунки. Еле слышно бурча под нос (Алексей разобрал только одну фразу — «ученье — свет, а неученых — тьма»), преподаватель указательным пальцем стал передвигать верньеры — освещение за панорамными окнами изменилось. Там наступил рассвет!

Небо посерело, одна за другой поблекли звезды. Только самая яркая дольше всех пряталась в ветвях, но неумолимый профессор добрался и до нее. Стало совсем светло, погасли фонари — листва на деревьях вызолотилась. Зень-зень-зень-зи-и-и... Ничего себе! Похоже, в траве проснулась овсянка.

Проделав эти манипуляции, сердитый преподаватель, видимо, поостыл — линия губ смягчилась. Тем не менее когда он наконец заговорил, слова прозвучали жестко и веско:

— Как вы успели заметить, Минобр наделил меня широкими полномочиями. Впредь попрошу держать себя в руках, чтобы опять не пришлось идти на крайние меры.

Инна удивленно поднимает брови, в голосе звучит ехидство:

— Хотелось бы подробнее ознакомиться с вашими полномочиями. Где я могу посмотреть документы?

Профессор отвечает надменным взглядом:

— Я сейчас очень занят. И вообще пора начинать урок.

Законодательница не тушует — смотрит выжидательно. Становится ясно — она не отстанет.

— Хорошо. Найду ссылку и пришлю позже... через несколько дней.

— Договорились. Но не затягивайте. — Стрелкова победно скалится.

Грубость на грубость... Сейчас опять начнется свара. Но профессор игнорирует Инну, обращается ко всем:

— Дорогие студенты, поздравляю с началом курса «Умение учиться и основы критического мышления»!

И тут он странно вздрагивает и приглядывается к Алексею — становится неуютно: как бы спрятать все нелепые конечности под столешницей? Затем, немного запинаясь, преподаватель продолжает:

— Собственно, в течение учебного года мы будем разбирать приемы, которые помогают усваивать новые знания в большом объеме. Также, как следует из названия предмета, вы будете учиться критически мыслить и строить корректные умозаключения.

— А рейтинги это как помогает исправить? — спрашивает Саша жалобно.

— Вы будете применять полученные знания, готовясь к экзаменам на рейтинги в интересующих вас областях, — профессор зло дергает щекой. — Спецкурсы по вашим специальностям, конечно, веду не я, есть другие преподаватели.

Учитель бросает еще один задумчивый взгляд на Алексея.

— Мда-а... бывает же. Процесс знакомства пропустим. *Другая* подсвечивает мне имя каждого студента, — преподаватель чешет переносицу. — Как-будто ничего не забыл... Приступаем к занятию.

Закончив фразу, профессор на мгновение будто замирает. Но почти сразу оживает: заиграла веселая музыка, он начинает лекцию — быстрый поток слов в сопровождении трехмерных анимированных иллюстраций. Без остановки шпарит про устройство мозга: в воздухе порхают разноцветные нейроны, они тянут друг к другу пальцы-отростки — образуют замысловатые цепочки, по ним пробегают трескучие электрические разряды.

Алексея сразу клонит в сон, он не поспевает мыслью за этим калейдоскопом. Будто попал в длинную трубу: сверху сыплются непонятные термины — вроде бы профессор рассказывает, как происходит запоминание новой информации. Вдалеке шевелятся загадочные аксоны, дендриты и синапсы, все двойится и даже тройится — понять смысл нет никакой возможности.

И тут почудилось — на периферии зрения происходит какое-то движение. Повернул голову и обомлел: кудлатый и бородатый старец с ближайшего портрета залихватски подмигивает... Это уже сон, догадывается Алексей. Старец соглашается — важно кивает и показывает язык.

Алексей героическим усилием отогнал дремоту и попытался сосредоточиться. Профессор уже вещает о двух типах памяти: рабочей и долговременной. Наверное, оседлал любимого конька: на губах мечтательная полуулыбка, жжет как по писаному, новые понятия вылетают, как гравий из-под колес.

Наконец он обводит аудиторию победным взглядом.

— Понятно? Или есть вопросы?

Алексей косится на соседей. По лицу остальных сразу видно — поняли ненамного больше, чем он сам. Хотя Стрелкова наверняка все осилила — у нее ума палата...

И тут Роман подтверждает догадку — с мрачной усмешкой еле слышно бормочет:

— Травма мозга нанесена чем-то тяжелым и тупым. Предположительно вопросом.

Юля с веселым удивлением поворачивается к инженеру и тихонько смеется. Эх, вот бы научиться так острить...

Удивительно, но Всеволод тоже расслышал: он хмурится и как-то странно изгибается в кресле — становится похож на большой вопросительный знак.

— Роман, ваши слова — абракадабра! Она не поддается разумной интерпретации! Объясните.

У насмешника даже кончик носа покраснел — он не ожидал, что у профессора настолько тонкий слух. А Юля, заморгав, открыла рот: будто преподаватель — оловянный солдатик, который неожиданно ожил и заговорил. Носач отпирается:

— Не буду я повторять, это неважно.

Но, видимо, он крепко задел профессора: тот сдвигает косматые брови и угрожающе нависает над столом, вперившись в Романа.

— Тем не менее извольте объяснить.

Краем глаза Алексей замечает: блондинка задумала каверзу. Подобралась, как кошка перед прыжком на мыш, прекрасные глаза сузились и заиграли азартом.

— Разве вы не слышали? Новейшие научные исследования показали: некоторые вопросы могут серьезно повредить мозг! Вот Роман и волнуется.

В классе — неловкая пауза. Почти все студенты смотрят на Юлю с нескрываемым изумлением. Только Аня безучастна, кажется, ее вообще не волнует происходящее в аудитории.

Но особенно поразил профессор — захлопал глазами и неуверенно промямлил:

— Извините... не знал... наверное, нужно почитать свежие статьи...

Блондинка в ответ заливисто расхохоталась — грудь под шоколадным джемпером заходила волнующе. Просмеявшись, Юля опять удивила:

— Дамы и господа! Перед вами обыкновенный бот. Не настоящий преподаватель!

Что? Какой еще бот... Пока Алексей недоумевал — Всеволод испарился. И тут же вернулся. Выглядел он теперь каким-то взъерошенным — даже брови топорщились в разные стороны.

— Не понимаю, о чем вы говорите!

У Алексея голова идет кругом: с одной стороны, Всеволод и правда ведет себя крайне странно. Но как это он бот? С другой стороны, Юля не похожа на человека, который будет зазря бросаться обвинениями...

Поднимается гвалт. Роман немедленно принимает сторону докторицы и требует немедленного расследования. Профессор вяло отбивается, но видно — чувствует себя неуверенно. Разгоряченная Саша, стрекоча еще быстрее обычного, наоборот, горячо его защищает. Алексей, словно болванчик, ошалело поворачивает голову то к одному, то к другому участнику перепалки — никак не может решить, чью сторону принять.

Еще через пять минут спор стал выдыхаться. Саша попыталась подвести черту:

— Мне кажется, все обвинения беспочвенны...

Но защитница не успела закончить фразу — проглотила язык. Произошло невероятное: рядом с профессором появился второй Всеволод. Точно такой же. Он зыркнул на студентов, с удивлением воззрился на первого профессора и заявил:

— Конечно, Александра, вы совершенно правы. Возмутительно! Разве допустимо обсуждать преподавателя?

Аудитория покатила со смеху, больно комично выглядят два профессора-близнеца: первый — растерянный и несчастный, а второй — важный и надутый. Даже Аня, глядя, как смеются остальные, обозначила веселье — разразилась странным клекотом.

Надутый профессор еще сильнее нахохлился и потребовал от студентов:

— Прекратите сейчас же. Вы срываете занятие, — затем, еще больше надувшись от спеси, воззрился на свою грустную копию с нескрываемым подозрением, погрозил ей пальцем. — Не знаю, кто вы и откуда здесь взялись: в списке студентов вы не значитесь. Покиньте класс.

Грустный профессор вздохнул... и повиновался! Исчез! Через мгновение пропал и второй. Но тут же невеселая копия вернулась и, оглядев присутствующих исподлобья, буркнула:

— Извините. Накладка вышла.

— Нет уж, извольте объясниться! Что это было? — взорвалась Инна.

Всеволод вскинулся в ответ:

— Повторяю, у меня есть важные дела, я очень занят, — он откашлялся. — Для вашего обучения бота достаточно, на него куча времени потрачена. Просто он недотренирован немного.

— Вы все-таки не считаете нас за людей! А я вас защищала! Бота вместо себя прислали! — Саша с ходу перескочила почти на ультразвук.

Потом вступил Роман — жеманно заявил, мол, нужно натренировать комиссию ботов: проверить знания профессора. А Инна разразилась пространной речью, дескать, в Городе до сих пор есть дыры в законодательстве, связанные с искусственным интеллектом. Их нужно латать, пока корабль законности и справедливости не пошел ко дну, и этот случай — как раз хорошая оказия. В принципе, Алексей согласен.

От унижения у профессора на багровом аполексическом лбу выступили капельки пота, но он терпел, не одергивал Стрелкову. И тут в ушах забился дребезжащий гулкий звук — да так громко, что все вздрогнули. Ура! Звонок к окончанию урока — точь-в-точь как когда-то в школе...

Всеволод вздохнул с облегчением — словно шина спустилась на морозе. Затем в его облике проступило какое-то затаенное злорадство — он сделался похож на змею, вот-вот зашипит и ужалит. Гаденько улыбнулся:

— Поздравляю с окончанием первого занятия. Следующее в четверг. А домашнее задание придет на персональные аккаунты.

И был таков.

Нижняя губа Романа брезгливо оттопырилась, а ноздри его феноменального носа затрепетали от возмущения:

— Всех настоятельно попрошу остаться. Нам есть что обсудить.

Глава 6. Кисточка. Сентябрь. Жираф

Кисточку накрыло уже в *Реалке*, в папином кресле. Вместо крови в жилах течет жидкая ярость — аж отдается в висках: тук-тук, тук-тук.

На занятии словно вернулась в прошлое: оно как кошка, вцепившаяся в клубок — не оторвать от добычи. Снова школа, глумливые лица. Только теперь она училка — душный, липкий кошмар...

И так опростоволоситься с ботом... Спешила, опаздывала и не успела толком адрессировать. И выхода другого не было: мыслимое ли дело — стать преподавателем за день?

Сутки с лишним назад, закончив разговор с Костюмером, Кисточка запретила Домовому ее беспокоить. Кто бы ни звонил и чего бы ни хотел от папы — он занят и ответить никому не может...

А через пару часов пришла доставка от «Футурико» — там и посылка от Костюмера. Кисточка взяла из коробки блистер с красными пилюлями и попелась в ванную. Отвернула кран, сунула руку под резкую струю. И не сразу смогла определить — холодно или горячо?

Ванна, наполняясь, гулко рокошет. Кисточка присела на край и всухую проглотила первую таблетку. Через сколько дней Костюмер обещал изменения? Таблетки — часть пакета услуг для создания нового Костюма. Они заменяют пластическую хирургию: лечь под нож не нужно — просто пропить недельный курс.

В Городе это нелегальный товар — пилюли изготавливаются по экспериментальной технологии в Мегополисе. Сразу после заключения контракта Костюмер передал слюну Кисточки в тамошнюю лабораторию, и местные спецы синтезировали таблетки-редакторы на основе биоматериала заказчицы.

Теперь пилюли существенно изменяют внешность. И Кисточка не знает, как будет выглядеть — по соображениям безопасности Костюмер свел к минимуму трансфер чувствительной информации.

Ванна наконец готова. Кисточка раздевается, залезает в привычную желтоватую воду — она помнит ее цвет с детства. Тепло понемногу расслабляет, баюкает. Полгода назад хакер рассказывал о процедуре трансформации. Тогда было жутковато — технология только появилась, мало ли какие побочки. А сейчас — уже не страшно. Даже не любопытно, каким будет лицо через семь дней...

Сколько времени провела в ванной? Вода остывает, озябшая Кисточка с удивлением замечает — сосет под ложечкой. Организм требует свое. Она кое-как вылезает, наплескав на карие плитки пола. Натягивает на мокрое тело папин халат и тащится назад на кухню. В холодильнике — розовая промокашка докторской колбасы, в хлебнице — черствый кирпич белого. Едва не порезавшись, сооружает бутерброды — давно отвыкла работать руками. Чай заваривать поленилась, ограничилась стаканом воды из фильтра.

Решила все-таки поинтересоваться у Домового: нет ли входящих для папы? А он сразу — есть срочные новости. Его дребезжащий голос кажется крайне озабоченным:

— Папа преподает в школе «Аврора», его разыскивает директриса. Сначала она два раза звонила, а затем оставила три сообщения. Хотите прослушать?

От нехорошего предчувствия во рту делается кисло. И почему нельзя постоянно жить в *Другой*? Вдохнув, Кисточка обреченно говорит:

— Включай.

В тишине раздается взволнованный голос женщины, на слух — папиной ровесницы: «Всеволод, весь день не могу до тебя дозвониться. У меня вопросы по учебному плану твоего курса. Перезвони».

Сообщение закончилось, Домовой вежливо уточняет:

— Воспроизвести следующее или повторить?

— Давай второе.

Теперь голос директрисы тревожный, почти материнский: «Всеволод, с тобой все в порядке? Почему не отвечаешь? Перезвони».

— Домовой, а что ты знаешь об этой женщине? В каких она отношениях с папой?

Умдом занудно скрипит заученный в весах его нейронной сети текст:

— Директрису зовут Альбина Корецкая. Они со Всеволодом давние знакомые, учились вместе в университете. Альбина очень уважает вашего отца — в рейтинге социальной значимости Всеволод занимает более высокую строчку, чем она. Альбина — просто директор школы, а ваш папа — профессор, автор законопроектов и член научного экспертного совета при парламенте Города.

Кисточка морщится: озвученное Домовым резюме явно избыточно — кто такой отец, ей отлично известно.

— Как ты думаешь, она отстанет, если просто игнорировать ее сообщения?

Формулировка ответа занимает у Домового несколько секунд.

— Нет, базируясь на знании контекста и семантике третьего сообщения, которое ты еще не прослушала.

Кисточка глубоко вздыхает:

— Включай последнее.

В этот раз голос Альбины звучит очень напористо и энергично: «Всеволод, я чувствую, что-то случилось. Ты исчез, на тебя не похоже. Тем более перед самым началом учебного года. Если не объявишься в течение двух часов, начну розыски».

Кисточка с силой трет лоб. Час от часу не легче. Итого дано: Альбина может быстро посеять панику. Папу начнут искать и захотят проверить квартиру, а еще три дня уходить некуда. Значит, нужно внушить директрисе — с отцом все в порядке, он выполняет свои обязанности. И есть только один вариант...

Скорее в его кабинет!

Рабочий стол на дисплее беспорядочно усеян папками — отец никогда не был аккуратистом. Некоторые названия ничего Кисточке не говорят. Например: «Мотивация» или «Библиотека событий».

Содержание других очевидно: «Материалы для статей», «Рейтинги», «Досье студентов». Но Кисточке нужно совсем иное. Где же оно? Поковырявшись в подкаталогах, она находит искомое: «Аватар». Там хранится оцифровка внешности отца для *Другой*. Но придется по памяти докручивать функциональность — чтобы трансформировать жесты и речь Кисточки в папины движения и его языковые обороты. Иначе никак...

Но это еще не все. Нужно срочно натренировать простенький ИИ, сама Кисточка вести занятия не собирается. И успокоить Альбину, будь она неладна.

Как бы забыть о сегодняшнем унижении? Эта группа в *Другой* ничем не лучше школьного класса, травившего Кисточку. И никак не ожидала увидеть в классе Алексея, даже не сразу узнала — сначала вообще никого не разглядела толком. Но потом что-то переключилось в голове: та же борода лопатой и глаза загнанного зайца в зеркале заднего вида.

Тотчас тренированный мозг выдал оценку условной вероятности столкнуться с незнакомым человеком в Городе трижды. Так близко к нулю, что нужна запредельная разрядность типа данных, чтобы хранить такое число... Какой-то безумный знак судьбы!

Кисточку корежит. Бесит все вокруг. Занавески — мятые, словно вообще не знавшие уюта. Монитор пыжится, слепит — от него слезятся глаза. Убавив яркость и проморгавшись, она от нечего делать снова лезет в папины документы.

И опять натывается на раздел: «Библиотека событий». Открывает. Среди множества файлов глаза выхватывают три названия: «Разговор с патологоанатомом и Кисточкой», «Разговор после экзамена по математике» и «Чаепитие дома и разговоры о рейтингах». Что за сборник новелл?

Расширения у файлов оказались. event — это *События*! Но Кисточка и сама помнит некоторые эпизоды из этой библиотеки: она была их участницей в *Реалке*, и тогда запись точно не велась. Неужели здесь нечто вроде реконструкции?

Кисточка выбирает «Разговор с патологоанатомом». Сенсоры, как обычно — на виски, команда Домовому на погружение.

Полминуты невесомости в *Нигде*, и она уже открывает глаза в *Другой* — на диване у стены. Вся комната — ода зеленому, это Кисточка помнит. Стены — оттенка молодого салата, бархатистая обивка сидения — огуречная, пластик стеллажей с какими-то папками — цвета цукини, а на окне — фисташковые жалюзи.

За столом (его поверхность, как ни странно — белоснежная) сидит хозяин кабинета в халате цвета морской волны. Это и есть патологоанатом. У «лекаря мертвых» карие глаза, веснушки и здоровенный рыжий вихор на лбу, он торчит из-под шапочки, как лисий хвост из норы.

Врач мается. По его скучливому лицу можно легко прочесть, что он думает: родственники — зло, они отвлекают от дел. Вполне можно получить заключение в электронном виде, не тратить время медиков на пустые разговоры.

Папа сторбленный, несчастный, пристроился в кресле напротив.

— Вы сами проводили вскрытие? — спрашивает он хрипло.

Доктор кивает. Тогда папа переходит к сути:

— Объясните, пожалуйста, понятным языком. От чего наступила смерть?

Вдруг дверь в кабинет распахивается — влетает запыхавшаяся молодая копия Кисточки: лицо страдальчески перекошено, будто у нее болит живот. Кисточка-старшая с удивлением разглядывает Кисточку-младшую, она раньше никогда не видела себя со стороны. Какая же она угловатая, неуклюжая... будто ожившая табуретка... Значит, папа видел ее такой?

Отдышавшись, юная Кисточка бормочет:

— Извините, заблудилась в ваших бесконечных коридорах.

Вспышка памяти. Длинный, невыносимо бетонный коридор морга: что ждет впереди — никто не знает. Но не все ли равно, маму уже не вернуть. Кисточка точно не знает, куда идти, и боится покойников. В ноздрях свербит от химикатов — чем они тут все опрыскивают?

Вынырнула назад в *Событие*: юная Кисточка уже сидит рядом на диване, оригинал и копия почти соприкасаются локтями. Клон можно даже потрогать, та никак не отреагирует — она ведь просто запись. Но настоящая Кисточка не решается — как-то не по себе.

Врач зеваает, будто не спал неделю. Это заразительно — обе Кисточки тоже синхронно прикрывают ладошками рты. Эскулап вяло зачитывает заключение:

— Ишемический инсульт произошел через десять минут сорок три секунды после начала операции, во время транспортировки аортального клапана по бедренной артерии.

Папа перебивает:

— Простите. Все-таки слишком сложно.

На лице патологоанатома тоска. Он поправляет шапочку, морщит лоб — подбирает слова.

— Инородное тело в артерии, кровь начинает сворачиваться... Ну и.. появляются тромбы, нарушается кровоснабжение мозга.

Новая вспышка воспоминаний, тот же кабинет. Халат врача — все-таки не зеленый. Он цвета ультрамарин, как весеннее море после шторма. Как платье, которое мама подарила ей на шестнадцать лет. Путает папа. Но это не главное. Главное — вопрос, который она тогда задала.

— Почему... — Кисточка глотает грубое слово. — Почему хирург допустил инсульт? И почему потом не смог ничего сделать?

Человек в синей шапочке устало смотрит сквозь Кисточку, словно пытается прочесть невидимый ответ за ее спиной.

— Вопрос «почему» не в моей компетенции... принимая решения во время операции, нужно учитывать с десяток факторов. Я консультировался с ребятами из кардиологии, — он кряхтит, ерзает, — случай непростой, мнения о необходимых реанимационных мероприятиях разделились, — теперь врач медлит, словно выверяет каждое слово. — Некоторые коллеги считают — все было сделано правильно, пациентка не имела шансов. Но...

— Но? Говорите. Не тяните! — голос Кисточки дрожит, патологоанатом расплывается, соленая влага уже жжет скулы.

— Есть мнение: Солодовников сделал бы хирургическую декомпрессию и снял отек головного мозга. Он так спас семерых пациентов. Но профессор отрицает, что в мамином случае пошел бы этим путем. Дескать, риски запредельные...

Кисточка шепчет еле слышно:

— Конечно. Тот, кто оперировал, — ученик Солодовникова! Хорошие учителя не сдают своих учеников.

Врач смотрит на нее вопросительно.

— Простите, не расслышал. Повторите...

Кисточка машет рукой, мол, неважно, не обращайтесь внимания. Тогда синяя шапочка продолжает:

— В общем... я, конечно, не написал в документе. Однако в данном случае я не согласен с Солодовниковым. Хотя это мое личное мнение.

Все это время отец молчит. Но Кисточка наблюдает даже сквозь туман в глазах. С самого начала лицо папы напоминает каменную маску — он и сидит словно истукан.

Папиных слез Кисточка не видит, только догадывается — отец отворачивается в сторону. И тогда она воет...

Снова очнулась в *Событии*. Похоже, уйдя в собственные воспоминания, пропустила основную часть разговора — папа прощается, Кисточка-копия встает и благодарит доктора за уделенное время. А хочется все-таки воспроизвести тот разговор, как его помнит отец. Поэтому Кисточка приказывает:

— Домовой, верни меня в начало *События*.

Кисточка снова в *Реалке*, сидит за папиным столом. Из-за мятых занавесок выглядывает кислая долька луны, вдали глухо ухает и гроыхает: Маскаев через свое лобби продавил строительство нового завода — работы ведутся круглосуточно.

То, что увидела в *Событии*, не укладывается в голове. Папа «не помнил» ни мнения патологоанатома, ни истерики Кисточки. В *Событии* эскулап сказал: консилиум счел абсолютно оправданными решения, принятые во время операции...

Неужели папа сознательно хотел все забыть? И потому сделал *Событие* таким? Или действительно не помнил, как все было? Непонятно... Но память Кисточки не обманешь.

...Столик в маленьком кафе облит красным атласом скатерти, ткань на ощупь гладкая и прохладная, ее хочется гладить, скользить ладонью. Мама сидит напротив — лицо за пределами круга света от оранжевого торшера. Она как бы между прочим рассказывает про пустяковую операцию, которая ей предстоит. Кисточке очень хочется верить, но что-то подсказывает: это ложь. Мама ее забалтывает: отец подключил свои связи, оперировать будет светило — профессор Солодовников.

...Кисточка в больничной палате — вокруг чужое, белоснежное, тревожно-стерильное. Она уже знает, операция — сложнейшая, на сердце. Обсуждают с мамой неприятную новость — Солодовников завалил экзамен на рейтинг хирурга. Он отстранен, оперировать не может. Как же так? Мама смеется: это все папины рейтинги — они же комплексные, охватывают все компетенции. Нужно читать свежие статьи, следить за научными трендами по специальности. Иначе как можно считаться квалифицированным хирургом? Мама подмигивает — такая жизнь. У профессора — каждый день операции, вот он и запустил самообразование. Ну ничего, у него есть ученик — говорят, очень талантливый, с прекрасным рейтингом, он и будет оперировать.

...Кисточка второй час дежурит рядом с операционной. Даже немного подремала, умотившись в кресле. Наконец двери разъезжаются в стороны: «Опера» влево, «ционная» — вправо. Выходит симпатичный представительный брюнет. Явно тот самый талантливый ученик. Кисточка впивается взглядом. А у него скорбная складка на лбу, глаза просят прощения. Кисточка уже все поняла, но еще пытается обмануться — с ожесточением щиплет запястье, вдруг это сон.

Лимонный полумесяц все так же струит свой сок. Кисточка ежится, становится зябко: отраженный свет Солнца вбирает холод Луны, стынет по пути к Земле. Нужно выпить чаю. Согреться.

Но дойти до кухни не успела. По коридору поплыл грустный звук колокольчиков, Домовой сонным голосом ворчливо доложил:

— Звонок от Альбины. Видимо, срочный, советую ответить.

Кисточка обомлела: что еще стряслось? От тяжелого предчувствия ноги налились чугуном.

— Хорошо. Подключи меня к звонку, абонент должен видеть и слышать аватар отца. Говорить буду из кухни, картинку выведи на настенный дисплей.

Домовой завис на несколько мгновений. Но зато когда ответил — голос стал бодрым, проснувшимся:

— Будет исполнено, Кисточка.

В кухне на экране ожидает директриса. Она напряжена, как сжатая до предела пружина: упрямая линия подбородка, мерзлые серо-голубые глаза. Лицо молоджавое, седая коса коронной уложена на голове, рот умело подведен серебристой помадой. Прямо Снежная княгиня из сказки про неразлучных сестер. А тут еще и в голосе ее словно воеет вьюга:

— Ну-у-с... Сева, наконец-то застала! Прячешься, одни отписки от тебя.

Кисточка замешкалась. Сева? Ах, ну да, папа и эта Ледяная дева учились вместе... Что ей надо?

— Привет, Альбина...

Директриса обескураженно заморгала, немного сбавила тон:

— Всю жизнь звал Алей... С тобой что-то неладно. Не зря на тебя кляuzu накатали! — она звонко хлопнула ладонью по лбу, оттаяла. — Совсем у меня котелок не варит. У тебя с дочкой проблемы? Из-за нее ты такой?

В голове тяжелый ступор — что и откуда она знает? Но загадка мгновенно проясняется:

— Мне еще утром звонил следователь Левченко. Вынюхивал насчет твоей Кисточки. Хотела тебе сообщить, но закрутилась, забыла...

Новые напасти! Левченко рыщет... Кляуза какая-то... Но слона нужно есть по частям.

— Алечка! Ты права — я сам не свой. Дочка вляпалась во что-то, Левченко, конечно, со мной говорил. Но ты же знаешь, законники теперь блюдут тайну следствия. Он ничего не стал объяснять...

Директриса мутирует в добренькую подругу — повлажневшие глаза выдают живейшее участие.

— Ах ты бедный... Держись! Все образуется! — тут она странно шмыгает носом. — Но тебе нужно взять себя в руки. Я просмотрела запись... Ты на занятии такое устроил!

Кисточка опешила — что за новости?! Оказывается, урок сохраняется где-то в облаке! Аватар всегда замечательно передает мимику, а она, видимо, не сумела справиться с лицом.

— Я понимаю, ты не в себе, — реагирует Альбина. — Но студенты на тебя развернутую жалобу накропали. Заводилой у них Роман, инженер, — она переводит дух, кашлем прочищает горло. — И главное: там сама Стрелкова в подписантах. Сечешь?

Хочется разбить монитор. Доносчики поганые, рабы рейтингов! Но говорит другое:

— Прости меня, Аля! Очень переживаю за дочку...

Директриса грустно хмыкает:

— Хорошо. Сейчас я их успокою, принесу от «Авроры» извинения. Но учти, если сорвешься еще раз, прикрыть уже не смогу. Протокол ты знаешь: тебя немедленно отстранят, будет расследование с пересдачей экзамена на рейтинг преподавателя, — пытаюсь смягчить нотацию, директриса добавляет: — Тоже волнуюсь за Кисточку. Надеюсь, с ней ничего серьезного.

Та, за которую беспокоится Альбина, только и смогла, что кивнуть. Вся надежда на Костюмера — нужно выбираться из этого бедлама...

Тем временем директриса уже машет рукой на прощанье. Но затем снова стучит указательным пальцем по лбу. И выдает еще одну новость:

— Чуть не забыла! У тебя в группе новый студент. За него очень попросили. Кстати, он брат Стрелковой, тот еще фрукт. Но ты же любишь непростые случаи, всегда подбираешь себе самых сложных студентов...

Когда экран потемнел — нахлынула оглушительная тишина. Кисточка подошла к окну, прислушалась: снаружи тоже тихо, даже дворовые кошки спят. Ночь рисует на своих темнотах бесконечные узоры: тоненькая бледная тень далекого винтокрыла, вспышки маскаевской стройки на горизонте — теперь бесшумные. И прямо внизу у подъезда — красные стоп-сигналы полуночного беспилотника.

Но зависать некогда — нужно выспаться. Утром придется садиться за подготовку к следующему занятию. На бот больше полагаться нельзя.

Поковырявшись в школьной библиотеке локаций, Кисточка выбрала «Парк». Тут стоит осень. Остролистые клены что-то шепчут, играют багрянцем, у голубого неба дна и вовсе нет. Мягкое солнце высоко в зените, не слепит — ласково касается лучами: порадитесь и вы хорошей погоде. Неплохая работа муниципального дизайнера.

Кисточка ведет группу по аллее и украдкой рассматривает нового студента. Брата Инны зовут Ян, он длинный и хрупкий, как жираф. Нескладный. Его блондинистые волосы на солнце кажутся металлическими. А еще у него серые глаза с отливом в синеву — как черника, пока ее не тронешь пальцем.

В первые минуты, как Ян появился, накатило наваждение. Красивые, но неловкие руки человека, который постоянно роняет вещи, манера нескладно вышагивать, немного натянутая улыбка — все в нем напомнило папу.

Потом морок рассеялся. Сходство было иллюзией. Но теперь почему-то хочется прикоснуться к его длинным пальцам, которыми он перебирает пуговицы на пальто... поправить шарф на беззащитной шее. Нет, ерунда какая-то. Скоро Кисточка уплывет навсегда, и эта блажь останется в пенном следе за бортом... Срочно переключиться!

Взять хотя бы Романа. С ним произошла интересная трансформация: он сегодня в своем настоящем облике. Впалые щеки, брови домиком, маленький нос пуговкой и лоб в ранних морщинах. А на макушке вихор, как вертолетик! Состарившийся мальчишка какой-то.

Инженер опять ухаживает за Юлей. Кисточка видит: врачиха смягчилась, а бедный Алексей аж пятнами пошел от ревности. Таксиста жалко, а инженер раздражает. Зачем брал аватар актера? Самодовольный гусь.

Алексей плетется сзади — сошел с тропинки и ковыряет плотный кленовый ковер носком туфли. Вдруг нагибается, копошится в палой листве и удивленно вскрикивает:

— Они одинаковые!

Поднимает два красных, со светлыми прожилками листа, трясет ими над головой и повторяет:

— Слышите, одинаковые! И те, что сверху лежат, и на самой земле. А внизу должны быть сырые и прелые! — в его голосе слышится детское возмущение. — Подделка ваша *Другая!*

Роман фыркает и закатывает глаза, остальные просто улыбаются. Алексей отбрасывает листья, они, покружив, ложатся у его ботинок — таксист смотрит на них брезгливо, как на засморканные одноразовые салфетки.

Наконец за деревьями открывается полянка. Здесь восемь больших свежих пней, как раз столько, сколько нужно. Кисточка делает приглашающий жест, и ученички усаживаются. Теперь уже Инна брезгливо морщится: как же, такую фифу — и не в кресло. Интересно, как она вообще терпит *Другую?*

Группа уже успела сильно надоест, даже самое малое андрагогическое усилие дается с трудом — а еще пришлось проверять их потуги справиться с упражнениями, которые задала на первом занятии. Кисточка злорадно щурится на Сашу, она «отличилась» больше всех.

— Перед тем как начнем разбор нового материала, ознакомьтесь с отзывами на домашнюю работу. Процесс интерактивный, есть возможность задавать вопросы.

Перед каждым студентом (кроме новичка Яна) появляется аватар отца. Используя голографическую анимацию, Всеволод показывает и объясняет — что сделано неправильно и почему. Но шесть ботов видит и слышит одна Кисточка. Остальные — только своего, персонального.

Через минуту-другую на физиономиях студентов проступает вся глубина их невежества — Кисточка с наслаждением ловит каждый нюанс. Как говорил отец: получите и распишитесь...

Вот у Саши задергался глаз, пальцы задрожали. Интересно, от стыда или гнева? Роман машинально грызет ногти: от усердия или от осознания собственного ничтожества? А уши Инны словно наливаются малиновым джемом. Вот бы показать ее такую коллегам в парламенте. Смотрите: глава законодательного комитета не способна разобраться в элементарном.

Алексей тоже расстраивается — глаза делаются грустными. Но потом чешет в затылке — крикает с досады и машет рукой. Но главный сюрприз — Аня: она выполнила задание

безупречно, сейчас получает от бота заслуженную похвалу и воспринимает ее вполне равнодушно. Интересная визажистка... Хотя... Молодость гибка и адаптивна! Кстати, когда удастся вырваться на свободу — нужно покрасить волосы, как у нее. Круто смотрится.

Наконец разбор завершился, и все взгляды обращаются на Кисточку — студенты смотрят недобро. Сейчас грянет очередной скандал. И как в прошлый раз, первым вылезает склочный инженер.

— Послушайте, — он весь кипит от возмущения, даже чуть заикается. — Я-то только сейчас сообразил! Вы на первом занятии не дали нужный материал, — в поиске поддержки Роман косится на Юлю. — На-например, для моего задания нужно разбираться в техниках запоминания информации! Мне сейчас ваш очередной бот рассказал.

Остальные двоечники переглядываются. Блондинка поддерживает поклонника:

— У меня та же песня. В чем дело?

Какая же эта Юля хамоватая. И здоровенная, неженственная. Сидит себе, небось, терапевтом на приеме в поликлинике, мается от безделья — от нечего делать занимается спортом. Еще бы, работы мало, горожане все больше предпочитают ИИ-сервисы — они качественнее делают диагностику. А клиника не знает, куда девать докторицу — прислали на учебу...

Вслух Кисточка говорит, конечно, другое:

— А ну-ка прекратите бучу. Из-за ваших выкрутасов мы в прошлый раз потеряли время. Поэтому и не успели разобрать нужные темы. Опять то же самое?

Блондинка закусила губу, инженер злобно насупил лобик, думает, что сказать. Но крыть нечем: они молчат, а остальные не вмешиваются. Тогда Кисточка выдыхает и уже примирительным тоном говорит:

— Хорошо. Давайте перейдем к новой теме. Поговорим о взаимодействии неокортекса и гиппокампа.

И тут вмешивается Ян. Пока все разбирались со своими заданиями, он откровенно скучал, даже клевал носом. Но теперь оживился, встрепенулся:

— Всеволод! Ваши методы давно устарели! Ведете занятие без учета индивидуальных особенностей студентов. И второе...

Он не успел закончить. Раздались громкие хлопки — Инна, явно дурачась, аплодирует брату.

— Bravo, Ян. Великолепный спич. Все сломать и на костях отжившего построить новый мир. Изволил стать экспертом в области образования?

Ян немедленно щерится:

— Сестричка, ты известная трусиха. Боишься даже задуматься о переменах! Как же — сломать великие традиции! Не мешай мне разговаривать с преподавателем.

Назидательно подняв палец, влезает Алексей:

— Молодой человек! Проявите побольше уважения к ценностям. Традиции Города есть оплот против зла. А оно притаилось всюду! — таксист явно цитирует кого-то, он вряд ли может сам смастерить такой пассаж.

Ян мгновенно взрывается, переключается на нового оппонента:

— Ценности? Что ценного в том, чтобы прятать голову в песок?

Вдруг вспоминается: жирафы отличные бойцы. В каком-то *Событии* Кисточка видела — один сражается сразу с пятью львами, и тем приходится несладко. Все же есть в Яне нечто яростное...

Прерывает Жирафа не без сожаления:

— Стоп. Хватит. Давайте пройдемся, немного успокоимся и продолжим занятие. Господин Стрелков, прошу вас соблюдать дисциплину.

Разгоряченный спорщик запускает пальцы в растрепавшиеся волосы, приглаживает. Затем нехотя кивает. Кисточка поднимается и идет по аллее — вглубь парка, туда, где клены уступают место высоким кряжистыми дубам. Остальные тянутся за ней.

На раскидистом дереве — резные рыжие листья, а вверху, среди веток, мелькает огненный хвост. Белка! Еще мгновение — и она уже на земле. Схватила глянцевый коричневый желудь и стружкой пламени взметнулась назад, через мгновение скрылась в густой кроне. Саша провожает ее взглядом и роняет:

— Хочу быть как она. Никаких забот... И рейтингов!

И вот удивительно, Инна, которая сразу невзлюбила журналистку, смотрит с пониманием. Вздохнув, Кисточка включает очередную голограмму и рассказывает про гиппокамп.

Для наглядности старик Гипп изображен в виде фиолетового осьминожика с четырьмя щупальцами — примерно столько разных понятий он способен держать в фокусе внимания одновременно. Осьминожек — студенты внимают, а Кисточка продолжает незаметно любоваться Яном.

Кое-как закончив с Гиппом, она переходит к неокортексу. Но в следующей теме уже плавает, сбивается... Все потому, что так себя и не заставила готовиться всерьез — играла в «Выживших»...

Лакуны в знаниях незамедлительно сказываются: она позорно путает теменную долю с затылочной. И грациозный африканский зверь это замечает. От возмущения он будто становится еще длиннее и высказывает Кисточке от души:

— Позор! Всеволод, вы как первоклашка. Путаете теплое с мягким!

Опустила голову — нет никакой возможности смотреть на раздраженное, но все равно такое милое лицо. Мерзавец Роман тоже не упускает своего шанса:

— Ого! Оказывается, профессор тоже не усвоил материал?

Остальная группа молчит, сегодня никто не хочет раздувать конфликт. И на том спасибо.

Занятие подходит к концу, они снова сидят на пеньках. С Кисточки сошло семь потов, она очень боялась допустить новую ошибку — но вроде ничего, обошлось. Теперь остались пустяки: финальный тест для закрепления знаний. Перед каждым студентом уже мерцают зелененькие строки персональных опросников, остается запустить таймер. Кисточка подвешивает его в воздухе — секунды сменяются и уплывают вверх, растворяясь в прозрачном сентябрьском воздухе.

Студенты сосредоточенно корпят, ускользают цифры обратного отсчета. Вдруг Кисточка обращает внимание на Сашу. Та ведет себя странно: бормочет что-то и не выбирает ни одного ответа на вопросы.

Какая эта журналистка все-таки неопрятная. Волосы опять в беспорядке, хвост висит, пряди торчат в разные стороны. И горбится постоянно, не может держать спину. И это в *Другой*. Страшно подумать, как она выглядит в *Реалке*. А нервничать зачем? Подумаешь, тест: даже если непонятно, можно ведь и спросить.

Саша скосила глаза, заметила — ее разглядывают. Журналистка нервничает еще больше, губы дрожат. Кисточка понимает: она мешает ученице. Но поделаться с собой ничего не может. Принцесса какая, потерпит.

Время вышло, зеленые строчки погасли. Проверять ничего не нужно — Кисточка в своем варианте *Другой* видит результаты, сопоставленные с правильными ответами.

У Ани, как обычно, прекрасно. Нужно, нужно разобраться: что она за птица? Ян — почти такой же результат, только в одном пункте поставил не все нужные галочки — тоже ожидаемо.

Роман — неплохо. Инна — туда-сюда. Алексей — почти ни одного верного ответа. А Сашу Кисточка оставила на сладкое.

Впрочем, смотреть оказалось нечего, тест девственно чист, каким и был изначально. Журналистка покорно ждет своей участи. Тоже мечтает об окончании занятия.

— Александра, в чем ваша проблема? Почему вы вообще ничего не сделали?

Выпуклые зеленые глаза наливаются слезами.

— Я не могу сосредоточиться. Мне кажется... эти занятия не для меня вовсе. У меня здесь никогда ничего не получится!

Алексей кричит, уже поднимается со своего места — утешать. И Юля, метнув на Кисточку разгневанный взгляд, явно собирается вступить за плаксу. Но они не успевают — неожиданно вклинивается Аня:

— Са-а-аша, пслу-ушай. Я та-акую при-итчу-у зна-аю. Пря-ям для-я те-ебя-я приду-у-умана!

От неожиданности Саша икает — до того ее поражает вмешательство молчаливой пигалицы. Остальные студенты тоже наострили уши.

Оглядевшись и убедившись, что находится в центре внимания — Аня начинает рассказ. Чудесным образом ее речь разглаживается, она больше не глотает и не растягивает звуки, голос становится высоким и звонким:

...Представьте себе огромный зоопарк. Не наш городской, а где-нибудь далеко. И огромного слона, не отделенного от публики надежной решеткой — всего лишь привязанного за ногу к кольшку тоненькой веревкой. Слон может легко освободиться, но по какой-то причине этого не делает. Публика всегда спрашивает у старого зрителя: почему величественное и прекрасное животное не делает попытки убежать? А умудренный жизнью старик каждый раз отвечает: когда слон был еще совсем маленьким, мы точно так же его привязывали. И теперь, когда он уже взрослый — веревочки достаточно. Глупое животное росло и верило — бечевка удерживает его надежно...

Закончив историю, визажистка оглядывает соучеников и подытоживает, вернувшись к своей обычной манере:

— З-ду-ума-айтесь! Мно-ожство-о лю-юде-ей подо-обны слну. Они-и не ве-е-ря-ят в свои спо-осо-обности. То-о-о-лько из-за тго, что одна-ажды у ни-их не плучи-илось...

Кисточка перехватывает восхищенный взгляд Яна, адресованный девчонке. Сердце тихонько сжимается, будто на него плашмя легло холодное лезвие. Но, к счастью, отвлекает журналистка — теперь она рыдает захлеб:

— Вот и я такая же... как слон... ни на что не способна!

Александра кое-как утирается рукавом, неловко поднимается и смотрит Кисточке в глаза.

— Думаю, здесь всем будет лучше без меня. Всего хорошего! И не нужно тратить свое драгоценное время на...

Не договорив, Саша исчезает. Будто дверь хлопнула.

Почему-то вспоминается директриса Перова — ее безвкусный лакированный кок, подлое торжество на давнишнем экзамене по математике. Становится стыдно.

Глава 7. Александра. Сентябрь. Вот бы жить в сериале

Когда Саша проснулась, уже темнело. Что-то сильно подгорало на небесной кухне — отблески алого пламени пробивались сквозь плотный свинец туч на западе. Может, там, на огромной сковороде поджаривают грешников и грешниц — таких, как она? Хотя вроде бы это происходит в ином месте...

Выбираться из уютного сонного кокона совсем не хочется. Но выхода нет: сегодня спецкурс по «ИИ в журналистике» в «Авроре», мама должна видеть — Саша в *Другой*, якобы на занятии. Иначе — жуткий скандал, и придется вымалывать прощение за то, что бросила школу...

Какое сегодня настроение? Беглого взгляда на комнату, как всегда, достаточно — в голове откуда ни возьмись появляется: «Стены спальни окрасились в нежный оттенок слоновой кости, создавая мягкий и успокаивающий фон для мебели и декора. На полу роскошный ковер с густым и мягким ворсом, он добавляет колорита и уюта. Все вместе — изысканное и роскошное пространство, в котором каждый элемент подчеркивает утонченный вкус и элегантность сорокалетней хозяйки».

И так далее, и тому подобное. И пускай это сильное приукрашивание скудного интерьера, но Сашина цель — ощутить собственное эмоциональное состояние. И теперь ясно — сегодня тянет на гедонизм... что неплохо. Особенно если учесть: хороших новостей нет уже давно и не предвидится. А психика, видимо, восприняла отказ от школы положительно.

Пора взбодриться — принять душ. Нужно быстро проскользнуть в ванную, не стоит лишний раз пересекаться с маман. Она в последнее время злющая — зеркало беспощадно напоминает о случившемся с ней. А еще и Саша безработная — сидит на шее, проедает невеликую пенсию.

Пронесло: забежала, закрыла дверь на защелку. Ремонт в ванной сделан еще в те благословенные времена, когда и мама, и Саша работали. Остатки былой роскоши. Наверху — светильник матового стекла в форме раковины. Когда-то он заливал светом все нарядное пространство, но сейчас из экономии горит только половина лампочек.

Две стены и пол отделаны под мрамор, не отличишь от настоящего. Потолок и две другие стены — зеркальные, они отражают свет и создают иллюзию огромного помещения. В углу большая душевая кабина, фурнитура под золото до сих смотрится шикарно — здесь еще держится ощущение стабильного благополучия.

Саша включила воду: теперь ее время, несколько минут неги под горячими струями — одно из немногих наслаждений, доступных в *Реалке*. У нее почти нет возможностей почувствовать себя счастливой вне *Другой*: разве что прогуляться по набережной, Река тут недалеко — двадцать минут ходьбы неспешным шагом.

Резкие удары в дверь! Филенка, имитирующая дуб, дрожит на петлях — кажется, вот-вот вывалится внутрь ванной, сшибет с подзеркальника мамины тюбики и баночки. Сашу бьет озноб — кажется, вода стала почти ледяной. Как она могла опять так замечтаться? Сколько уже стоит под душем? Мама продолжает колотить в дверь ногой и визгливо орать:

— Дармоедка проклятая! Немедленно вылезай! Ты хоть помнишь, сколько стоит коммуналка в этом сраном Городе?

Саша судорожным движением бьет по вентилю душа, вина делает мокрую кожу какой-то лягушачьей:

— Полина, прости меня!

Мама любит, когда ее зовут по имени. Она вообще поощряет все, что помогает забыть о возрасте — терпеть не может обратное. Взрослая дочь даже косвенно не должна напоминать: кое-кто — уже не юная девица.

Как ни странно, через полчаса они мирно сидят за старым, некогда великолепным, но теперь сильно разошедшимся столом. Пьют кофе — Полину удалось задобрить: Саша обещала испечь фирменный ореховый торт на десяти коржах. Сейчас она лихорадочно соображает — есть ли в доме нужные кондитерские ингредиенты. Или она сделала только хуже, опять взяла на себя невыполнимые обязательства... Нужно будет незаметно расспросить у Федора.

Федя — их умный дом: Полина называет всех электронных помощников мужскими именами. Видимо, компенсирует недостаток внимания от сильного пола. Домашнего робота, которого недавно пришлось продать, — звали Андрей.

Мама расспрашивает Сашу о школьных делах. О подготовке к экзамену на рейтинг журналиста-новостника и об этой новой фишке — курсе «Умение учиться» и прочая... Приходится врать — придумывать несуществующие подробности.

Ложь дается легко, она даже увлекается: выдумывает всякую чушь об аналитических приемах для борьбы с недостоверной информацией. Ах, если бы Саша и вправду владела подобными методами несколько месяцев назад!

Но чем больше она увлекается собственным рассказом, тем равнодушной слушает Полина. Мать уже клюет носом над своим остывшим чаем. А Саша вспоминает помпезный кабинет начальника — шеф-редактора интернет-издания, где тогда работала.

Босс, мудрый и осторожный, — очень опасается незваного гостя, именуемого простудой. Форточка закупорена наглухо — не впускает внутрь ни единого дуновения ветра, кондиционер давно обесточен. Потому и воздух в кабинете спертый, пахнет бумажной пылью и переполненными пепельницами.

Металлические накладки на мебели покрыты позолотой, похожей на ту, что уже потерялась в Сашиной душевой кабине. На столешнице перед боссом высится священная гора из канцелярских папок и лохматых распечаток, одутловатое лицо розовеет из-за нее, будто восходящее солнце.

Начальник предпочитает работать не с призрачным текстом на экране, а с верной бумагой. Редактируя, он покрывает ее красными чернилами правок, словно кровью, пролитой на алтарь высокой журналистики.

Увидев ее, шеф хмурится, но приглашает присесть в обшарпанное кресло для посетителей. А Сашу уже потряхивает от недоброго предчувствия. Она прячет пальцы в карманы своего офисного пиджачка, не хочет, чтобы босс о чем-то догадался — его это только раззадорит. Какой же из ее многочисленных косяков сейчас вскрыется?

Но беда приходит откуда не ждали:

— Красовская! Ну ты красавица! Помнишь свой репортаж о благотворительном фонде? Для тех, у кого лейкомия, всякие радиационные поражения...

Саша быстро роется в памяти. Да, делала репортаж, шеф тогда подsunул почти готовые материалы. Мол, самому некогда заниматься. И вообще там нужно только пригладить. Она кивает и сначала ощущает некоторое облегчение: ну что с тем проектом может быть не так? Все же от босса и пришло. Но он наливаются грозовой тучей, голос звучит злобно:

— Ты, оказывается, большую джинсу тиснула! Конкуренты раскопали: в этом фонде вор на воренке сидит. Пожертвования распикивали себе по карманам!

Начальник переводит дух, платочком вытирает выступившую на лбу испарину — в комнате еще и душновато. Затем продолжает:

— Директор того фонда, как полагается: виллу себе отгрохал, сбережения держит в банках Мегалополиса. Ну и остальные, не будь дураки, конечно, не сильно отстали. Ну, кроме одного полудурка, идейного патриота. А ты что написала? Как ты вообще информацию проверяешь?

Саша еще не понимает, насколько она вляпалась.

— Николай Николаич, как же, — лепечет она. — Вы мне почти готовую статью дали. Я только слог немного поправила, подводками соединила куски... Но не проверяла ничего, я же вам доверяю...

Босс наклоняет голову, как бык. Кажется — сейчас из ноздрей и ушей пойдет пар.

— Ты что себе позволяешь, стерва? — он срывается на дикий ор. — Я тебе дал материалы? Значит, проверь, работай! А ты что? Пытаешься на меня свои подделки свалить? Понаписала, как они там страждущим помогают! Фоточки душещипательные! А съездить, поговорить с этими жертвами радиации вживую? Не удосужилась? Может, тебе хорошо заплатили?

Глаза обожгло соленым, из носа потекла струйка. Ей страшно, стыдно и противно — хочется провалиться вместе с креслом сквозь все этажи. Но оказывается, самое жуткое заготовлено для финала:

— Ты уволена! Пошла отсюда вон. Может, конкуренты тебя подберут. Но вряд ли — кому ты такая нужна!

Губы начальника шевелятся — он уже не может прекратить и, видимо, продолжает разделять Сашу под орех. Но она уже ничего не слышит. Офис вокруг расплывается, последнее воспоминание — заваливающийся стол поехал вбок, стена с потертыми обоями накренилась.

Сашу тогда забрали по скорой, она несколько дней провалялась в больнице — но серьезного ничего не нашли. Сделали общеукрепляющие процедуры — оксигенацию и прочую ерунду. Вот тогда у нее и было время полежать и подумать о случившемся.

Не сразу, но ее озарило. Наверняка шеф просто подставил — сам взял деньги за липу о фонде и подстраховался — статья была подписана фамилией Красовская. Сначала хотела судиться, даже думала: где взять недорогого приличного адвоката? Но день за днем ее решимость таяла: откуда деньги на юриста, да и как бороться с прожженным интриганом — у него везде связи.

И в конце концов, к выписке, она просто смирилась. Прямо из больницы приехала в офис, попрощалась с несколькими коллегами и забрала свои любимые туфли. В тот вечер она сильно напилась — мама наутро глядела на дочь с некоторым уважением, не ожидала от своей тихони такого разгула.

Сейчас Полина уютно посапывает, откинувшись на кухонном диванчике по другую сторону стола. Во сне ее рот не кажется сильно скособоченным — левый уголок расслабился, припустился, и она не выглядит настолько ужасно, как во время бодрствования.

Два года назад Полина полностью потратила сбережения на круговую подтяжку лица. Процедуру провел новомодный ИИ-хирург в навороченной клинике, которая тогда только открылась: стоимость операции оказалась значительно ниже, чем у хирурга-человека — это и соблазнило, на операцию по классике у пенсионерки не хватило бы средств.

Перед тем как решиться, маман долго советовалась с подружками. И даже напрягла Сашу поднять журналистские связи — выяснить, насколько все безопасно. Обнадеживающие отзывы были добыты, знакомые мамы тоже подзуживали попробовать. И Полина подписала договор — на седьмом десятке она еще очень хочет нравиться мужчинам.

Операция как будто прошла успешно, уже готовились снять швы. Но потом на одном из осмотров ИИ-диагност поднял красный флаг — углядел воспаление левого лицевого нерва. Вот тогда и выяснилось — договор нужно читать внимательно: за такой исход клиника никакой

ответственности не несет. Мама была в шоке, переругалась с подругами и, конечно, страшно наехала и на Сашу, дескать, ты некачественно провела исследование, журналистка хренова.

С тех пор Полина почти не выходит из дома, пытается копить на реиннервацию, но с ее пенсией получается плохо. А с тех пор, как Сашу выгнали с работы, — стало совсем худо.

Глянула на часы на мамином запястье. Божечки! Пора в *Другую*. Если Полина сейчас проснется — посыплются вопросы: почему не на занятиях?

Скорее к себе в комнату! Сегодня вместо нудной учебы — любимые интерактивные сериалы! Для начала — новая серия «Города желаний», ретро от «Футурико». Любовная эскапада в Городе, каким он был больше ста лет назад — приключение как нельзя лучше подходит к сегодняшнему настроению. И, наконец, Саша попробует нового персонажа!

Она давно уже под села на иммерсивные мыльные оперы в *Другой*. В Городе они появились лет десять назад и сразу стали популярны. Все просто. Сначала выбираешь, кого из героинь хочешь играть в очередной серии. Этим аватаром управляешь сама, а остальными — искусственный интеллект, характеры и сценарные ходы разработаны заранее. Захватывает ужасно!

Устроилась поудобней в кровати. Надела виртшлем — модель, конечно, устаревшая. Но за бесплатными сенсорами в «Аврору» ездить поленилась. И правильно, сейчас пришлось бы вернуть... Вперед! Выбор персонажа много времени не занимает. Однозначно Бэлла. Давно хотела попробовать...

Саша открыла глаза в дамской комнате отдыха прославленного театра «Эпикур». Стены обиты нежным шелковым муаром с богатыми переливами, от нежного розового до жемчужного. На высоком потолке царит огромная люстра, напоминающая перевернутый фонтан из драгоценного хрусталя.

В глубине комнаты роскошный умывальник из белого мрамора. Над раковиной — большое зеркало в замысловатой раме, покрытой сусальным золотом и инкрустированной маленькими голубыми кристаллами.

Нужно получше рассмотреть свой новый образ. На негнущихся ногах Саша подкрадывается к зеркалу — она всегда немного благоговела перед Бэллой. Там отражается великолепная брюнетка — несомненно, самый запоминающийся персонаж в сериале.

От новой себя трудно оторваться. Любуясь своим заемным богатством — шелковистой гривой темных волос, она запускает в прическу тонкие аристократические пальцы — приподнимает, чуть медлит и отпускает на волю. Пышные локоны блестящими струями проливаются на голые плечи — их прикосновение отзывается в сердце острой, пронзительной негой.

Бросив прощальный взгляд на уют дамской комнаты, Саша аккуратно прикрывает дверь и по оживленному фойе направляется искать буфет — времени до начала спектакля остается еще много. Рассекая сплетничающую, судачащую и смеющуюся публику, она стремится к цели, успевая боковым зрением, лопатками, кожей, каждой клеточкой тела впитывать восхищенные взгляды.

В полупустом кафетерии Саша сразу замечает подругу Бэллы — белокурую Анастасию. Блондинка стоит у высокого круглого столика в одиночестве, в бледных холеных пальцах — бокал игристого. Одинокая дама сразу призывно машет рукой, приглашая присоединиться.

Вообще говоря, Бэлла и Анастасия — вечно соревнуются: к чьим ногам упадет больше сериальных красавчиков. Блондинка — полный антипод Бэллы. Легкомысленная, не слишком умная, но зато с озорным и необидчивым нравом. Что связывает настолько разных людей? Здесь одна из тайн сериала — ее еще предстоит разгадать...

Анастасия немедленно укутывает Сашу плотной паутиной сплетен и слухов.

— Здравствуй, милая! Как твои дела? Слышала про бедняжку Марию? А этот ужасный Николай Строганов, уму непостижимо! Ну и натворил он дел! А про нуворишей, как их... забыла фамилию... ты уже знаешь?

Серия закончилась, Саша осознала себя в *Реалке* и первым делом сняла тяжелый шлем — от него сильно потеет голова. Она сладко потягивается и сворачивается калачиком на смятой постели. Перед следующим шоу можно немного поваляться и посмаковать победу над блондинкой — кокетливые уловки Саши сработали, сегодня главный сериальный красавчик Анатолий выбрал ее.

И почему в жизни она не как в кино... Саша открывает шкаф и смотрится в зеркало на внутренней стороне дверцы. Пакля волос, бледные глаза. Не тело, а одни палки. Как хорошо, что ночь только начинается — впереди еще несколько новых эпизодов: «Космическая ковбойка», «Одинокая горожанка», «Стальная леди» и еще какие-то новые. Они все настолько разные! Впрочем, иногда нудноватые, временами — слишком слащавые. Но одно можно сказать точно: Саша в них живет полной жизнью.

Федор добудился Сашу ближе к вечеру. Тело ватное — не стоило играть в таком количестве эпизодов. Но вовремя остановиться, как обычно, не смогла... Умдом сообщает — несколько раз звонили из школы. Это здорово злит, она не хочет ничего слышать об «Авроре».

Не задумываясь Саша велит Федору игнорировать абонента из школы. Но вот странно: за решение не учиться колет чувство вины. Понятно, какое сегодня будет настроение...

Наскоро перекусив и приняв душ, Саша возвращается в спальню. Нужно посмотреть новые вакансии на виртбирже труда: может, появились подходящие? Но недолго поборовшись с собой, ничего делать не стала: увидишь требования к кандидатам — становится совсем грустно, она иногда и терминов не понимает. Может, лучше прогуляться, немного развеяться...

Разболелась голова. Саша возвращается в кровать, надеется — лежа станет полегче, спазмолгетики в аптечке давно закончились. Помучавшись некоторое время — поняла: мигрень просто так не пройдет. Клин нужно вышибать клином. Надела шлем, отдала Федору команду на переход в развлекательную платформу «Футурико»: может, в сериале удастся забыться. Захотелось попытать свои силы в «Искателях приключений».

На старте эпизода Саша оказалась в каюте океанского лайнера — по сюжету банда отплыла на другой континент. Помещение аскетичное и неухоженное — минимум мебели, и та потрепана, зеркало засижено мухами. Пейзаж за бортом тоже не радует: в иллюминаторе проплывает белесая свеча унылого маяка, дальше — только голубовато-серая однообразная пустыня океана.

Раздается вежливый стук в дверь. И сразу ручка на двери поворачивается, в проеме возникает огненно-рыжий верзила: тонкие черты лица и фигура пловца-олимпийца. Это один из подельников, его имя Саша не помнит. Он заходит не церемонясь, плюхается на кушетку напротив Саши.

Захотелось созорничать: интересно, как в ответ на ее неожиданные действия повернется сюжет? Собравшись с духом, Саша подплывает к Рыжику, пристраивается к нему на колени и нежно целует в обветренные губы.

Забавно! Красавчик испуганно отпрянул, затем стряхнул ее с колен, вскочил — лицо сделалось виноватое. Его мямленье становится абсолютной неожиданностью:

— Саша, э-э-э... извините... и не пугайтесь! Это я, Всеволод! Вам привет от всей группы и особенно от Алексея. Мне очень нужно с вами поговорить.

Сначала онемела — что за глюк такой, каким образом преподаватель проник в сериал? Технический сбой? Как другой человек может попасть в ее историю? Божечки... она поцеловала старикашку... Бр-р... Наблюдая за ее реакцией, герой-любовник смешно морщит нос, смущенно улыбается.

— Похоже, вы очень удивлены моему появлению. Извините еще раз. Не мог с вами связаться, а мне крайне важно вернуть вас в «Аврору», — он мнется. — Для вашей же пользы, ведь вы пока не знаете своего потенциала! Я договорился с директрисой, она с «Футурико», и вот...

Изумление вытесняет гнев. Какого черта наглый хам лезет в личное пространство? Саша пытается вспомнить о соответствующих законах. Не может. Они вроде менялись несколько лет назад, наверняка в сторону ужесточения. В любом случае следует поставить нахала на место.

Профессор продолжает уговоры:

— Саша, возвращайтесь! Простите старого дурака, я был неправ, излишне давил на вас. И даже не думайте. Вы не слон из чертовой притчи, у вас все получится.

Упоминание о слоне переключает что-то внутри. Она с детства жалеет животных в зоопарке — беспомощных и жалких в неволе. А оказалось — это она, как зверь в воображаемой клетке, заперта в собственной слабости. И как же позорно разрыдалась в классе... Приветы они ей передают! Небось, хихикали, когда ушла.

Захотелось немедленно сбежать из сериала, опять доказать себе и профессоршкe — она сама решает, что делать. Но только собралась вернуться в *Реалку* — Всеволод снова зацепил:

— Судя по вашему лицу, вы разозлились... Мне кажется, я могу понять ваши чувства. Я попадал в подобные ситуации...

И в Саше разыграл демон склоки и противоречий, она всегда в такие моменты теряет контроль: слова хлещут из нее, как теплое шампанское из бутылки, которую хорошо потрясли:

— Ничегошеньки вы обо мне не знаете. Представления не имеете, что я чувствую! Учите какой-то хрени, не имеющей отношения к жизни! И невдомек вам, что на самом деле нужно студентам. Разве я многого хочу? Всего-то получить работу по специальности... — и добавляет уже тише: — Я хорошая журналистка. Наверное...

Вдруг Саша замечает, как внимательно слушает преподаватель: даже не мигает, не отбрасывает со лба густую киношную прядь — сосредоточен, будто ему читают интересную лекцию. И кто в последний раз воспринимал ее настолько серьезно? Впрочем, а кому она нужна... Подруг давно нет. Кавалеры разбежались еще раньше. Про Полину вообще говорить нечего...

— Ну позвольте же вам помочь! Пожалуйста! Я на самом деле очень в вас верю!

Профессор говорит настолько искренне, что на мгновение Саша сомневается — может, не такой уж он козел. Ответить решила честно:

— Поймите, меня тошнит от «Авроры». И больше всего — от вашего курса. Я на занятиях ничего не понимаю.

Рыжий красавчик скрипит мозгами: на девственном лбу, под которым от роду не гуляли мысли, собираются глубокие борозды — у Всеволода сейчас, наверное, всходят и колосятся великие андрагогические идеи. Впрочем, в его нынешнем «глянцевом» облике это выглядит довольно смешно — пригожая морда героя сериала не приспособлена для сложной мимики. Но профессор все же изрекает банальность:

— Иногда приходится делать что должно, а не что хочется. Вы же согласны?

— Откуда знаете? — запальчиво отвечает Саша. — Вы, небось, обожаете то, чем занимаетесь.

Купоросно-синие глаза верзилы наполняются бездной грусти.

— Если бы я только мог рассказать о том, что мне приходится терпеть... Пожалуйста, сделайте над собой усилие. Попробуйте! Вы совсем не тот самый слон.

Саша вдруг понимает: она не сможет отказать. Сейчас профессор не врет — ему действительно важно, чтобы его студентка вернулась. Она кому-то нужна! А сбежать еще раз всегда успеет.

Время тянется как на уроках в «Авроре», Полина никак не засыпает — ходит то на кухню, то в туалет. А так хочется снова занырнуть в сериалы! Ближе к полуночи умная колонка на прикроватной тумбочке загорается зеленым огоньком. Из нее раздается вежливое покашливание: у Федора сообщение для Саши. Она лениво щелкает пальцами, разрешая разумному дому говорить.

— Пришло напоминание от развлекательного сервиса «Футурико». Через десять часов заканчивается подписка на сериальный блок. Если хочешь продлить сразу — будет скидка десять процентов.

Захотелось достать Федора из колонки и встряхнуть всю его цифровую душу: где она там прячется? Можно подумать, умдом не имеет доступа к ее банковскому аккаунту и не знает — на счету шаром покати. Мышь повесилась. Дырка там от бублика.

В груди словно запалили костерок, потом пробирает озноб. Саша не сможет жить без эмоций в *Другой*, нужно срочно что-то придумать, иначе она сойдет с ума.

Придется собраться с силами — изобрести сюжетик, ведь когда-то считалась отличной креативщицей: старенькая университетская преподавательница хвалила Сашины рассказы за красивые перипетии.

Вместо свежих серий она уже много часов перебирает варианты: в основном рискованные, малореалистичные, а то и вовсе унижительные. Отброшено трудоустройство на весьма разрекламированную, но очень подозрительную работу в Мегалополисе. Отвергнута идея убедить маму: пусть она где-нибудь перехватит денег. В зародыше подавлен порыв сходить к бывшему шефу на поклон.

Получается, можно сделать только одно: продать какую-то ценную вещь. Беда в одном: у Саши нет ничего, что кто-то быстро купит.

А вот у Полины есть. В шкафу у маман скучает парчовый дизайнерский наряд от известного в прошлом кутюрье. Платье ей дорого как память о приключениях молодости, но Полина уже много лет его не носит — оно на ней просто не сходится. И конечно, маман избегает заглядывать в это отделение гардероба, не хочет расстраиваться.

По прикидкам, вещица теперь стоит недорого, мода сильно поменялась — фасон с многоярусной юбкой уже на любителя. Но наверняка ретрокрасоту можно продать хотя бы за стоимость подписки. Нужно как-то незаметно изъять артефакт, вызвать дрон из маркетплейса — и шито-крыто. Дальше сервис заработает в автоматическом режиме: сгенерирует рекламное фото и видео, поищет потенциальных покупателей.

Становится легче — теперь есть план. Но затем свербит мысль: все не так просто. У Федора, как у насекомого, множество глаз — камер наблюдения. Одно око в подъезде, над дверью в квартиру. Второе — на фасаде дома, рядом с портом для приема дронов в кухне. Конечно, обычно камеры выключены — умдом открывает глаза, когда сенсоры улавливают движение.

Получается, для Федора нужна легенда: ведь он увидит, что вывозится из квартиры. Потому если спросит — придется соврать: платье Сашино. Умдом в подобных тонкостях не разбирается.

Решившись, уже под самое утро Саша вызвала дрон. Но сначала, конечно, убедилась — Полина крепко спит. Дальше прошло как по маслу — умничка Федор не стал встречать с лишними вопросами, просто выполнил свои обязанности.

Потом плохая дочь спала беспокойно, все же перенервничала. Но проснулась рано, в обеденное время — оказалось отсутствие ночных погружений в сериалы. Когда вышла на кухню, маман была там, жевала какие-то овощи, приготовленные на пару. Увидев Сашу, она с притворным удивлением спросила:

— Ого! На ногах в такую рань?

Не дождавшись ответа, Полина любезно улыбнулась и разразилась речью, наверняка заготовленной заранее:

— Вот и прекрасно, хватит отлеживать худые бока. Не впрок тебе! Пора сделать что-то полезное: принимайся за уборку в доме, скоро в грязи потонем, — Полина ностальгически вздохнула. — Это из-за тебя я лишилась душики Андрея! Вот и расхлебывай: начнешь с моего шкафа, нужно проветрить вещи, посмотреть, нет ли там моли.

Глава 8. Юлия. Сентябрь. В Городе все труднее дышать

Юля на крыльце. Первый глоток воздуха самый вкусный и свежий, всегда заряжает энергией для пробежки. Ей повезло, она живет на малоэтажной окраине, здесь тренировка под открытым небом — благодать. Тихо и зелено, атмосфера не изгажена испражнениями современных «экологичных» производств, нет бешеной толчеи, как в центре Города.

Самое главное — следовать простой медицинской максиме: шепотка профилактики стоит пуда лечения. Здоровый образ жизни — религия Юли: спортзал, ежедневная десятка вокруг района и умеренность в еде.

Сейчас шесть утра, прохладно, прохожих на улице совсем мало — беги не хочу. Новый протез стопы, который недавно выделил Город, уже почти не натирает. Сегодня она испробует новый маршрут — впереди горка, придется попотеть. Но это радует, обещает новую маленькую победу над собой — усилия должны вознаграждаться результатами. Например, сохраненными жизнями. Или крепостью духа и тела, приятной болью в мышцах.

Вдох-выдох. Мимо нарядных одноэтажных домиков, мимо кованых заборов и живых изгородей. Здесь в основном селятся антиурбанисты, как Юля — их небольшие дворiki засажены цветами и декоративным кустарником, многие держат домашних питомцев. Образ жизни — размеренный, местные жители работают удаленно и редко покидают район.

В мобильной гарнитуре заиграла поднадоевшая мелодия, она назначена на Марго — подругу со школьной скамьи. На выдохе Юля приказала установить соединение, в ухе запрыгал ехидный голос:

— Не спишь, красотка? Уже наярываешь круги по району?

Стараясь не сбивать дыхание, Юля отвечает в тон:

— Я-то бегу, куда денусь. Вот тебя какая бацилла в такую рань укусила?

Однокашница на секунду замолкает, затем голос становится будто извиняющимся:

— У меня паром через час. Я уезжаю надолго.

Вдох-выдох. Обалдеть! Куда Марго внезапно собралась? И зачем? Начало учебного года, у нее сын в первом классе. Какие поездки? Да еще при ее финансах... С ума она сошла?

Пошел крутой подъем — дыхание сбивается, Юля говорит отрывисто:

— Марго! Что за дела?

Горошина в ухе раздражается нервным смехом:

— Я знаю, ты сейчас офигела! Но у меня нет другого выхода... Ты же в курсе: у меня с рейтингом хуже, чем у тебя! Меня куда не берут...

Вдох-выдох. Юле удалось отрегулировать сердечный ритм, и одновременно до нее наконец доходит, в мозгу вскипает смесь тревоги и горечи:

— Не поняла! Ты нашла работу за пределами Города?!

— Точно. Сервис для богатеньких в Мегалополисе. Им нравится, когда их обслуживают живые женщины из Города, — теперь в тоне Марго слышится вызов.

Вдох. Выдох дается не сразу, воздух застревают за грудиной, волнами накатывает ярость. Юля сгибается пополам, опирается рукой о забор. Мысли путаются. Она не может сразу сформировать грамматическую конструкцию — спросить подругу, куда она устроилась. Нужно отдышаться, только на секунду. Потом снова бег, чтобы прочистить мозги.

Тротуар весь растрескался, из щелей проступает песок — вереницы муравьев деловито ползут с поклажей куда-то под асфальт и обратно. Выдох. Еще выдох. Вопрос вертится на языке, но задать его не получается. Неужели Юля еще и боится? Быть того не может, это просто от злости.

— Марго, как ты нашла работу? Кто наниматель?

Подруга опять не спешит с ответом. Наконец произносит:

— Агентство «Звезда Мегалополиса». Неважно. Я тебе чего звоню... Я же Колю с мамой оставляю. Он у меня самостоятельный, умненький, — Марго невесело усмехается. — Но все же нужен присмотр, мама в годах. Сможешь уделять время?

Внезапно голову сжимает железный обруч, в висках стучат молоточки: так и есть, хозяин конторы по найму — Купец. Снова он.

Семь лет назад Юля, тогда еще на своих двоих, быстро идет между белых матерчатых секций, делящих сцену на отсеки — походка легкая, несмотря на многодневную усталость. Пальцам на руках зябко — снаружи гуляет промозглый мартовский ветер, он пробирается внутрь сквозь прорехи в скошенном под сорок пять градусов потолке. Несколько дней назад театр подвергся ночному ракетному обстрелу, погибло много раненых и несколько человек медицинского персонала. Здание в виде огромного трактора построено в стиле конструктивизма: повезло, что стены и перекрытия — монолитный железобетон. Если бы не это, могли обрушиться целые секции крыши — жертв было бы на порядок больше.

Спускаясь в зрительный зал, Юля косится в оркестровую яму. Там импровизированный склад медикаментов и место, где отсыпаются измученные хирурги, анестезиологи и медсестры. Оттуда раздается богатырский храп толстяка Антоныча, правой руки Юли. После многочасовой операции на мозге его не разбудишь никакой бомбардировкой. Пусть отдыхает, он потрудился на славу — несчастный солдатик будет жить.

В партере от театра ничего осталось: ряды кресел выдраны с корнем. Фанерные перегородки на покатам полу разгораживают палаты, раненые на койках лежат ногами к сцене — маленькая хитрость снижает количество жалоб на экзотические больничные условия.

В холле театра теперь сортировочная, прямо здесь происходит первичный осмотр раненых. Как раз сейчас привезли новую партию — санитары снуют между красными колоннами, перегружают изможденных людей с носилок на больничные каталки. Юля начинает осмотр и ужасается — вновь прибывшие в тяжелом состоянии: две гангрены, много незалеченных ран в грязных бинтах, общее психологическое и физическое истощение, почти все без сознания. Из зала на помощь ковыляет заспанный виноватый Антоныч. Юля спрашивает раздраженно:

— Откуда они такие? Где сопроводилка? Мне нужно знать, кто ими занимался.

Толстяк смотрит на нее с жалостью и, сглотнув, отвечает:

— Это же пленные. Ты в курсе про Купца? Маскаев их выкупил у него.

Тогда Юля узнала про Купца и его омерзительный бизнес впервые. Впрочем, и сейчас о нем известно немного. Родом он из Мегалополиса, говорят, поднялся на криминальных схемах, связанных с войной. Мало кто знает его в лицо, он предпочитает себя не афишировать.

Потом, после войны, торговец живым товаром открыл в Городе свой легальный сервисный бизнес, называется — «Звезда Мегалополиса». Занялся трансграничными перевозками и приглашает людей на работу за пределы Города. Юля тогда озверела — уму непостижимо, как же возможно: такая тварь прекрасно себя здесь чувствует! Она немедленно попыталась поднять свои армейские и медицинские связи, выйти на журналистов. Но один из тех, к кому обратилась, сразу объяснил: не лезь или тебе откусят голову, никто и не пикнет. Купец — фигура неприкасаемая, у него партнеры на самом верху.

Юля еще потрепыхалась, но помощи нигде не получила. Вскоре ее схватили на улице: накинули мешок на голову и куда-то отвезли. Продержали всего-то час, а потом выпустили, не причинив никакого вреда. Напоследок один местный адвокат, явный подручный Купца, позвонил и завуалированно предупредил: еще один неверный шаг, и она просто исчезнет.

После раздумий пришлось отступить — очевидно, без сильных союзников не справиться. А Купец стал для нее персонифицированным злом — олицетворением скотства сопредельной так называемой цивилизации. Впрочем, солдаты Мегалополиса гораздо раньше доказали — они дикари. Юля вдова уже несколько лет...

Глубокий вдох, выдох — она заставила себя бежать. Впереди ровный отрезок пути, можно опять разогреться и прийти в чувство.

— Марго, что сделать, чтобы ты одумалась? Нужны деньги? Я их найду! Ты не понимаешь, с кем связалась! — Юля отчаянно пытается вложить в голос как можно больше убедительности.

— Юляша, не носи ерунды. Ты сама еле сводишь концы с концами. Помоги себе для начала. Все решено! И не рви мне душу. Да, я знаю, кто такой Купец. Ты мне дырку насчет него в голове сделала, — в голосе Марго звенит злое упрямство. — Но я собирала информацию, вроде с этой историей порядок. Лучше пообещай: присмотришь за Колей.

— Погоди, ты же знаешь, я пошла учиться. Гарантируют, что рейтинг поднимется. Давай и ты в «Аврору», вместе веселей!

— Иди в задницу со своей школой, за мной коллекторы гоняются. У меня нет времени на чепуху.

Ясно. Подруга уже закусила удила. Уговоры напрасны, помочь можно только силой. Есть последний шанс — перехватить Марго, не дать ей уехать. Разбираться можно потом.

— Ладно. Диктуй адрес причала. Я тебя хоть провожу!

Но уловка не прокатила.

— За дурочку меня держишь? Я тебя знаю как облупленную. Спрашиваю последний раз: поможешь с сыном?

На глазах выступают слезы бешенства. Что же ты делаешь, Марго... Будь ты проклят, Купец! Сквозь зубы она цедит:

— Хорошо. Естественно, я пригляжу за Колей.

Подруга делает вид, что не заметила сердитого тона Юли.

— Ну наконец-то! Спасибо! И мне пора, я побежала. На связи!

В левом ухе гудки отбоя, они отзываются в душе гулким эхом, такая там сейчас глубокая пустота. Какая же Марго дура, как можно в эту дрянь вляпаться? К черту! Нужно бежать.

Следующие десять минут не принесли Юле никакого облегчения. Но организм все равно работал в привычном ритме, спина и подмышки мокрые — хорошо.

Тем временем солнце поднялось повыше. Занимается серенький осенний день, на улице сталолюдно — немногочисленный офисный планктон выдвигается на работу. Юля уже добежала до квартала побогаче: двух-трехэтажные дома с солнечными батареями на крышах, обязательные патио, у обочины попадаются новые модели беспилотников.

Хороший вдох и резкий выдох. Теплые ручейки потекли по лбу — норму она выполняет, настроение немного улучшилось. Смахнув пот с бровей, Юля неожиданно увидела: прямо по курсу — непорядок, двое суется вокруг чего-то или кого-то на земле.

Через три дыхательных такта разглядела: какой-то здоровяк распластался на тротуаре, девушка и парень бестолково пытаются оказать ему помощь — явно не знают, что делать. Она резко ускоряет темп, заработал непререкаемый алгоритм. Уже издалека стала высматривать возможные проблемы в привычной последовательности: голова, шея, грудь, живот, конечности.

Подбежав, Юля бесцеремонно отпихивает мешавшуюся парочку: возможно, счет идет на секунды. Человек находится без сознания. Она ощупывает голову и шею: механических повре-

ждений нет — кроме небольшой гематомы на голове, наверняка ударился, когда упал. Завершив наружный осмотр, одновременно проверила пульс — он учащенный, очевидная тахикардия. Нависшим за спиной неумехам — вопрос:

— Родственник? Знакомый?

В ответ — неуверенное блеяние девчонки:

— Нет... Но кажется, я его знаю. Сосед из дома напротив. Он недавно переехал, мы не познакомились еще...

Ясно. Никакой дополнительной информации получить не удастся. Юля легонько похлопывает мужчину по мясистым щекам — он на внешние раздражители не реагирует. Пока в мозгу крутятся варианты диагноза, зрение сканирует пациента: блондин с короткой стрижкой, могучая шея, каждый бицепс величиной с голову ребенка — вся эта груда мяса на земле сейчас выглядит особенно беспомощно.

Спросила у юнцов:

— Скорую вызвали?

Ответил паренек:

— Да! Будет через семь минут.

Голос бойкий, дескать, какие мы молодцы — не растерялись. Бестолочи. Может случиться что угодно, пока скорая доберется. Была бы Юлина воля — она бы обнуляла социальный рейтинг у тех, кто не владеет азами первой помощи.

Но что же с этим богатырем? Юля всматривается в лицо блондина, оно теперь кажется неестественно бледным. Дыхание ровное... Есть! Нужно проверить мышечный тонус: она несколько раз сгибает и разгибает безвольную руку, но к определенному выводу не приходит. Сделать пальпацию грудных мышц? Расстегнула рубашку... и увидела татуировку: три готических буквы под левым соском — «Л.В.М.».

Отпрянула, ее скрутило от отвращения. Такие татуировки накалывают бойцы элитного спецназа противника, аббревиатура означает: Летучие Волки Мегалополиса. Вживую ее раньше видела только один раз. На мертвом.

Человек на земле перестал существовать для Юли — там теперь бессмысленная груда плоти. И пускай, скорей всего, она близка к постановке диагноза — гипогликемическая кома, это больше не интересует. Подсознание по инерции нашептывает: можно осмотреть карманы — поискать глюкометр. Но ноги уже рефлекторно уносят подальше от полудохлой падали. Вслед слышится удивленное:

— Куда же вы?

Она не отвечает. Что тут можно обсуждать?

Сегодня в школе — «Умение учиться и критическое мышление». Хоть и не ее родная спецуха, где Юля кайфует, но все же и не курс по «Социальной этике». Последний она еле терпит: деваться некуда, рейтинг нужно вернуть к приемлемой величине. Собственно, она в «Авроре» именно из-за социалки: после тяжбы с Маскаевым рейтинг сильно просел, хоть потом и восстановился немного после той катастрофы. Но самое главное, с помощью своих шавок-психологов подонку удалось доказать: она социально неблагонадежна — якобы у нее плохо с этикой принятия решений в сложных условиях.

Олигарх своего не добился, как ни старался: Юля на свободе и сейчас практикует. Хотя текущий рейтинг, даже приподнятый после инцидента на заводе, позволяет только страховать ИИ-хирурга во время пустяковых операций — типа удаления аппендицита. А для нее настоя-

щая большая нейрохирургия — как дышать! Она точно знает, для чего живет. Впрочем, еще пару лет — и, возможно, на помойку — ИИ-медицина становится все более продвинутой.

Но это где-то далеко, потом. Пока Юле светит серьезный экзамен на полиграфе — он покажет, изменилось ли ее восприятие некоторых этических аспектов или нет. Конечно, ничуть не изменилось! И не изменится, хоть сто курсов пройди. Но впереди еще целый учебный год, она обязательно что-нибудь придумает — найдет лазейку, может научиться чему-то на проклятой «Социальной этике».

А занятия по специальности в «Авроре» — отдушина, блестящие практикующие хирурги рассказывают про новейшие методики и научные разработки. Информации океан, усвоить сразу не получается. Иногда трудно понимать сложные аспекты. Но она уже знает — где и как все можно применить. В голове крутится бесстрастный счетчик: скольких из тех, кого потеряла на операциях, можно было спасти.

Но сейчас Всеволод будет нудить про вещи, которые очень далеки от хирургической практики. Локация, где занимаются, — нечто вроде летнего театра: нарядная волнистая ракушка над сценой, ряды симпатичных лавочек, вокруг — душистая пена цветущей сирени. В глубине, рядом с кулисами, притаился похожий на слоненка кабинетный рояль.

Профессор гоголем расхаживает перед студентами, ютящимися на нижнем ярусе лавочек. Плаксы Саши нет. Наверное, действительно бросила школу — их сразу предупредили: все предметы обязательные, откосить от чего-то не получится.

Рома сидит справа, исподтишка разглядывает Юлю. Удивительно, но от этого теплеет на сердце, давно она не ощущала ничего подобного. А недавно поймала себя — стали нравиться его резковатые, полные сарказма шутки. И даже горькая складка резко очерченного рта волнует. Теперь Юля почему-то уверена: грубость и эпатаж Ромы — лишь маска. Интересно — что там, под ней?

Леша устроился слева. Конечно, тоже проявляет интерес: иногда бросает щенячьи взгляды исподлобья. Он такой милый, нескладный. Но к нему Юля испытывает скорее материнские чувства, его хочется защищать.

Юная Аня после яркого выступления на прошлом занятии опять погрузилась в нирвану, медитирует где-то в своих мирах. Впрочем, она не упускает ни слова мэтра. Проверено: ее результаты самые лучшие. А близнецы, хоть и сидят через четыре человека друг от друга, — собачатся, как обычно.

Юля не вникает в суть их разборки, там все понятно — вечная борьба прогресса против традиций. Но она больше на стороне Инны, позиция законодательницы дает надежду — еще будет работа по специальности.

Старикан сегодня какой-то особенно угрюмый: кажется, даже уши на лысом черепе уныло поникли. Но, как обычно, болбочет что-то о мозге — разных режимах его работы. Вокруг него — вихрь дурацкой голографической анимации.

Им показывают человечка, он бежит вокруг огромного черного ящика. Из глаз бьет голубой луч лазера: он сканирует тот здоровый сундук. Сценка символизирует мозг в сконцентрированном состоянии — он пытается решить сложную задачу. Потом картинка меняется: теперь мозг в расслабленном состоянии — человек развалился в кресле, черный ящик отставлен в угол комнаты.

Юля уловила — оба режима полезны. Умение переключаться между ними помогает справляться с непростыми проблемами. Только непонятно: что для этого нужно делать? И переспрашивать не хочется. Придется потом самой разбираться — тесты никто не отменял.

Проскрежетал ностальгический школьный звонок — долгожданная перемена. Профессор взмахом отослал голографию прочь. И сам пропал — видимо, отдыхает в *Реалке*, тяжело старику долго находиться в *Другой*. Студенты тоже удалились, только двое по бокам на месте.

Юля ощущает знакомое беспокойство: хочется покурить, как когда-то давно, между парами. Значит, нужно с кем-то потрепаться — как ни странно, но всегда отвлекает. Тем более видно — кавалеров справа и слева распирает от желания поговорить, не зря не ускакали на перемену в *Реалку*. Но оба пока медлят, не решаются.

Юля задает первый попавшийся на ум вопрос.

— Как дела, ребята? Что в Городе слышно?

На лице Леша отражается лихорадочная работа мысли — брови шевелятся, по лбу пробегают тени. Очевидно, бородатый соученик не может решить, о чем рассказать — боится выглядеть неинтересным, особенно в присутствии конкурента. Она мысленно делает заметку: стараться не создавать таких ситуаций — не ставить таксиста в неудобное положение.

Тем временем скорохват Рома быстро находится:

— Дела идут, Юля. Разные дела происходят. Днем сегодня нырнул в новости, я подписан на Алису. У нее классные *События*, знаешь эту блогершу?

— Слышала. Но сама ни разу, как ты говоришь, не «нырнула». Я не люблю *Другую*, предпочитаю настоящий свежий воздух.

Юля ловит потеплевший взгляд Алексея. Он, естественно, воспринимает реплику как свидетельство: с ним у нее большего общего, чем с инженером.

— У Алисы как обычно: с пылу с жару, сюжет называется «Равнодушные профи. Или?». Она добыла с уличных камер запись очередной пакости в Городе, быстренько соорудила *Событие*, — инженер входит в раж, видимо, новость задела его за живое. — Представляешь, мужику стало плохо на улице: скакнул инсулин. Мимо бежала какая-то девушка, лицо в *Событии*, конечно, размыто. Но по фигуре — молодая, спортивная, — Рома спохватывается. — Впрочем, ей далеко до тебя.

Юля уже все поняла. Как она забыла про вездесущие камеры? Но чему быть, того не миновать.

— И что интересно, сразу видно: бегунья имеет отношение к медицине, да еще какое. Я два раза перематывал. Движения четкие, мгновенно провела диагностику. Согласен с Алисой, дамочка — врач высокого класса, возможно, парамедик... — голос Романа наполняется злостью. — Но потом непонятно почему она взяла и бросила бедолагу — просто потрусилась дальше! Еще двое, что там были, — звали ее, кричали вслед. Ноль внимания! Я бы таких тварей сажал надолго. Хорошо еще, скорая приехала вовремя — мужика откачали.

Не сдох, получается, оклемался. Юле бы промолчать, просто пожать плечами. Но она не может. Сейчас кто-то внутри без ее согласия управляет речью:

— Это была я.

У Романа лицо — как будто кто-то дал пощечину. Алексей моргает, пытается осмыслить сказанное. Но первым приходит в себя:

— Юля... э-э-э... как? Вот, значит... Но... э-э-э, почему??

— Потому, Алексей, потому. Увидела у гниды татуировку — против Города воевал. Убивал наших ребят...

Глаза Леша наполняются пониманием. Роман же смотрит на Юлю с ужасом, дрожит нижняя губа. Почему-то сейчас инженер омерзительен, и она с наслаждением накидывает еще дерьма на вентилятор.

— Хорошая у твари фигура, говоришь? Чего ты здесь живешь, если Город сплошная пакость?

Вот тут инженера переключивает, несет:

— К твоему сведению, я в «Авроре» как раз потому, что планирую свалить из Города. Поскорей! Потому что тут полно таких, как ты! Ты же врач! Как ты могла? Именно ты! Не могу я одним воздухом дышать...

Роман осекся. Наверное, не хочет прямо говорить Юле: отказываюсь делить кислород с тобой. Морщины на его лбу — будто на коврике, о который вытерли ноги. А светлые глаза от навернувшихся слез — хрустальные.

Реакция Ромы указывает: он равнодушен к ней, несмотря ни на что, и Юле это приятно... Зачем она настолько резко? Но инженер сам виноват — тварью обозвал, между прочим. И все же нужно разрядить обстановку.

И тут встречается Алексей:

— Роман, ты, э-э-э... неправ! Город наш — самый лучший! Перестань на него хулу возводить! Ты несмышленьш еще... Не знаешь, как в других местах!

Сказанное таксистом оказалось последней каплей. Роман презрительно раздувает ноздри:

— Можно подумать, ты знаешь! Пошли вы все. Не хочу с вами ничего общего иметь. Особенно с тобой, Юля.

И тут она наконец слышит — уже несколько секунд надывается звонок, класс опять заполняется. Появился профессор — он ухватил последнюю фразу инженера, аж рот раскрыл от удивления.

— Что здесь происходит? У вас все в порядке?

Роман смотрит на мрачного Всеволода, кривится:

— Нет, не в порядке! Я, как и Саша, не хочу здесь больше учиться!

Профессор спадает с лица, кажется — вот-вот заплачет.

— Роман, пожалуйста, объясните. Почему вдруг такое решение? Вы же прекрасно понимаете: без «Авроры» вам не достичь нужного инженерного рейтинга! И социальный может понизиться. Если у вас нет уважительных причин — это психологическая неустойчивость!

Но видимо, тактику старикан выбрал неправильно — Роман злится еще больше.

— Вы мне угрожаете?? Повторяю — пошли вы все!

Больше инженер не стал ничего говорить — бросил прощальный взгляд на Юлю и растаял. И почти одновременно перед глазами возник и тревожно замерцал красный восклицательный знак: ее умный дом оповещает — получено важное сообщение, требуется вернуться в *Реалку* и срочно с ним ознакомиться.

Вчера вечером после занятий Юля почти сорвалась — выкурила одну сигаретку из заветной пачки «Городских черных», несколько раз вынимала полбанки медицинского спирта, давно хранившегося в холодильнике. Но сдержалась: помнила, утром нужно быть собранной. Да и вообще самые главные победы — всегда над собой.

Разбудила Пальма: ее горячий мягкий язык зашекотал лицо — она так делает, когда на часах пять утра, а хозяйка еще не проснулась. Вопрос, каким образом рыжая сеттерша определяет время, перестал занимать уже давно. Тут просто данность. Пусть ученые ломают голову, а у Юли есть замечательный живой будильник. И на него можно положиться, как на себя.

И хорошая новость: сегодня Пальма уже подвижна, бегаёт по комнате и явно рвется погулять. Перестала хандрить, наконец помогли дорожные добавки, назначенные в ветеринарной клинике. До этого целую неделю капризничала, поскуливала: отказывалась сопровождать Юлю на пробежках.

За окном еще темным-темно, а в комнате горят только два маленьких желтых бра по обе стороны кровати. Обстановка Юлиной спальни — спартанская, она равнодушна к уюту и изыскам интерьера. Помимо железной койки — только турник, платяной шкаф и комод из военторга. Пристегнув стопу с простенькой гидравликой и совершив быстрый утренний туалет,

Юля начинает день с небольшого суперсета: отжимания, приседания и подтягивания. Пальма путается под ногами, подгоняет, молотит хвостом — хочет наконец на улицу.

В полдень Юлю ждет суд — скорый и наверняка неправый. Скорый, потому что повестку она получила только вчера, прямо во время занятий в «Авроре». А заседание уже сегодня, вот оно — современное автоматизированное судопроизводство в действии. И неправый — потому что шьют неоказание врачебной помощи и оставление в опасности того боевика из Мегаполиса.

Город совсем прогнил, теперь здесь благоденствует Купец. И гниды, которые убивали ее товарищей во время последнего конфликта, — тоже прекрасно себя чувствуют. Сам факт — судят Юлю, а не кусок мяса из Мегаполиса: значит, все очень плохо.

Без малого через семь часов она уже подходит к зданию суда на Главной. Несмотря на тяжелую поступь прогресса — основная масса дел еще рассматривается очно, в реальности.

Зданию лет триста, но муниципалитет за ним следит — это витрина власти и символ правопорядка Города: мощные колонны, на портике герб Города — золотой орел, все тяжеловесное, серого гранита, статуи на крыше напоминают огромные черные шахматные фигуры.

Широченная каменная лестница ведет к массивным дубовым дверям в три человеческих роста. Кажется, отворить гигантскую резную створу невозможно, но дверь хороша смазана — ход у нее плавный, она исправно поглощает поток посетителей. Юля входит бестрепетно: делай что должно, и будь что будет.

Зал, в котором назначено заседание, — на втором этаже. В помещении прохладно, хотя солнце широко бьет в двойные окна, драпированные темно-алыми гардинами. Паркет блестит, как каток. От рядов для зрителей слышится скрип сидений, видимо, народ по-прежнему падок на зрелища, щекочущие нервы, — без пяти двенадцать, а свободных мест уже не осталось. Неужели Алисины новости вызывают такой интерес? Откуда столько внимания к судьбе скромного врача? Надо же, потратить время на очное присутствие... Еще непонятно: люди пришли ее поддержать или, наоборот, переживают за это отребье, которое даже не сдохло... Теперь в Городе полная мешанина, поди разберись.

Вдруг она замечает Алексея, он сидит на крайнем месте пятого ряда, нервно поглаживает бороду. Ничего себе — как он узнал? А в реале тщедушный. Таксист замечает Юлю, показывает пальцами «викторию», мол, все будет хорошо. В ответ она улыбается и поднимает большой палец.

Юля ощущает чей-то тяжелый взгляд. Шарит глазами по залу и видит: в центре первого ряда сидит Маскаев, по бокам — два худеньких с виду, но наверняка очень опасных телохранителя.

Олигарх теперь совершенно седой. Хищный нос стал еще больше похож на орлиный клюв. С тех пор как Юля имела неудовольствие общаться с ним вживую — черты заострились еще сильнее, а на щеках обозначились сухие борозды. Маскаев смотрит на нее не мигая, словно хочет заклевать. Она холодно кивает и проходит на свое место — садится к бизнесмену спиной.

Остается две минуты до начала заседания, сзади какое-то шушуканье. Перешептываются двое, судя по голосам — женщины в возрасте.

— Говори тише, она же теперь прямо перед нами сидит.

— Да вижу я, вижу. Не слепая.

Юля все прекрасно слышит и понимает: за спиной разговаривают о ней — поэтому немного любопытно.

— Рассказывай дальше.

— Да что рассказывать. Тогда был огромный поток тяжелораненых, госпиталь не справлялся. У меня там приятельница медсестрой работала. Под конец смены ног под собой не чувала.

Ага, они историю с сыном Маскаева мусолят.

— Ну?

— Что ну? Она сына Маскаева, Виталика, решила не оперировать, не жилец он был. Брала на стол тех, у кого оставались шансы. Сынуля и помер через полчаса. Туда ему и дорога. Козел, говорят, еще тот был.

Юля внутренне соглашается: потом она много узнала о Виталии Маскаеве — слова невидимой соседки правдивы.

— Почему козел?

— Потому что много чего за ним было. Мальчик-то родился с золотой ложкой во рту, краев не видел. Мажор. Отец-то от всего отмазывал. И от истории с задушенной шлюшкой, и от драки, где официанта покалечили. И бесконечные пьяные поездки с отключенным автопилотом покрывал. В тот день злополучный, когда ранило его, приперся-то Виталик на передовую только пиариться! Собирался в депутаты баллотироваться. А там обстрел. Ну и...

Дослушать Юле не удалось — в зал вступил судья, и разговоры смолкли. Но итог известен. Маскаев, конечно, сына Юле не простил: подключил все свои связи. Рейтинг чуть не обнулили, но хоть не посадили. Она тогда перебивалась случайными заработками, хорошо хоть, знакомые пристроили админом в игровой клуб. А потом она поехала поговорить с Маскаевым, и случилась та трагедия на заводе... Потом оказалось: мудако-олигарх тогда и не собирался с ней встречаться. Тем и спасся.

Его честь совсем молоденький, на остром, как карандашик, носу — очки, на голову натянуты белоснежные букли. Он тенорком объявляет заседание открытым. Интересно, зачем ему стеклышки? Отказался от корректировки зрения? Смешно. Скорее этот юнец носит очки просто для солидности, больно не соответствует должность летам.

В нынешние времена процедура суда займет около пятнадцати минут, не больше. Свидетели опрошены заранее, их вызовут по видеосвязи только в случае непредвиденных обстоятельств. Прокурорское заключение, основанное на автоматическом анализе дела, — тоже готово.

Юля согласилась на услуги ИИ-адвоката, Город предоставляет его бесплатно. Средств на человеческого у нее нет, да и смысла она не видит. Вряд ли человек найдет какие-то весомые аргументы в ее защиту... Стратегию ИИ-защитнику проглядела еще вчера, там все стандартно: ссылки на посттравматический синдром, на заслуги, награды и количество спасенных жизней.

Сейчас огласят обвинительное заключение — займет минут пять. После — те же пять минут на защитную речь адвоката. Если никаких сюрпризов не будет, а откуда им взяться — судья зачитает приговор. И делу конец.

В общем, процедура — просто шапито, дань традициям: дескать, правосудие прозрачно и солидно, и главный в процессе — судья. Человек. Сказывается влияние *Традиционалов* и им сочувствующих: такие, как Ян, еще не полностью захватили власть в Городе. Но по мнению Юли — это дело времени.

И конечно, все пошло по накатанной. Сначала ИИ-прокурор густым басом поведал сентиментальную историю диабетика. Оказалось, он переехал в Город давно, еще до последней войны. Видите ли, потому что влюбился. Женился здесь, работает пожарным и даже спас много людей. Вот так сюрприз, умеет, значит, мимикрировать, подонок. Затем обвинитель кратко изложил обстоятельства дела и воззвал к воздаянию. Запросил для Юли пять лет в колонии общего режима.

Когда смолкла гневная речь прокурора — вступил звонкий голос адвоката. Он напомнил о милосердии, потребовал понять непростые обстоятельства и учесть некогда проявленный героизм.

Слушая эту болтовню, Юля следит за реакцией присутствующих. Судья сразу напустил на себя непроницаемый вид, видимо, очень старается походить на беспристрастного служителя Фемиды. Карьеру хочет сделать, молокосос.

А вот настоящий прокурор здесь — Маскаев. Юля уверена — он сильно повлиял на формулировки обвинения. И хоть бизнесмен тоже умеет владеть собой, Юля его легко читает: олигарх иронично шуруется, дескать, готовься, милочка — тебе не отвертеться.

Леша, оказывается, пришел не просто так, заявился на процесс в качества общественного защитника. Когда окончилась сгенерированная ИИ-галиматья, он поднялся, встал перед публикой, одернул пиджачок. Но ничего у него не вышло: минуты три бекал-мекал и в конце концов плюхнулся назад, красный как помидор. Все же он очень милый, хоть и не оратор.

А вот приговор оказался — ни вашим, ни нашим. Судейский сбалансировал наказание. Фигу Маскаеву, погуляет еще Юля на воле. Но медицинский рейтинг опустили в ноль. Теперь уже точно: экзамены в «Авроре» — единственное спасение.

Когда Юля решила, что худшее на сегодня позади, — в ухе зазвучал сигнал вызова. Она запросила визитку абонента — оказалось, это мама Марго, Ангелина. Тут же из динамика раздался плачущий голос:

— Юлечка! Мне сейчас сообщили! Марго умерла в Мегополисе! У нее остановилось сердце. Я не знаю, что делать...

Вдох. А выдох не получается. В Городе труднее и труднее дышать.

Глава 9. Кисточка. Сентябрь. Суета со студентами

Кисточка лежит в теплой ванне — пытается забыться. Уже несколько дней она будто на карусели в парке — однажды мама посадила и заболталась с подружкой: тогда страшно кружилась голова, очень хотелось на твердую землю, но даже сил не было позвать на помощь.

Вот и теперь Кисточка не может соскочить. Мысли ходят по кругу уже несколько дней, потихоньку сводя с ума. И пока никак не получается избавиться от проклятого хоровода. По потолку скользят желтоватые блики, кажется, будто вода наверху и мир перевернулся — вестибулярный аппарат явно дает сбой, колбасит еще больше. Тогда Кисточка закрывает глаза — в отчаянной попытке избавиться хотя бы от этой иллюзии.

А в голове раз за разом все равно разворачивается тошнотворная последовательность. Сначала Кисточку не отпускают глаза отца — усталые и больные. Затем жжет провал дела ее жизни: рейтинги никуда не делись — а теперь она еще и часть системы.

Накатывает страх: Костюмер не звонит! Где он и что с ним? И сразу где-то глубоко внутри опять распускает свои липкие щупальца омерзение: Кисточка работает в «Авроре» и, самое ужасное, — помогает студентам повышать рейтинги... Да еще и бегаёт с помощью Альбины за теми, кто смылся из школы. Она запомнила папины слова, сказанные однажды в сердцах: ты им свет знаний, а они от него разбегаются, как тараканы от тапки.

Впрочем, когда возвращала Сашу, неожиданно поймала себя на мысли: делает это не только из-за угроз директрисы «Авроры». Кисточка чувствует себя виноватой перед журналисткой, нельзя уподобляться Перовой, другой директрисе из прошлого. Потому, когда разговаривала с журналисткой, взаправду на секунду захотела: пусть школа поможет наладить ей жизнь...

Вдобавок накатывает ужас перед предстоящей поездкой за город. Нужно ехать на завод Маскаева, где работает Роман, — заставить и его вернуться в школу. Он уже отклонил попытки поговорить дистанционно, и у Кисточки нет иного выхода: в доступных данных есть только место работы, домашний адрес не указан.

Еще в груди ядовитым цветом распустилось новое чувство: она горько завидует Юле — у той целых два поклонника. А Яну Кисточка даже не может показаться в своем настоящем облики... Впрочем, какая разница — все равно между ними ничего не будет.

Новый поворот колеса в голове — там снова проклятые рейтинги. Нужно что-то с этим делать. Кисточка дотягивается до полочки, берет зеркало — рассматривает свое новое лицо. Проверено, на время помогает.

Медикаментозная трансформация закончилась — теперь у нее интересный миндалевидный разрез глаз, обрисовались высокие скулы, нос получился с закругленным кончиком и аккуратными маленькими ноздрями. Волнует и пугает одновременно: от прежней Кисточки почти ничего не осталось. Но одно хорошо — теперь ее невозможно узнать.

И если бы не отсутствие новых документов — могла бы вообще не беспокоиться. Вздыхнув, Кисточка вылезает из ванны — как всегда, сплеснув немного воды. Пора ехать к Роману. Единственное, что греет: она тщательно проштудировала его досье, хорошо подготовилась к разговору.

Беспилотное такси мчится по загородному шоссе, а страх внутри ревет, словно сирена старинного теплохода в тумане. Кисточка не стала пить таблетки, в памяти еще свежо воспоминание о том безобразии, которое учинила в машине у Алексея. И сейчас остро жалеет о своем решении — сжалась на заднем сидении в комочек, мечтает, чтобы гонка поскорее закончилось.

Снаружи все движется с огромной скоростью. На обочине шеренги полураздетых деревьев сливаются и растягиваются, словно меха гармошки, — даже не успевает различать, какой они породы. Воздух над шоссе студенисто дрожит, оттуда, ухмыляясь, выпрыгивают встречные автомобили — кажется, вот-вот впечатаются в ее беспилотник.

За древесной гармоникой горбы светло-желтых и сочно-зеленых полей ходят волнами. Они подвижны и одновременно пугающе пусты, там нет никакого человеческого движения. Все взаимодействует со всем. Какая-то кирпичная башня очень долго торчит на горизонте — будто посылает сообщение изредка мелькающим домишкам. А в них что-то прячется и в любой момент готово выскочить и напасть...

Кисточка даже боится применить свой любимый прием: просто закрыть глаза. Почему-то кажется — тогда беспилотник точно во что-нибудь врежется, от нее не останется мокрого места.

К счастью, впереди засверкали на солнце купола и параллелепипеды завода — попытка близка к завершению. Но когда через несколько минут Кисточка выходит из машины — земля качается, подкашиваются ноги. Она оседает на прохладный бетон у проходной. Бездушный беспилотник не обращает никакого внимания: такси разворачивается, объезжает клумбу с пестрыми астрочками и стремительно уносится в направлении Города.

Сначала Кисточке показалось: вокруг полная тишина — она плотная, белая, как обратная сторона листа, на которой написана угроза. Но потом прислушалась: ветер тихонько посвистывает в колючей проволоке наверху забора; рядом с оградой, в сухих метелках кашицы, стрекочет кузнечик — наверное, зовет свою подругу; маленькая птичка клюет что-то в траве и тихонько попискивает.

Но нет ни одного звука, идущего от производства! Именно это очень тревожит, лучше бы оно лязгало и гремело. Кисточка затыкает уши, будто сама решила отгородиться от индустриального шума. Становится легче — можно осмотреться.

Новый завод отличается от старого. По крайней мере, от того, каким изображен в игре. Он стал гораздо больше. Вместо двух цехов погибшего предприятия — целый конгломерат белых производственных зданий. Вблизи громадные строения уже не просто параллелепипеды — они оказываются сложными геометрическими фигурами со скошенными углами. Окон нет — где необходимо, освещение внутри полностью искусственное. Теперь такое возможно потому, что заводские конвейеры полностью автоматизированы и нет нужды соблюдать нормы охраны труда.

Человеческие сотрудники, все еще приглядывающие за процессом, работают в отдельном офисе: он прилепился рядом с первым цехом и на фоне остальных громадин выглядит крошечным стеклянным кубиком. Роман — сменный инженер, контролирует работу ИИ-конвейера во втором цехе. Работенка не пыльная, но тоскливая и бесперспективная... Не зря он приперся в школу.

По периметру территории возвышаются сложные решетчатые купола — они похожи на маковки соборов. Это реакторы, которые теперь контролируются новым, более совершенным ИИ. Он больше не должен допустить никаких аварий. Еще тут и там натканы оранжевые и желтые конусы резервуаров — их назначение непонятно. Скорее всего, как обычно — химикаты.

Весь индустриальный пейзаж кажется собранным из элементов конструктора, в который играет гигантский малыш. По сути, Маскаев и есть большой ребенок — он собирает из кубиков будущее для себя и Города.

Немного пообвыкнув и собравшись с силами, Кисточка на зыбких ногах подходит к воротам. Она попадает в поле зрения камеры — из скрытого динамика звучит резкий протяжный сигнал, раздается голос бота системы безопасности:

— Вы находитесь рядом с территорией завода «Домашние устройства». Ваша личность не опознана. Представьтесь и расскажите о цели визита, — тон ИИ хоть и любезен, но достаточно строг, незваных гостей тут не жалуют.

Кисточка подготовилась:

— Здравствуйте, меня зовут Анастасия Пичугина! Я сотрудница школы «Аврора», ассистентка профессора Орлова. Дело в том, что наш студент Роман Астахов забросил занятия. Мне очень нужно с ним поговорить, дело касается его рейтингов.

Система не смогла обработать запрос непрошеной визитерши:

— Это не в моей компетенции, соединяю с начальником отдела безопасности.

Следующие пять минут — препирательства с еще более строгим и угрюмым человеческим сотрудником. Но Кисточке удается донести главный посыл: рейтинги — дело серьезное, ее стоит соединить с Романом.

Прождав еще, наконец услышала крайне недовольный голос инженера. Не здороваясь, он сразу пытается ее отшить:

— Я не знаю, кто и зачем вас сюда послал. Но я не собираюсь возвращаться в «Аврору».

Кисточка вкладывает в ответ максимум драмы:

— Я в такую даль ехала! Может, все же поговорим? Пожалейте меня, пожалуйста!

Роман на секунду замолкает, а потом сбавляет тон:

— Ладно. Сейчас договарюсь, вас пропустят. Только учтите, пройдете процедуру сканирования и найденные устройства сдадите на хранение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.